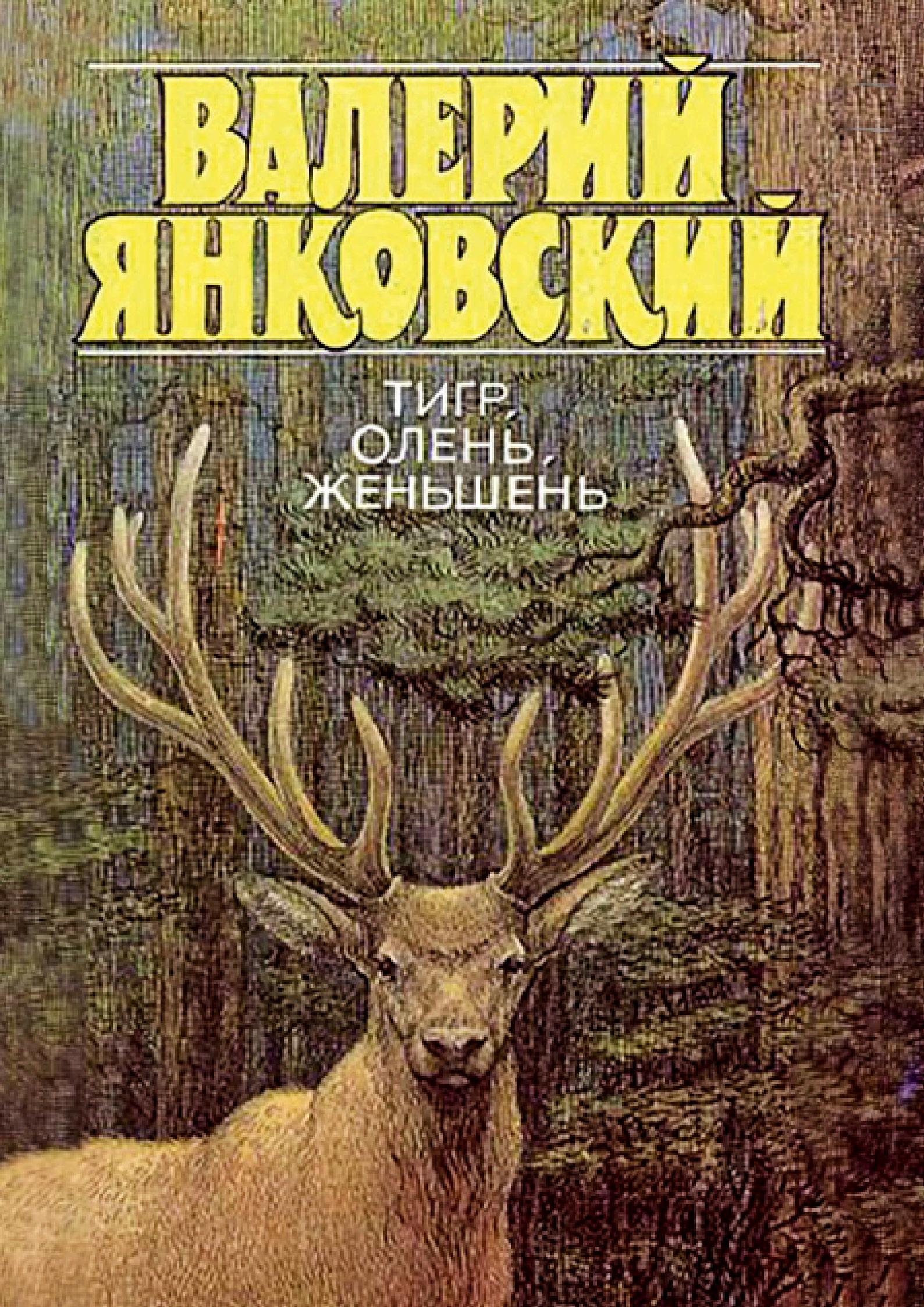

ВАЛЕНТИН ЯНКОВСКИЙ

ТИГР,
ОЛЕНЬ,
ЖЕНЬШЕНЬ

Валерий Юрьевич Янковский

ТИГР, ОЛЕНЬ, ЖЕНЬШЕНЬ

От автора

В предисловии к этой книге я наконец могу сказать все без недомолвок. В прошлом этому мешало очень уж предвзятое отношение к эмиграции, воспитанное в нашем обществе на протяжении многих лет. Предлагаемые рассказы, преимущественно об охоте, — описание подлинных событий; наша семья — потомственные дальневосточные зверобои. Дед, Михаил Иванович Янковский, за отличную стрельбу прозванный Четырехглазым, один из первопроходцев Уссурийского края, передал свой опыт и страсть к природе и охоте сыновьям, в частности моему отцу Юрию Михайловичу, а тот — нам, своим детям.

Нас учили стрельбе и верховой езде с четырех-пяти лет. В шесть, в числе рождественских сюрпризов я получил старинное шомпольное ружье 14-го калибра, с которым начинал охоту отец. В восемь лет начал ходить на куликов и уток. В двенадцать добыл первого козла, а в тринадцать уже из завещанной дедом трехстволки подстрелил первого кабана.

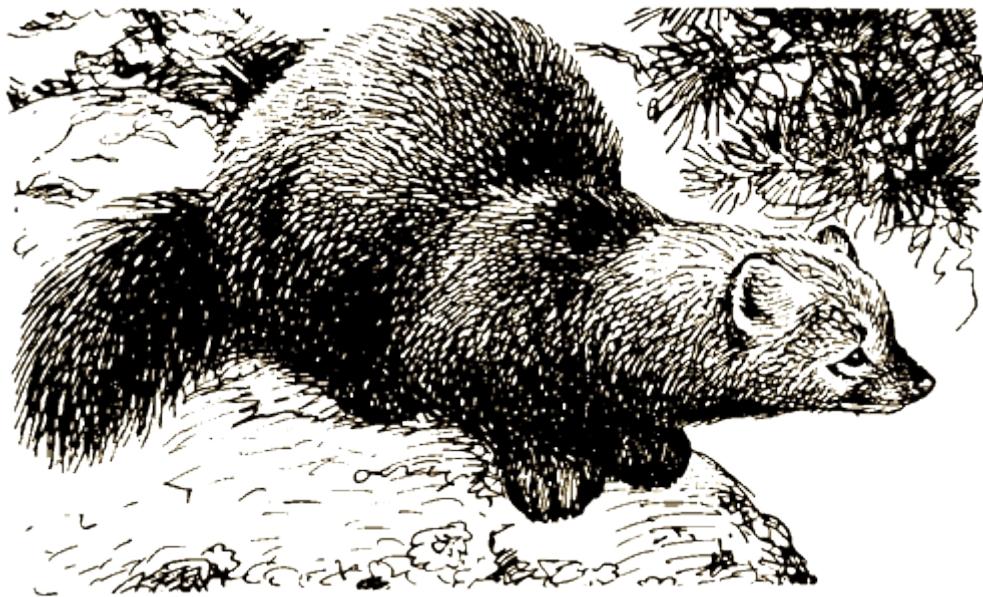
Уникальное хозяйство на полу острове Янковского под Владивостоком, созданное дедом и усовершенствованное отцом (конный завод, пантовые пятнистые олени, плантация дикорастущего женьшена и многое другое), просуществовало сорок два года. В 1922-м оно было конфисковано и национализировано большевиками. От них семья бежала в Корею, где в долине среди покрытых лесом скалистых гор силами двух поколений были построены ферма и экзотический дачный поселок Новина. В свободные от текущих дел сезоны отец и все три сына много времени уделяли охоте на перелетную дичь, фазанов, лисиц, коз, кабанов, хищников. С годами стали наезжать в богатую зверем Маньчжурию. Весной и летом главным трофеем были панты изюбра. В Новине постепенно подобралась большая коллекция рогов косуль, горалов, оленей, изюбров, клыков кабанов, черепов хищных зверей.

В предыдущих книгах я рассказал о делах деда и отца, о своих «хождениях по мукам» за полярным кругом. В этой предлагаю читателю рассказы и маленькую повесть «Пякту сан» — о древнем, овеянном легендами потухшем вулкане, что стоит на границе Кореи и Маньчжурии. Имена участников описываемых событий, географические названия и факты подлинные. В нашей семье развлекательных баек не признавали. Более того, отец говорил: в жизни бывалого таежника так много необыкновенных событий, что врат — только портить. И я строго придерживаюсь семейной традиции.

Хозяйство Янковских в Приморье, повторяю, просуществовало сорок два года. Новые хозяева сохранили только оленей. От конного завода остался небольшой табунок одичавших лошадок, круглый год добывающих себе подножный корм. Женьшень все еще время от времени находят в районе горы Просека, где когда-то размещалась большая плантация. Дома-замка давно нет. Только рощи погребальной сосны напоминают о тех, кто когда-то любовно у крашал этот прекрасный полу остров... Правда, силами общественности и меценатов 15 сентября 1991 года на склоне сопки над бухтой воздвигнут бронзовый памятник Михаилу Ивановичу Янковскому. В науке же остались бабочки, птицы, растения и археологическая культура его имени.

А в Корее? Новина просуществовала двадцать лет. И тоже была конфискована и национализирована коммунистами. Ведь это так просто: отобрать созданное многолетним кропотливым трудом! Там остались могилы наших мамы и бабушки. Сохранились ли, не знаю. И пусть эта книга станет памятником делам дважды в течение века порушенной и разоренной семьи. Вернее, целой династии.

Мой отец Юрий Янковский

Мой отец, Юрий Михайлович, родился в семье отбывшего царскую каторгу за участие в Польском восстании 1863 года польского шляхтича, пана Михаила Янковского, и коренной сибирячки, иркутянки Ольги Лукиничны, у рожденной Кузнечовой. Дед, проработав после каторги пять лет управляющим золотого прииска, арендовал, а позднее приобрел в собственность на берегу Аму рского залива под Владивостоком девственный гористый полуостров, который теперь носит его имя.

Хозяйство там повелось с нуля. Началом «конного завода» в 1879 году явились невзрачный российский жеребчик Атаман и десяток крохотных корейских, маньчжурских и монгольских кобылок, четырех из которых со всем приплодом в первую же зиму задрал тигр. Пантовое оленеводство началось с трех забредших на полуостров из тайги пятнистых оленей. Первая в России плантация женщины возникла из горсти корешков и семян, доставленных аборигенами — тазами. Они же подсказали, что полуостров этот носит старинное удэгейское название — Сидеми.

С годами в семье Янковских появилось четыре сына и две дочери. И все дружно трудились. Приказчиков, как отметил в своих записках дед, на хуторе не держали, во всех делах обходились своими силами. Только пастухами растущего стада работали в основном корейские переселенцы.

Хозяева Сидеми с первых шагов встретились, казалось, с непреодолимыми препятствиями. В те годы помимо четвероногих хищников — тигров, барсов, волков и медведей, переселенцев грабили профессиональные маньчжурские разбойники ху нху зынеохраняемая граница пролегала всего в полусотне километров. При их зверском нападении в июне 1879 года погибла жена соседа, капитана Гека, его рабочие и шестилетний сыннишка. Янковский остался с покалеченной рукой. Однако это не остановило упрямых первопроходцев: Гек женился вновь, продолжил на своей шхуне промысел китов. Янковский не оставил идеи разводить и совершенствовать горячо любимых лошадей. Всего с одним помощником отправился по санному ямщицкому тракту за пять с половиной тысяч верст и пригнал своим ходом из Западной Сибири, не раз рискуя жизнью, табун прекрасных производителей томской породы, затратив на это путешествие десять месяцев! А сын Юрий двадцатилетним парнем отправился в Америку, где простым ковбоем постигал премудрости передового коневодства в техасских прериях, и на третий год привез на

пароходе из Сан-Франциско чистокровных английских скакунов.

К концу XIX — началу XX столетия имение Сидеми стало своего рода образцом для Уссурийского края. Сотни прекрасных лошадей пополняли кавалерию и артиллерийские части, тянули плуг русского переселенца-хлебопашца, с блеском выступали на бегах и скачках, украшая полки гостиной старого дома серебряными кубками.

Стадо оленей за эти годы перевалило за две тысячи голов. Плантация женьшена насчитывала десятки тысяч корней.

Старший сын М. И. Янковского от первого брака — Александр — отделился рано. Фантазер и непоседа то строил шлюзы на Панамском канале, то добывал золото в Клондайке, то путешествовал по Камчатке. Главным хозяином на Сидеми стал Юрий. Следующий по возрасту, Ян, организовал оленеводство на мысе Гамова, неподалеку от Посыета. Младший, Павел, ушел на Германскую, воевал на Западном фронте, а потом — в составе Русского экспедиционного корпуса в союзной Франции. Сдав дела Юрию и жене, Михаил Иванович уехал лечиться сначала в Семипалатинск, а оттуда на Кавказ. Он умер от воспаления легких в Сочи в 1912 году.

Юрий Михайлович женился на старшей дочери владивостокского пароходовладельца, китаеведа М. Г. Шевелева — Маргарите. Пристроил к старому дедовскому дому-крепости величавый белый замок с башней, где на флагштоке развевался голубой флаг с черно-золотым гербом «Новина», принадлежавшим стариинному польскому роду.

Для борьбы с четвероногими и двуногими хищниками на всех вершинах гор были установлены егерские сторожки, связанные телефонами с центральной усадьбой. (Кстати, ныне существующий на полуострове оленесовхоз «Амурский» телефонов не имеет.) Я хорошо помню организацию работы. Тогда не проводили никаких растянутых на часы утренних «пятиминуток». Все распоряжения на завтра отдавались с вечера, и каждый сотрудник знал, что ему делать, за что он в ответе. Отец с зарею бывал уже в седле, объезжая все работы, часто за пределами полуострова. А двое вооруженных дежурных ежедневно совершали верхом объезд полуострова.

В этом хозяйстве никогда не возникало палов, за десятилетия поднялись прекрасные леса едва ли не всех дальневосточных пород. Дом-замок, олений парк, лошади, женьшень, рыбалка постоянно привлекали внимание любителей природы, ученых. Гостями Сидеми побывали будущий президент АН СССР Комаров, поэт Бальмонт, писатель Арсеньев, натуралисты Дыбовский, Мольтрехт, Дэсулави. Губернаторы взяли за правило демонстрировать полуостров Янковского всем высоким гостям Владивостока. Хозяйство процветало...

Однако к лету 1922 года над краем сгустились политические тучи. Шла к концу гражданская война, белые армии откатывались в Маньчжурию, Корею, Китай. Юрий Михайлович понимал, что ждет его как помещика. И решил эмигрировать в Корею. Благо, бывал там в юности, имел немало друзей из числа бывших работников имения. Благодаря деду фамилия Янковских была весьма популярна в Стране Утренней Прохлады. Итак, осенью 22-го все домочадцы, рабочие и служащие, пожелавшие уехать, пересекли пограничную реку Туманган, кто верхом, кто на ледокольном катере «Призрак».

Первые годы эмиграции в корейском городе Сейсин (Чонджин) были очень трудными. Чтобы обеспечить каждого беженца, отец был вынужден распродать все, что удалось в спешке захватить с полуострова: лошадей, коров, катер, автомобиль, много иного имущества. Жили скучно, зарабатывали на жизнь как могли. Одной из статей дохода стала охота.

Только через несколько лет Юрий Михайлович сумел приобрести участок земли около горячих ключей Омпо, в 50 километрах к югу от Сейсина. Создал там хутор и дачный поселок, который нарекли

Новиной. На этом курорте летом принимали дачников и туристов из Харбина, Сеула, Тяньцзина, Шанхая и даже из Европы. Развели пойманых в лесу пятнистых оленей, вырастили сад, завели пасеку, молочных коров. Приобрели два автомобиля.

Самым популярным и любимым занятием мужской половины семьи Янковских всегда была охота. На фазанов и гусей, на коз, кабанов, медведей, пантачей-оленей и изюбров, на хищников. Но трофеем номер один всегда оставался тигр.

Мой отец рос в те годы, когда тигры были непримиримыми врагами животноводов. Давили не только лошадей и оленей, но и коров, свиней, собак. Пятнадцатилетним юношей Юрий с братом Александром убили тигрицу, стащившую с коня и рвавшую на снегу их любимого «дядьку» богатыря Платона Федорова. Все это, несомненно, породило особую страсть к охоте на тигров. В конце концов отец сам угодил в лапы разъяренной тигрицы. Но в последний момент его спас сын Юрий.

В 1944 году в Харбине вышла книга отца «Полвека охоты на тигров», куда вошла серия невыдуманных рассказов.

Жизнь Юрия Михайловича оборвалась трагично. После войны с Японией он был арестован, осужден на 10 лет и этапирован в Сибирь. Наша последняя встреча состоялась в лагере на Первой речке Владивостока в мае 1947 года. Мы не смогли даже обняться. Я сидел в ЗУРе — зоне усиленного режима, и мы сумели только пожать друг другу руки сквозь ячейки проволочной ограды. А позднее, по неисповедимой каторжной судьбине, отец встретился в сибирском этапе и два дня просидел рядом на нарах с младшим сыном Юрием, которого везли в Казахстан. Тем «самым маленьким» сыном, который за несколько лет до этого пристрелил подмявшую отца тигрицу. Многое из жизни нашей, некогда большой дружной семьи успели они вспомнить за эти два дня...

Мы с женой, освободившись, переписывались с отцом и ждали его в Магадане. В Тайшете, только что отбыв свой десятилетний срок, поджидала, чтобы ехать вместе, его племянница, дочь убитого террористом в Шанхае младшего брата Павла. Сохранились письма отца из лагеря, очень спокойные, философские письма.

Он сообщал, что последние пять лет работает в «зоне» дворником, пишет свои воспоминания о Приморье, Корее, Америке. Получает за работу пять рублей в месяц, но что этого на бумагу и карандаши ему хватает. Я перевел ему триста рублей. Он благодариł, сказал, что теперь «богат как Крез»...

Отец не дожил до освобождения какие-то недели, может быть, дни. Простудился и умер в лагере в мае 1956 года. Последний его адрес на конвертах: «Иркутская область, Чунский район, п/о Сосновка, п/я 90/2-237». Это где-то на дороге Тайшет — Братск.

Мне не довелось поклониться его могиле. Лагерные кладбища давно, как правило, сровняли с землей.

Первый трофей

К сожалению, я помню деда только по рассказам старших. Наша единственная встреча состоялась, когда мне не было двух лет. Тогда дед и завещал мне замечательную зауэрскую трехстволку.

Мне рассказывали родители: отправляясь в свое последнее путешествие в Сочи, уже прощаясь, дед поднял меня на руки, поднес к стене кабинета и, заставив тронуть рукой висевшее там ружье, сказал:

— Вот вырастешь — будет твое!

Это было прекрасное охотниче оружие, выполненное в Германии по его чертежу. Два верхних гладких ствола 16-го калибра, нижний нарезной, под сильный боевой патрон калибра русской трехлинейки. Конечно, еще курковое: левый курок при переводе рычажка работал на пулевой ствол.

Но отец долго не разрешал мне пользоваться дедовским подарком.

— Ты должен начинать охоту с шомполкой, как я, только тогда из тебя выработается настоящий, выдержаный стрелок и охотник. Из современных, да еще скорострельных научиться палить успеешь...

Оглядываясь назад, не могу не согласиться с его взглядами: шомполка с детства — большая и серьезная школа для охотника на всю жизнь. Учит и подкрасться поближе, и бить только наверняка с первого выстрела — больше ведь рассчитывать не на что. А тогда мне это решение казалось очень несправедливым.

Но вот мне уже тринадцать, я полу чил право владеть дедовским ружьем после пяти лет «шомпольной» подготовки...

В весенние каникулы отец обещал взять нас с братом, которому в ту пору было всего десять лет, в горы на кабанов.

— Нужно добыть окорока к Пасхе. Готовьтесь, завтра едем...

На Дальнем Востоке под сороковой параллелью у моря в марте уже почти весна, но в высоких горах еще много снега, а на хребтах едва проходимые сугробы. В тени морозно, на солнце тает. Солнцепечные склоны уже все желтые, в сиверах — зима.

Добравшись поездом под самый перевал станового хребта, мы ушли на несколько километров от маленькой таежной станции и остановились в знакомой голубой фанзе, одиноко прилепившейся у подножия одного из отрогов мощного становика. Эта корейская хата была оштукатурена необыкновенного цвета глиной, отчего действительно выглядела совершенно голубой.

Корейские крестьяне, особенно жители горных районов, — исключительно приветливый и гостеприимный народ. Они считают своим долгом приютить любого странника и не сядут есть, пока не усадят за маленький столик гостя, чтобы поделиться всем, что есть в доме: часто одной вареной картошкой или овсяной кашей, приправленной салатом из редьки, красным от жгучего перца. Отказаться — значит обидеть. Таков закон.

Нас, как старых знакомых, встретили особенно радушно. Охотники, помогающие бороться с грабителями и без того бедных пашен — кабанами, были кровными союзниками, пользовались большим уважением и заботой. Нам отвели у-пан — «верхнюю» комнату, предназначенную для старшего в доме или для гостей. Фанза ведь одноэтажная... Мы уютно расположились на чистеньких циновках теплого, отапливаемого пола — каны. Зимой это особенное удовольствие.

Оклеенная специальной «шелковой» бумагой дверь выходит прямо на открытое крыльце. В середине двери врезано малюсенькое стекlyшко размером в спичечную коробку. Залаяла на улице собака, стариk приложил глаз к стекlyшку — ему все видно...

В первое утро пapa пошел один, предоставив нам полную свободу действий. Помню, мы выехали после масленицы, и нам дали в дорогу блинов. Рюкзаков у нас с братом еще не было; блинчики, соль и спички мы сложили в маленькие белые мешочки из-под муки, заткнули за пояс и отправились. У меня были знаменитая дедовская трехстволка и складной нож на веревочке в кармане. У брата — только перочинный ножичек. Кого мы искали? Вероятно, рябчиков или зайцев, мечтая, разумеется, и о кабане. Но лазали в основном по крутым солнцепекам в дубняках, по сильно шуршащему опавшему листу и до обеда ничего не нашли. Солнце уже хорошо пригревало, блины не давали покоя, и мы чуть за полдень уселись в середине южного склона в старом кабаньем гайне, вытащили свои мешочки...

Наш склон был покрыт лиственным лесом, выше по хребту стояли крупные розовоствольные сосны. Противоположный — через распадок — выглядел еще совсем по-зимнему, на фоне снега четко проектировались черные голые деревья, кустарник, валежины.

Издалека донесся выстрел, второй, третий... Где-то наткнулся на зверя отец! Я глянул через овраг и не сразу понял, в чем дело: показалось — черные валежины вдруг задвигались. Шагах в трехстах по косогору не торопясь шло стадо кабанов!

Надо было подбегать, подкрадываться. Я кинулся было, но увидел, что они уже минуют нас. Позабыв о нарезном стволе, втолкнув жакан и картечь и целясь примерно во всех сразу, сделал два отчаянных бестолковых выстрела. Расстояние для жакана и картечи было совершенно недоступным, и свиньи, лишь слегка прибавив шаг, спокойно перевалили за гору.

Повесив носы, мы отправились домой...

Вечером пришел отец. Оказалось, он на становике убил-таки небольшую чушку; закопал ее в сугробе и завтра обещал взять нас туда с собой. Пожурил меня за безрассудную пальбу, незлобиво посмеялся. Назавтра же с вечерним поездом назначил отъезд.

Утром с нами пошел хозяин фанзы. Часам к одиннадцати выбрались на становик, откопали чушку. Корейцы — великолепные носильщики. Наш спутник, сделав из веревки лямки, скрутил кабана, сел, продел в петли руки, опираясь на палку, поднялся и начал спуск с горы. Он даже не нашел нужным тащить зверя волоком, несмотря на хороший снег.

Папа оценивающе посмотрел на меня:

— Ну как, не заблудишься, пойдешь отсюда самостоятельно, охотой? Спускайся во-он по тому хребтику, он выведет тебя почти к самой фанзе. Не торопись, смотри в оба... А увидишь — не горячись, помни: целься хорошенько! Мы пойдем дальше, правее.

Перекинув по своей привычке винтовку стволом вперед, он сразу пошел широким шагом. Еще совсем маленький Арсений, часто перебирая ногами, едва поспевал за ним.

Хватаясь за деревья, я быстро скатился с главной кручи и угодил на указанную гриву. Там зашагал тише, осторожнее...

Был тихий солнечный полдень. Я настороженно шел по самому гребню, точно выполняя инструкцию. Бесшумно шагая между толстыми розоватыми стволами по мягкому ковру многолетней хвои, на каждом изгибе кряжа тихонько заглядывал то на правый солнцепечный склон, то на заснеженную левую северную покать. По южному склону поодиночке, как в парке, редко стояли крупные дубы и сосны, видно было далеко. На северном склоне лес был мельче и гуще, часто встречались большие острова молодого дубняка и орешника, до самой весны не теряющих своего желто-бурого шумливого листа. Легкий встречный ветер нес запахи талой земли, листа и хвои.

Я прошел уже полпути, когда, заглянув очередной раз в теневую покать, замер... Что-то очень большое и темное, но не похожее на камень или пень выглядело из орешника. Прильнув к толстому стволу сосны, я долго рассматривал странный предмет, и... он двинулся! «Медведь встал с берлоги!» Я стащил с плеча ружье... Чудовище медленно развернулось в кустах, и я увидел длинное, низко опущенное рыло — кабан, огромный секач!

Здесь я проявил выдержку, воспитанную отцом и шомполкой. «Спокойно, не торопись», — зашептал себе под нос и повторил эту фразу несколько раз.

От волнения накатывались слезы, сердце стучало, как дятел, но я не торопился. Черный горб плыл над кустами... «Пусть выйдет на более чистое место»...

Тем временем я поднял лежащую на шарнире прицельную рамку, сдвинул рычаг, взвел курок, уговаривая себя не волноваться.

Кабан медленно двигался влево и, почти миновав кусты, остановился, как бы прислушиваясь или принюхиваясь. Шагов сто. Опершись на сосну и переводя дыхание, я подвел бронзовую мушку к лопатке и нажал. Чах-хх! Он рванулся вперед, ломая кусты, резко повернул вправо вниз и мгновенно скрылся в густых желтых зарослях молодого дубняка...

«Промазал! Боже мой, какой позор! Мазила, каждый бы убил на твоем месте!.. Что делать? Умолчать? А вдруг слышали выстрел и спросят? Что мне рассказать?» Я был совсем потерян.

И тут мелькнула мысль: а что, если отец спросит: «Ты на следу побывал, кровь смотрел?» Не был...

Я постоял и начал нерешительно спускаться к тому месту, где пасся кабан. И вдруг — я не поверил глазам! — на кустах и сухих листьях яркая полоса крови из правого бока! Стрелял в левый: значит, пробило навылет! Ранил, ранил! Пусть теперь даже уйдет, важно, что не промазал... Это, кажется, было самым главным в тот момент.

Однако идти по следу в такую чащу за раненым секачом я не рискнул. Слишком много страшных случаев довелось слышать с раннего детства. Взяв значительно правее, я быстро зашагал лесом к дну распадка, зная, что там есть тропа. Вскоре я уже видел эту тропку сквозь заросли, но тут чуть левее заметил что-то странное: из-за куста торчал черный согнутый сук — словно толстая нога с копытом... Еще шаг, копыто, точно... Еще — и я ахнул: на спине, всеми четырьмя копытами кверху, лежал огромный черный, с

проседью кабан с большим пятном на горле! Загнутые желтоватые клыки отворачивали черные губы...

«Откуда? Кто, когда убил, или сам подох?» И тут осенило: на боку свежая кровь, это же мой! Описал дугу и упал тут, на моем пути.

Но и с лежащим кабаном не шутят. Я взвел курок и, держа трехстволку наготове, поднял тяжелый сук и бросил его в круглый бок. Зверь не шелохнулся. Держа палец на спуске, сильно ткнул стволом в живот. Туша качнулась, что-то булькнуло и заурчало. Готов! Я положил ружье и вынул нож. Хотелось выпотрошить по всем правилам, но куда там! Тупое лезвие в неопытных детских руках только скользило по блестящей щетине. Я сунул нож в карман и побежал по дорожке. Все пело во мне...

Папа с Арсением уже сидели в фанзе и, сложив вещи, поджиная меня, пили чай при открытых дверях. Видимо, на моей багрово-красной физиономии было отражено такое возбуждение и растерянность, что, только глянув, отец спросил: «Что с тобой?»

Драма заключалась в том, что по молодости лет я еще не имел права на охоту и страшно боялся, что меня накажут, а главное — отберут ружье!

Я шагнул к отцу и жарко зашептал на ухо: «Папа, я убил кабана...» Он вскочил, весело рассмеялся и, к моему ужасу, громко воскликнул, путая русские слова с корейскими: «Убил секача? Молодец! Чуни! Сесурги!» (Хозяин, быка с арбой!)

Кабан оказался настолько большим и тяжелым, что мы втроем никак не могли его погрузить. Пришлось повалить набок двухколесную арбу, закатить на нее тушу, а потом вагами вновь поставить на колеса.

Через час кабан был во дворе, а вечером мы общими усилиями погрузили обе туши в багажный вагон.

Отец мазнул меня по лбу кровью первого вепря, посвящая в охотники, и я не смывал ее до самого дома.

Тигровая экспедиция мистера Рида

— Мама! Письмо их Хахбина! — наша картавая сестра, юная поэтесса Виктория, вихрем промчалась через столовую и взлетела по лестнице на второй этаж пристройки большой корейской фанзы под черепичной крышей, где располагалась комната родителей.

Маргарита Михайловна вскрыла большой голубовато-серый фирменный конверт харбинского отеля «Модерн», вытянула листки, исписанные четким почерком отца. Почти взрослые дети сгрудились за ее креслом, вытянув шеи. Мама засмеялась:

— Ну, заварил, кажется, ваш отец кашу. Привезет с собой целую экспедицию. Какой-то богатый американец из Лос-Анджелеса Рид хочет добыть тигра. С ним кинооператор, двадцать две собаки, да еще нанял секретарем эмигранта молодого графа Олсуфьеву! Рид хотел охотиться в Маньчжурии, но как просыпал о хунхузах, струсили. Познакомился в «Модерне» с папой и попросил организовать охоту у нас в Корее. На днях все выезжают к нам...

Шло второе десятилетие аннексии Кореи Японией и пятый год нашей эмиграции в Корею. Это были трудные годы. Наша семья и домочадцы ютились в маленьких комнатах вытянутой буквой «Г» корейской фанзы, стоявшей на высоком холме над гаванью порта Сейсин. Чтобы как-то прожить, вся семья, в том числе мы, мальчишки, солили и коптили на продажу сельдь и иваси, выпекали хлеб и пирожки, развозили на ручной тележке керосин. Охотились на фазанов и коз.

И вот отец задумал организовать «сафари».

Через несколько дней после получения письма из Харбина тигровая экспедиция Рида целиком заполнила наш обширный, обнесенный дощатым забором двор. Разбирали и перепаковывали груды тюков и ящиков. Чего здесь только не было! Оружие, бинокли, киноаппаратура, палатки, одежда, обувь, консервы, сухофрукты, мешки с комбикормом для собак. В одном углу двора гавкали и выли огромные мохнатые и небольшие псы, обученные искать, догонять, держать и даже откапывать зверя из нор. Черные, серые, рыжие. В другом углу топтались предназначенные под седло две крепкие монгольские лошадки.

Плотный, краснолицый, с седоватой щетиной на щеках, голубоглазый глава предприятия —

таинственно разбогатевший техасский ковбой мистер Рид — метался среди своего движимого и недвижимого имущества, бросая короткие команды. Рядом с ним, поглаживая усы, шагал в своей неизменной форме — серо-зеленый френч и бриджи, шнуровые коричневые сапоги — наш быстрый в движениях отец. Тут же — руки в карманах модных галифе — разгуливал молодой статный брюнет, личный секретарь американца, граф Михаил Юрьевич Олсуфьев. Он снисходительно передавал распоряжения босса, перекидываясь шутками с молодежью и попутно флиртуя с влюбившимися в него с первого взгляда обеими нашими сестрами — Музой и Викторией. Граф сразу покорил женское общество. Как же, всем уже была известна его романтическая история.

Михаил Юрьевич имел в Харбине прекрасно оплачиваемую службу в американском банке. И все шло отлично до тех пор, пока он не получил от босса приглашения на прием по случаю католического Рождества. В особняке управляющего собралось избранное общество. В огромной гостиной приглашенные танцевали, разгуливали с бокалами коктейлей, обменивались новостями и любезностями. Графу давно приглянулась очаровательная жена хозяина. Она благосклонно принимала его комплименты, улыбалась и... граф решил закрепить успех. У ангlosаксов есть неписаный закон: если кавалер задержит даму под омелой, он имеет право ее поцеловать. И вот, когда, фланируя, они оказались перед распахнутой дверью в малую гостиную, Олсуфьев заметил укрепленную над ней омелу. Опытный ловелас не растерялся, привлек к себе красавицу американку и довольно крепко прижал свои губы к ее...

Он утверждал, что даме это явно понравилось, но управляющий почему-то не оценил находчивости своего клерка, и на следующий день Олсуфьеву было заявлено, что он уволен. Граф стал временно безработным; он искал достойное для себя место, когда встретил в «Модерне» Рида.

Отец заключил с Ридом контракт. Выделил штат охотников, поваров и рабочих, обязавшись руководить, снабжать и направлять экспедицию по намеченному им маршруту. Штатными зверобоями были оформлены: друг отца по Приморью Николай Иванович Соколов (Ника-Ваня, как мы звали его между собой), наш учитель японского языка, в прошлом студент Дальневосточного института, Жорка — Георгий Николаевич Гусаковский, наш двоюродный молодой дядька Виктор, мой брат Арсений и я. Причем мне было 16, а Арсению всего 13 лет. Наш младший, Юрий, бегал еще в коротких штанишках.

Всем штатным охотникам, независимо от возраста, был положен оклад в 105 золотых иен в месяц на полном хозяйственном довольствии, что по тем временам считалось баснословным заработка, ибо цены были грошовыми. Хромовые сапоги на заказ стоили 10, роскошный полушибок — 26 иен. Плитка шоколада — 10 сен (копеек).

Морозным ноябрьским днем мы со старшим поваром, квартирмейстером и переводчиком, много лет прожившим в России, Иваном Чхоном ускакали на «монголках» за сотню верст, где на станции Чхампъен следовало подготовить обоз. В условленный день два пыхтящих паровоза вынырнули в клубах дыма из нижнего тоннеля и подтянули к станции товарно-пассажирский состав. Из вагонов высыпали люди, полетели тюки и ящики с собаками. Поезд дал длинный гудок и влез в очередной тоннель, взираясь по дуге на становой хребет.

Здесь уже стояла настоящая зима. Снег, мороз. Заскрипели деревянными полозьями загруженные под завязку шестеро саней, запряженных рыжими бычками и коровенками. В окружении собак и охотников санной тропой двинулись в горы. Втянулись в узкую долину и в конце ее полезли на водораздельный хребет. Возчики корейцы в серо-белых ватниках и все охотники с криками почти на руках зигзагами втащили после полудня обоз на перевал и остановились перевести дух. Жестокий встречный северо-западный ветер обжигал лица, но все корейцы отправились к стоящей в стороне под одинокой старой грушей кумирне, сложенной из дикого камня. Над ней на ветвях качались разноцветные лоскуты материи, позванивали бронзовые колокольчики. В углублении стояли чашечки для жертвоприношений.

Возницы присели, поклонились, потерли одна о другую ладони, поплевали — тьфу-тьфу и лишь тогда вернулись к обозу, чтобы продолжить путь в укрытую густым темным лесом глубокую долину. Рид приказал отпустить всех собак, вскочил на полюбившегося ему серого иноходца и гикнув: «Лайон! Лайон!» (Лев! Лев!) — ринулся с перевала и скрылся в дремучих зарослях. Собаки, приученные к такой команде, с бешеным лаем неслись рядом с ним до самого табора, подготовленного на дне узкой горной долины, в хоторке из трех фанз под соломенными крышами.

На первом таборе в селении Симподон экспедиция простояла дней десять. Американец кинооператор, рассорившись с Ридом еще в Харбине, давно уехал домой. Штаб экспедиции состоял из Рида, отца и Олсуфьева. Сам Рид то разъезжал по распадкам, то сидел на теплом кане большой фанзы, препарируя добытых охотниками птиц и зверушек. Таксодермист он был отменный. Олсуфьев, изнывая возле своего хозяина, изредка сбегал с кем-нибудь в лес. Мы, рядовые, получив задание, расходились в горы в поисках хищников, по вечерам докладывали о результатах. Отец всегда давал задания с вечера, поэтому по утрам не было суеты. Каждый знал свое дело.

И тринадцатилетний Арсений наравне со всеми в одиночку уходил по заданному маршруту, чем немало удивлял Рида, который поначалу не хотел включать его в состав экспедиции как равноправного охотника.

Постоянно на таборе оставался шутник и балагур Иван Чхон. Он знал несколько английских слов, коряво, но бегло говорил по-русски; быстрый, сообразительный — на все руки — отличноправлялся со своими обязанностями повара-распорядителя. Но однажды проштрафился. Подал Риду горячее жаркое на холодной тарелке. Тот вскипал, раскричался. Отец вызвал Ивана.

— Неужели ты не мог разогреть тарелку для мистера Рида?

Корейский Мефистофель, как его окрестил Арсений, Чхон Чан Гын никогда не терялся. Бабник, циник, бесподобный рассказчик и выдумщик, душа общества, и тут не ударили лицом в грязь.

— Тарелка холодна? А-я-яй! Сейчас, сейчас. Давайте, мид Рин, о-кей!

Но когда через минуту он подал боссу согретую тарелку, тот взвизгнул не своим голосом, бросил ее на пол, стал дуть на пальцы:

— Год дамн! Ее невозможно держать! — Он побагровел. Отец рявкнул: — Иван, что ты наделал?

Иван невозмутимо поднял с циновки злополучную тарелку.

— Юри Микаучи, посмотрите, рази это горячи?

Отец в недоумении посмотрел на Рида:

— Но мистер Рид, тарелка едва теплая...

А повар, сверкая золотой коронкой, которой очень гордился, уже нес другую посудину с новой порцией филе молодого кабана.

Все недоумевали, а позднее на кухне Иван раскрыл свой секрет. Оказывается, решив проучить капризного иностранца, он специально накалил лишь тот край тарелки, который сунул ему в руки. Но чтобы не перепутать, незаметно мазнул холодный край сажей. Второго такого Ивана не придумаешь!..

Мы честно ломали ноги по крутым сопкам, хотя, не говоря об отце, были еще липовыми охотниками по зверю. Однако и зима 1927 года была не добычливой. Главная пища зверья в корейских лесах — желудь — совсем не уродился. Кабан разбрелся, прятался на хвощах в непроходимых ельниках далеких вершин, медведь залег рано, коза тоже куда-то подевалась, а потому тигры, барсы и рыси в поисках добычи бродили бог знает где. Копытных понемногу добывали на мясо, но не это было целью экспедиции. Рид

нервничал.

И вдруг обнаружили след крупного медведя, который очевидно шел ложиться в берлогу. На утро отец наметил преследование. Собрали продуктов на три дня, взяли пилу и топор на случай ночевки в лесу. Он разрешил взять двух помощников: Виктора и Нику-Ваню. Олсуфьеву тоже загорелось пойти с ними. Рид с вечера не возражал, но когда утром все собирались во дворе фанзы, вдруг заявил, что Майкла он не отпускает. А тот уперся: пойду!

Юрий Михайлович держал под уздцы оседланную лошадь. Рид кипятился слева, Олсуфьев справа. Остальные, готовые к выходу, с винтовками на ремнях, стояли полукругом возле. Рид сыпал ругательствами, угрозами. Рукавичка правой руки сжималась в кулак, готовая к выпаду.

— Запрещаю! Останетесь при мне. Или... поедете обратно в Харбин!

Граф невозмутимо парировал:

— Хорошо, только по первому классу!

В самый критический момент отец оперся о седло, оказавшись между спорящими.

— Джентельмены, прекратите! Этот шум не делает вам чести.

Мы одобрительно загудели. Рид оглянулся на нашу компанию: «Все вооружены, черт их знает, этих русских варваров»... Он примолк, а отец сказал примирительно по-английски:

— Мистер Олсуфьев, лучше вам остаться. Я обещаю взять вас как-нибудь в другой раз.

Тот хмуро кивнул и зашагал назад в фанзу, а Рид вскочил на коня и ускакал. Однако медведя так и не нагнали. След замело, вернулись ни с чем. И вскоре наметили перебазировать лагерь на запад в район Мусана.

Все было готово к выступлению, когда вернувшись из леса уже ночью, Юрий Михайлович объявил, что под вечер высledил и ранил рысь. Она ушла, но на следу кровь, бросать нельзя. Что делать? Откладывать выступление было невозможно, сани погружены, быки и возчики готовы, выход объявлен на заре. Рид был страшно удручен. Первый настоящий хищник и на тебе! Но без отца экспедиция дальше идти не может. Они в раздумье замолчали. Молчали и мы, решающее слово принадлежало только старшим.

Юрий Михайлович зажал в ладони уже заметно заросший подбородок, переводя взгляд серых пронзительных глаз с одного помощника на другого. Кому поручить? Все или молоды или недостаточно опытны. А риск идти по следу раненого хищника не мал. И вдруг я почувствовал, как он остановил взгляд на мне...

— Вот что. Пойдешь искать ты. Но смотри, шагай не торопясь, осторожно, гляди в оба. Она может быть и живой, может сделать тебе засаду. Это будет для тебя неплохой экзамен.

Соколов, у которого дома остались два сына моложе нас с Арсением, сказал было, что это слишком рискованно, но отец редко менял свои решения.

— Ты как? Не струсишь? — он поощрительно улыбнулся.

Мог ли я сказать, что трушу? Тем более сейчас, когда на меня смотрели все, в том числе сам Рид, который согласно кивал головой и показал мне большой палец. Олсуфьев переводил ему наш разговор.

Почему папа не выделил мне в помощники кого-нибудь еще? Не знаю. Думаю, все-таки хотел устроить настоящий экзамен на зрелость. Так воспитывал своих детей и наш дед.

На заре заскрипели сани, закричали на скотину закутанные в шарфы, заиндевевые возчики, взвыли на поводках собаки и под начальством плотного, как дуб, дядьки Виктора обоз тронулся в путь. Выбрались на

главную долину. Все повернули к далекому новому перевалу влево, я один зашагал направо.

Отец объяснил все очень подробно. При выходе на санную тропу он заломил как примету молодой дубок. Пройдя несколько верст по этой тропе, я нашел надломленный коричневый куст, вчерашний выходной след, и двинулся по нему.

Снег лежал по колено. Высокая гора, впоследствии получившая название «Рысья сопка», круто забирала вверх. Взошло скучное зимнее солнце, окрасив снег и деревья в оранжевые тона. Я стянул с плеча короткий дедовский винчестер калибра «30–40», и, не доверяя самоделкам, зарядил очень дефицитными в те времена фабричными патронами; перекинул его через плечо стволом вперед и полез в гору. Часам к двенадцати добрался до места вчерашней встречи отца с хищником. Нашел следы прыжков, заметил пожелтевшие пятна крови. Отец преследовал зверя несколько сот шагов, однако наступившие сумерки заставили его повернуть на табор.

Я остановился в раздумье: папа велел идти вдоль следа, не топча его, чтобы не нарушать картины. Чаще пользоваться биноклем, осматриваться по сторонам, прислушиваться, наблюдать ворон, которые могут подсказать присутствие зверя, если он конечно, не ушел слишком далеко. Значит буду следить до тех пор пока можно вернуться к ближайшему жилью. Там переночую, а завтра пущусь догонять экспедицию. И, хотя они ушли неведомо куда, по следам обоза я их за день, конечно, догоню; лишь бы не было пурги.

Так, размышляя, останавливалась и озираясь, уже за полдень добрался под вершину сопки, и тут вдруг заметил несколько ворон. Они кружились над лесом и как-то особенно настойчиво над куртинкой молодого, не сбросившего лист дубняка. Садились на высокие деревья, взъерошив каркали. След держал направление к этой роще. Я снял с плеча винчестер, взвел курок.

Чем ближе подбирался к зарослям желтого орешника и дубняка, тем беспокойнее вели себя вороны. Я остановился и завертел головой: «Залегла? Ждет? Наверное видит меня сквозь заросли, а я? Ничего не вижу!»... Страх сковал ноги, но мысль работала: «Не поворачивать же обратно, а потом рассказывать, что рысь ушла далеко и я ее не догнал; кто-кто, а папа сразу догадается!»

И медленно, как во сне, шаг за шагом двинулся вперед. Вороны, перелетая с дерева на дерево, загадели еще пуще. Показалось, что у одной в клюве зажат клочок шерсти. Может хищник где-то рядом задавил козу, а сейчас уже подкрадывается ко мне? Стало холодно, потом жарко. Не двигаясь, повел головой вправо и вдруг в десяти шагах на меня сквозь орешник глянула серо-желтая с белыми усами и черными стоячими ушами морда! Сейчас накроет!

Я вскинул винчестер и прицелился между глаз. И только в этот момент рассмотрел, что голова слегка припорошена снегом. Она совершенно неподвижна. Как ни странно, хватило выдержки не выстрелить, но держа палец на спусковом крючке, медленно сделать еще шага три. И когда стало очевидно, что хищник мертв, все равно приблизился вплотную с опаской.

Протянул руку, взял за стоячее, с черной кисточкой на конце уха. Оно показалось твердым, как кусок древесной коры. Готов! Опрокинул зверя на бок и залюбовался. Крупный, упитанный, рыжевато-серый котище с темными пятнами по бокам и спине, с черным колечком на коротком хвосте, белыми грудью и животом. Нашел! Теперь он мой! Теперь я его доставлю Риду и удивлю всех! И папа похвалит!

Разгреб снег, разложил костер, наскоро пообедал. Взял кота на веревку и, оставляя в снегу глубокую борозду, стащил зверя в распадок к одинокой жилой фанзе, которую рассмотрел с горы в бинокль. Там и переночевал эту ночь, подрядив хозяина доставить трофея на новую базу. Мы вышли рано, но лишь после полудня перевалив по санному следу экспедиции становой хребет, к вечеру добрались до небольшой деревушки.

По привязанным во дворе собакам определили фанзу, которая стала очередной базой экспедиции.

Смеркалось, крепко подмораживало. Уже войдя во двор, за оклеенной плотной шелковистой бумагой дверью я услышал смех и громкий говор.

— Мистер Рид! — шумел наш бесцеремонный дядька Виктор. — Мистер Рид, гив ми виктролла плиз!

Снова общий смех и ворчливый ответ Рида:

— Виктор, гив ми линкс! Майкл, передайте ему, что виктролла будет работать только на сале рыси. Понятно? А где она, где рысь?

Я не мог удержаться от эффекта и крикнул с улицы:

— Вот она, смотрите!

Дверь с треском распахнулась и все, несмотря на мороз, высыпали во двор. И впереди сам Рид. Он сверкнул коронками, хлопнул меня по плечу и пожал руку.

— Браво, молодец! Вот кому будет музыка и... фруктовый компот!

Папа потрепал меня по загривку:

— Молодчина! Ребята, тащите рысь на кухню, а ты давай, пойдем в комнату, расскажешь, как и где нашел. Я немного беспокоился...

С меня стянули рюкзак, винчестер и бинокль, понесли их в фанзу. После ужина Рид долго священнодействовал на кухне над рысью: взвешивал, замерял, обдирал, не доверяя этих операций никому, а я подробно рассказывал ребятам, как чуть было не выпалил в мертвую голову.

Спустя неделю экспедиция пересекла узкоколейную железную дорогу, связывающую Сейсин с приграничным городком Мусан, и двинулась на запад к районному центру Енса. В самую глушь корейских гор, где, как говорили, кончалась всякая цивилизация. По белому, накатанному санями тракту, петляющему через лесистые хребты, тянулась разномастная и разнокалиберная вереница: свора из двух десятков собак с поводьями, санный обоз о шести рыжих бычках, группа пеших охотников в самодельных серо-белых замшевых куртках и меховых шапках, возглавляемая двумя всадниками — отец и Рид, на сивом и сером иноходцах.

Но избегал шагать пешком и хитрый дядька Виктор. Он приспособил как ездовых нескольких крупных волкодавов. Нашел огромное, выдолбленное из векового тополя корыто, наморозил на дно ледянную корку и катил в нем, как заправский каюр, но старался не попадаться на глаза американцу, который считал это святотатством, грозился уволить. Кучерявый, горбоносый, ленивый богатырь (он в одиночку сгребал с телеги одиннадцатипудовые бочки с цементом) всякий раз пробкой вылетал на дорогу и клялся больше не кататься, но как только плотная фигура всадника скрывалась за поворотом, вновь невозмутимо влезал в свое корыто.

В очередной деревушке отец намечал следующий табор, квартирмейстер Иван организовывал постой для людей, собак и бычков, а охотники рассыпались в поисках хищников. Однако желудь не уродился и тут, и пословица «где кабан, там и тигр» вполне себя оправдывала. Рид злился, по вечерам устраивал сцены, грозился свернуть экспедицию. Олсуфьев незаметно подмигивал:

— Меньше внимания на этого неврастеника. На нет и суда нет. Не бейте зря ноги: поднялись на сопку, развели костер и сидите, кипятите чай. Где вы возьмете ему тигров...

В последующие годы к нам приезжало немало разных иностранных охотников: англичан, шведов, испанцев, американцев — и в основном это были милые и деликатные люди. Но Рид являл характерный пример высокочки «из грязи в князь». Он считал, что за свои деньги имеет право требовать все что угодно. К тому же оказался еще и авантюристом.

В конце пути показалось большое село Енса. Магазин, полиция, почта. Мы заняли одну из самых больших фанз, и вечером пожаловали гости: полицмейстер японец с помощником корейцем.

В хозяйской гостиной Рид, отец и Олсуфьев принимали начальство. Блестя очками на большом красноватом, лупившемся от мороза носу, переводил Жорж Гусаковский. Все расселись на плоских подушках. Мы, рядовые, расположились в соседней комнате, однако двери за высоким порогом были прикрыты наполовину, поэтому разговор на японском, русском и английском долетал отчетливо. После поклонов и витиеватых приветствий началась деловая беседа. Немного о политике, о планах экспедиции, о тиграх.

Полицейские заверили, если перевалить через горы на север, поближе к маньчжурской границе, тигры обязательно встретятся. Пусть «мистеру Ридо» не беспокоится. Наметили маршрут. И здесь как-то выяснилось, что у шерифа полиции есть шкуры барса и медведя, а у Рида золотые кольца с бриллиантами, которые он купил в подарок жене, но готов, если шкуры приглянутся, сделать обмен. Полицмейстер тут же послал помощника к себе домой и тот доставил обе шкуры, недавно добытые и хорошо выделанные.

Рид, ползая на коленях, долго разглядывал, поглаживал меха, запускал в них пальцы, дергал шерсть. При неярком свете подвешенной под потолком керосиновой лампы, оранжевая с черными кольцами, белыми усами и загнутыми когтями барсовая и сверкающая черно-бурая медвежья шкуры оставляли неотразимое впечатление. Японец с помощником подносили к свету кольца, наблюдали игру камней. И вскоре договорились. Шкуры остались у Рида, гости завернули драгоценности в платок и откланялись. Рид не скрывал своего удовлетворения.

Следующий день прошел в сборах. Доставали продукты, фураж, что-то перепаковывали. Приходили и уходили обутые в соломенные лапти-сины и зимние обутки, стеганые на вате высокие чулки-посоны, корейские мужики. В те годы они еще носили на макушках заплетенные из волос высокие, заткнутые серебряной иглой шишкы и курили аршинные трубки. А двор не покидали толпы любопытных шмыгающих на морозе носами мальчишек.

Наконец все было готово, выход назначен до восхода солнца. Все поужинали и собирались улечься пораньше, как неожиданно вновь пожаловали вчерашние высокие гости.

Кликнули переводчиков, но оказалось, что Жорж внезапно заболел. Отец велел было переводить мне, но беседа началась с таких необычайно витиеватых выражений, что я запутался. Дело застопорилось. Снова, категорически потребовали Жоржа и на этот раз, он как-то странно потупившись, все же появился. Я уже только слушал. А полицмейстер развернул вчерашний платок с кольцами и промямлил, что при детальном осмотре дома они с женой нашли камни, э-э-э, недостаточно качественными, а потому он хочет, э-э-э, их вернуть и получить свои шкуры обратно...

Рид заметно скис, но, помявшись, согласился. Обратный обмен состоялся и гости ушли. Стало ясно, что Жорка вовсе не болен, а просто хотел улизнуть от щекотливого разговора. Он признался, что догадывался о том, что камни не совсем чистой воды. Похоже, старый авантюрист просто намеревался «обработать темных дикарей», но номер не прошел...

Тракт, связывающий село Енса с внешним миром, остался позади. Мы одолели водораздельный хребет и оказались в пойме главного притока Тумангана — пограничной с Маньчжурией реки. Заняли две фанзы небольшого хуторка. Шла вторая половина декабря; второй месяц, как тигровая экспедиция Рида скиталась в горах северной Кореи, но не встретила ни одного свежего следа «владыки джунглей». Рид нервничал. Он потребовал, чтобы все охотники разошлись по разным направлениям, сделали глубокую разведку.

Юрий Михайлович был обескуражен. Он разбил всех участников на группы, а сам, взяv старого друга

Соколова, с которым когда-то воевал с хунхузами в Приморье, и меня, направился на север, в сторону маньчжурской границы. Мы шагали, пересекая хребты, сбегавшие к замерзшей реке, и вдруг с радостью обнаружили, что здесь, в старых дубовых лесах неожиданно хорошо уродился желудь. И, как первое доказательство — многочисленные следы кабанов. На больших площадях снег разворочен вместе с опавшим дубовым листом, набиты целые тропы. А среди них, хотя и запорошенные, но отчетливо заметные лунки величиной с тарелку, — несомненно тигровые следы!

Юрий Михайлович, поглаживая на заросшем седоватой щетиной лице каштановые усы, довольно улыбался.

— Ну, как вам нравится, Николай Иванович?

— Похоже, Юрий Михайлович, где-то здесь мы его отыщем.

Я прислушиваюсь к их разговору и мне становится жарко. А вдруг?

К вечеру в бинокль заметили дымившую одинокую фанзушку, приютившуюся в глубоком распадке. Скатились с сопки, вошли в огороженный высоким ивовым плетнем двор, обмели лежавшим на пороге березовым веничком ноги.

— Чuin кесио? — Хозяин есть?

Оклеенная специальной оконной бу магой дверь со вставленным в центре глазком открылась, и сидящий за высоким порогом бронзоволицый морщинистый стариk с жидкой седой бородкой спросил:

— Кто такие? Откуда? Зачем?

Мы, братья, намного быстрее старших освоили азиатские языки. Я объяснил хозяину кто мы, зачем пришли, попросил разрешения переночевать.

В этих местах ру сских не видели со времен ру сско-японской войны; понятно, что появление европейцев вызывало удивление и недоумение.

Однако корейцы, особенно жители глухих таежных уголков, народ необыкновенно гостеприимный и приветливый. И вскоре мы, разувшись и раздевшись, уже сидели на сплётенной из дубового лыка циновке, разостланной по всей комнате на обогревающемся от кухонной топки кане.

Очень многие старики, жители северо-восточных районов Страны Утренней Прохлады, в молодые годы побывали в России: кто просто на заработках, кто на торговых шаландах. Некоторые жили в Уссурийском крае годами, поэтому — кто лучше, кто хуже, но говорили и понимали по-русски. Оказалось, наш хозяин тоже какое-то время жил в Приморье и — удивительное совпадение — работал пастухом на ху торе моего деда, легендарного среди корейцев Четырехглазого. Он помнил моего отца и его брата Александра, которых тогда звали Юрка и Шурка, что в устах корейцев звучало как «Юрика» и «Сурика». И узнав, что перед ним сам «Юрика», стариk долго тряс его ладонь двумя руками...

Невероятно, что традиционное корейское гостеприимство в этот вечер переросло в нечто большее. Нас угостили супом из фазана, чумизной кашей, великолепной, рассыпающейся картошкой и несколькими сортами салатов — кимчи — из корейской капусты и редьки с чесноком и жгучим, как огонь, красным перцем. Правда, отец ни чеснока, ни перца не переносил, но мы с Николаем Ивановичем отведали всего.

Сидя, скрестив ноги, на теплой циновке, стариk то и дело набивал маленькую тру бку, совал ее в стоявшую рядом жаровню с углами, разгребал металлическим чубуком пепел, прикуривал и пускал сизую струю самосада, способного свалить с ног быка. Никогда не ку ривший отец морщился, махал рукой, отгоняя дым, но слушал внимательно.

А старик скрипел: желудь на склонах у реки нынче созрел ладно, диких свиней сигур-сигур — кишит, потому и тигры уже несколько раз заглядывали. Завтра обязательно встретите чушек, а, может, и следы пеми — тигра...

Чуть свет, мы уже забирались на вершину сопки, оттуда должны были разойтись на разведку в разные стороны. Отец, как всегда, широко шагал первым: на левом боку через плечо бинокль, на правом, горизонтально, стволом вперед, длинная русская трехлинейка. Серая заячья шапка то на одном ухе — чтобы лучше слышать, то, когда оно замерзнет — на другом; светло-бежевые с темными нашивками куртка и брюки из оленевой замши отлично сливались с окружающим фоном: потемневшим снегом, серыми стволами деревьев и кустарником.

Крупный, тяжеловатый Соколов и я едва поспевали за ним. Разговаривать в полный голос в лесу отец категорически запрещал, все шагали молча. Вдруг пapa резко остановился, скинул рукавичку и сразу покрасневшей от мороза рукой стал ощупывать пересекший наш путь какой-то крупный след. Резко распрямился и произнес свистящим шепотом:

— Тигр! Совсем недавно, уже утром прошел по кабаньим следам. Он где-то недалеко!

Выхватил из кобуры свой легкий полевой бинокль и стал рассматривать открывавшиеся на западе горы. Покрытые снегом, заросшие густым чернолесием хребты громоздились один над другим. На дальнем, почти в версте от нас, на прогалинах даже простым глазом были видны темные пятна и полосы вывернутого из-под снега потемневшего листа, — работа большого табуна кабанов. Мы с Соколовым тоже вытянули свои бинокли, хотя, честно говоря, я профессионально пользоваться им еще не умел. Это серьезная наука, дающаяся упорной практикой и опытом. Многие ретивые охотники так никогда и не познали ее огромного преимущества, а в нашей семье она прививалась еще дедом. Прижав с боков рукавичками холодные окуляры, отец неотрывно рассматривал дальний косогор. И вдруг выдохнул:

— Вижу! Он! Идет по кабаньей тропе! Смотрите, во-он, в самой середине того сивера, чуть пониже большой копанины...

Я навел свой бинокль и — увидел ЕГО! Сначала показалось, что слева направо вдоль заснеженного и заросшего косогора медленно плывет одно из деревьев, вернее толстое бревно. На этом расстоянии огромный хищник казался совсем черным. Он, он! Какое чудо! Я впервые видел живого тигра в его родной стихии. Сердце отчаянно колотилось, лоб взмок, но я не мог оторваться от окуляров. А «бревно» все плыло, медленно, то скрываясь в зарослях, то появляясь в просветах, — плыло как по шнуре. Видимо, тигр шел звериной тропой, проложенной в глубоком снегу, потому что лап не было видно. Да и расстояние значительное: без бинокля он был едва заметен.

Из шока вывел приглушенный голос отца.

— Слушай, вот что. Мы с Николаем Иванычем пойдем его следить. Может, он задавит кабана и мы его настигнем. А ты дуй бегом на базу, объясни Риду где и как нас найти. Вернее, пересечь наш след и иди по нему. Пусть берет всех свободных людей, всю свору, продуктов дня на три, пилу, топор и — ходом за нами. Не сегодня, так завтра мы должны его нагнать. Не может быть, чтобы не поймал добычу. Ну, давай, пулей!.. Вон с той вершины увидишь реку, а там сориентируешься сам.

В гору я пер как паровоз, а с горы, где только можно, бежал без передышки, из последних сил. Ворвался в фанзу примерно в полдень.

Все были в сборе, ждали известий от нас, сами они ничего не обнаружили. Едва переведя дух, я выпалил:

— Мистер Рид, тайгер!.. Михаил Юрьевич, скажите ему, — мы нашли тигра, пapa идет по следу, велел

догонять...

Граф бойко переводил мой сбивчивый рассказ и инструкции отца. Порозовевший сквозь седую щетину старый ковбой кипел, отдавая приказания. Все пришло в движение. Во дворе затякали собаки, всхрапнул под седлом так полюбившийся Риду серый мерин. Второй пошел под выюком с палаткой, посудой, провиантом. Команда собралась, как на пожар.

Все-таки заметив, что я едва держусь на ногах, Рид похлопал меня по плечу и велел оставаться отдыхать. Ты, мол, свое дело сделал.

Двор опустел, а я растянулся на теплой циновке и похоже чувствовал себя тем греком, который проделал первый марафон. Только в отличие от него остался жив.

Окончание истории я знаю уже со слов участников. Они вышли на следы и к вечеру догнали отца и Соколова, уже вставших на ночлег. Ребята рассказывали, что Рид все время летел впереди на своем «коньке-горбунке» в окружении собак, удивляя всех виртуозной верховой ездой, порой настоящей джигитовкой: перемахивал через упавшие деревья, свалившись на бок, проскакивал под стволами зависших лесин. Подбадривал себя и собак излюбленным кличем «Лайон, лайон!»

Они преследовали тигра весь следующий день, но очевидно сытый кот выгадал за ночь немалую фору и уходил почти по прямой, не задерживаясь и совсем не интересуясь охотой. К концу второго дня след его пересек по заснеженному льду пограничную реку Туманган, за которой, увы, начиналось уже другое государство — Маньчжурия. В те годы — территория трех восточных провинций Китая, которой на правах сильного правил бывший предводитель хунхузов генерал Джан Цзолин. Верховный командующий тех хунхузов, которых панически боялся глава нашей экспедиции.

Так и уехал он назад в Америку без главного, вожделенного трофея. А граф Михаил Юрьевич Олсуфьев вернулся в Харбин и вскоре укатил в Париж.

Однако для нас, братьев, эта охота-сафари сыграла немалую роль. Заставила познакомиться с обширным районом тайги, закалила и многому научила. Впоследствии мы уже самостоятельно руководили многими сложными походами.

Тори

Он был из числа тех необыкновенных существ, которые навечно остаются в памяти после того, как навсегда покинут нас.

Среди нескольких шоколадных гладеньких щенков датских пойнтеров один родился хотя и коричневый, но необычайно длинношерстный и даже слегка кудрявый. Никто не стал особенно интересоваться родословной — у его матери Дианы подобные отклонения — уже случались... Щенка взял на воспитание наш дядька Виктор и назвал его Тором, а ласкательно — Тори, Торка.

Уступая безукоризненностью чутья и экsterьера своим чистокровным братьям, Тори с детства выделялся особыми качествами: очень скромный, понятливый и трудолюбивый, он еще малышом завоевал общую симпатию. А с годами — тем более.

Если кто-либо из компании охотников безнадежно терял сбитого проворного фазана, звали Торку. Достаточно было привести его на след умчавшегося хитрого петуха, Тори, не торопясь, уткнув нос в сухой осенний бурьян и громко отфыркиваясь, кропотливо распутывал след и вскоре переходил на короткие прыжки. Незнакомые с «его почерком» скептики выражали сомнение, критикуя такой «неклассический» поиск: чистокровная легавая не должна копаться, должна брать верхним чутьем! Но знавшие Торкину настойчивость посмеивались.

Фазан уходит очень быстро и далеко, порою приходилось ждать десять, двадцать минут, полчаса, но... Тори неизменно являлся с петухом в зубах! Поблескивая умными желтыми глазами, повиливая обрубком хвостика, скромно отдавал дичь в руки охотника.

Однажды ветреным ясным осеннем днем за стеной высокого шелестящего камыша мы близко подкрались к огромной стае гусей, жировавшей на берегу большого озера. Из поднявшейся стаи сбили девять гуменников. Трех на мелководье собрали сами, шесть выловил и вынес из озера Тори. И ни за одним его не надо было посыпать. Он приносил их по очереди, отдавал в руки и тут же кидался в воду снова — было похоже, что успел всех пересчитать.

Последний подранок сумел отплыть метров на триста. Утомленный Торка погнался за ним. Сильный ветер поднял порядочную волну, мы беспокоились. Стоя на песчаном берегу, усыпанном пухом и белыми кляксами долго отдыхавшей стаи, с напряжением наблюдали, как далеко на синей воде коричневая голова собаки нагоняла темную птицу. И когда две точки почти сошлись, гусь вдруг нырнул!

Тори в смятении закружился на мелкой волне. Гусь вынырнул, пес направился к нему, но тот мгновенно нырнул снова и... Тори за ним! Мы застыли в ужасе, боясь, что он вообще не вынырнет, но он появился, держа гуменника за хвост! Настиг гуся под водой... Выходя с ношей на берег, шатался и, только отдав ее в руки, упал на песок. Все сбежались к нему, хвалили, гладили, вытирали сухой травой и — в восторге — даже качали!

Тори быстро научился брать подранков коз, лис. При этом никогда не пытался разорвать шкуру, есть мясо. Возвратившись к стрелку, вертя хвостиком и красноречиво оглядываясь, приглашал следовать за собой, приводил к задавленному зверю. Когда добычу потрошили, скромно отходил в сторону, аккуратно, без жадности брал протянутый ему кусочек. Всегда приветливый и деликатный, Тори и ласкался особенно. Не прыгал, пачкая лапами и слюной, как это делают многие собаки, а тихонько приближался, клал голову на колени и, глядя прямо в лицо своими янтарными глазами, тихонько шевелил кулышкой хвоста.

Оценив универсальные способности Тори, отец решил испробовать его на охоте за кабанами.

Выехали вчетвером. Мой отец, два брата Гусаковские и я. Мне еще не было семнадцати, я был самым младшим участником этой охоты. Коле — двадцать, Георгий Гусаковский старше своего брата года на четыре. Единственным настоящим охотником по зверю и отличным стрелком был только отец.

Остановились в горах, в маленькой одинокой фанзушке под соломенной крышей. Наш старый знакомый, хозяин фанзы Ю Мина, хромой, но подвижный и предприимчивый кореец, был профессиональный контрабандист. За тайные переходы границы с опиумом не раз платил штрафы, сидел в тюрьме. Сверкающий взгляд, черные усы и золотой зуб придавали ему действительно разбойничий вид. Однако Мина был гостеприимным хозяином и надежным товарищем. Отец прозвал его Макаром, и тот с удовольствием откликался на новое, русское имя. От его затерянной в горах Унгидона лачуги до ближайшей станции железной дороги было добрых двадцать пять километров.

Шел февраль. Это малодобычливое время для зимнего сезона. Зверь становится сторожким, солнцепеки облезают, выслеживать трудно. Кабан, подобрав весь желудь, покидает удобные для охоты старые дубравы, уходит в хвойную тайгу на хвощи. Там его взять нелегко.

Проходила вторая неделя охоты, а успехи невелики: три-четыре кабана, несколько коз. Тори принимал участие в новой для него охоте и проявил себя молодцом.

Собак кормили дважды: утром и вечером. Хозяйка варила чумизную похлебку с костями и осердьем зверей, и, когда еда остывала, ее разливали каждой в отдельную чашку. Главным собаководом в нашей группе был Коля, который руководил их кормежкой. Он и позвал меня однажды утром на кухню, где кормили собак.

— Смотри, что придумал Торка: первый раз вижу, чтобы собака выкидывала такое. Ты понимаешь, он сознательно стал недоедать по утрам свою порцию, но чашку оставляет не просто, а заталкивает ее в угол — на вечер. Вот смотри!

В самом деле, едва съев половину завтрака, пес старательно запихивал носом тяжелое гончарное изделие в дальний темный угол кухни. Потом вопросительно оглянулся: вам, мол, ясно — я не просто наелся, а оставляю это себе на ужин?

Коля поспешил его успокоить:

— Хорошо, хорошо, Тори, понятно, никто не тронет твою чашку...

Вечером, едва вернувшись, он шел в свой угол, не торопясь доедал утреннюю порцию, а потом спокойно дожидался, пока остудят и раздадут ужин. Никогда, ни до, ни после, мне не приходилось встречать подобной сознательности у собаки. Казалось, ему недоставало только речи...

Вечером седьмого февраля братья Гусаковские рассказали, что, возвращаясь в сумерках по лесовозной тропе, встретили след крупного тигра, пересекшего их путь. Это была сенсация! К тому времени тигры в Корее стали редкостью, иногда заглядывали сюда из соседней Маньчжурии.

Отец опасался, не перепутали ли молодые охотники тигровый след с медвежьим. Это мог быть спугнутый кем-то из берлоги шатун.

Но вот, подпрыгивая на здоровой ноге, в фанзу ворвался разгоряченный ходьбой и сногшибательной новостью Ю Мина. Он бросил на пол свою черную плюшевую шапку и прохрипел:

— Тигр напал! Задрал в Верхнем Унгидоне корову! Сожрать не успел, отогнали. Сегодня ночью мужики спать не ложатся, жгут костры. Всю скотину и собак попрятали по домам. Просили передать охотникам — пусть выручают: не убьют, так хоть прогонят черта!

Макар заметил наши приготовления, облегченно вздохнул:

— Ага, вы уже готовитесь, это дело. Что нужно, чем помочь?

Все необходимое для длительного преследования собрали с вечера. Отобрали самые надежные патроны: в двадцатые годы фабричных патронов у нас почти не было, пользовались самодельными, всячески комбинируя гильзы и пули, часто случались осечки. А с тигром подобный риск недопустим.

Вышли рано, задолго до восхода. Настроение приподнятое. Когда подошли к следу — рассвело, собаки уtkнулись носами в большие лунки. Да, то был крупный тигр-самец. Сомнения отца рассеялись.

По мере изучения следов собаки медленно опускали хвосты, их энтузиазм падал на глазах. Самым невозмутимым выглядел Тори, возможно, потому, что это было его первое знакомство с такого вида кошкой, и он недооценивал всей серьезности встречи.

Высокие и крутые, покрытые смешанным лесом корейские горы громоздились над нами. По гребням выделялись голубовато-зеленые вершины старых сосен.

След сразу повел в гору. Отец впереди, мы — цепочкой за ним. Часа через полтора выбрались на длинный отрог станового хребта, поднимавшегося с востока на запад. И тут, на самом верху, спокойный и размеренный след хищника вдруг стал иным: тигр остановился, потом пошел осторожно мелкими шажками. Так он ступает, когда чует добычу. И точно! Он вышел на вчерашний, чуть припорощенный след очень крупного секача-кабана.

Владыка северных джунглей долго как бы в раздумье стоял перед внушительным следом свирепого зверя. Потом медленно направился за ним. Мы переглянулись: ситуация становилась интригующей. Не торопясь, тронулись по следам великанов. Вскоре кабан свернулся на южную покатую, стал спускаться. Тигр, не задумываясь, повернулся за ним. Отец просиял, оглянулся и прошептал:

— Видно, здорово проголодался, коли рискует напасть на такой броненосец! (Обычно тигр избегает нападать на подобных колоссов, предпочитая брать молодежь и чушек.)

Глаза отца сужены, усы топорщатся, на щеках двухнедельная щетина; в этот момент его голова сама напоминала голову тигра.

Спускаясь по следам медленно и осторожно, вышли на выступ гранитной глыбы, нависшей над косогором. Кабан обошел ее вокруг, тигр влез наверх. Но что это? Судя по движениям, он уже

подкрадывается: шаги совсем короткие, в аккуратных круглых отпечатках чувствуется напряжение и собранность. Вот он присел у края выступа, а дальше?

Дальше следов нет, как испарился!

Чувствуем — что-то произошло, молча озираемся и переглядываемся. Глянув под скалу, отец первым оценивает обстановку.

— Смотрите! — произносит чуть слышно и указывает вниз красной от мороза левой рукой. Перчатка сброшена, винтовка наготове в правой руке.

Мы смотрим вниз под скалу — здесь, под нами, произошла схватка двух гигантов...

Кабан пришел сюда давно. Под уступом, в листьях и опавшей хвое, устроил теплую лежку. Здесь и лежал до самого нападения. Следы поведали о разыгравшемся поединке: кусты поломаны, снег с опавшим листом взрыт, все забрызгано кровью. Дальше под крутой склон горы пропахана целая дорога. Между поломанными и поваленными кустами — клочья шерсти, щетины, красные пятна.

Ясно, что тигр ехал верхом на кабане, терзая его изо всех сил, а тот вез огромное тело на своем мощном горбе и не сдавался. Кабан скользил под уклон, крепко упираясь большущими раздвоенными копытами, вырывая и таща за собой кусты, камни, валежник...

Собаки взяты на поводки. Осторожно, шаг за шагом, сдерживая прерывистое от волнения дыхание и держа свое разнокалиберное оружие наготове, мы скользили по этой дороге борьбы, не сомневаясь, что тигр одолел вепря и теперь где-то здесь, внизу, совсем близко, рвет его на куски, утоляя злобу и голод. Сейчас он беспечнее, чем когда-либо. Обычную бдительность заслоняет неутоленная кровожадность или уже сытая сонливость. Сейчас увидим рыже-полосатую громадину, сейчас...

Но случилось невероятное. Старый могучий секач вырвался! Мало того, сам нанес ранение тигру, подцепив его страшным клыком. Видно, это и решило исход поединка. Тигр резко отскочил вправо, оставляя на снегу яркие капли крови, кабан, не останавливаясь, загремел дальше, продолжая рушить все препятствия на своем пути.

Мы стояли озадаченные. В чем дело? Произошел какой-то просчет, какая-то случайность? Может быть, старый секач услышал в последний момент подозрительный шорох и рванулся, нарушив расчет прыжка гигантской кошки? Может быть, владыка поторопился, недооценив сил секача? Ясно, что он схватил жертву не смертельно, не свернул ему позвонков, как делает это с лошадью и даже быком.

Победа, вернее, эта «почетная ничья» дорого обошлась старому секачу: вероятно, он погиб от ран — у нас, к сожалению, не было времени это проверить.

Великий «амба» дальневосточной тайги, выпустив жертву, никогда ее не преследует: таков его закон. Каждый, кому довелось наблюдать его жизнь не в зоопарке, мог убедиться в этом. Так было и сейчас: потеряв кабана, тигр, лишь слегка прихрамывая, невозмутимо зашагал вдоль хребта. И если бы не капли крови в лунках следов, вряд ли кто смог бы предположить, что совсем недавно здесь произошла жестокая схватка, сопровождавшаяся глухим, страшным ревом тигра, надрывным визгом и утробным хрюканьем кабана...

Минуту мы стояли молча, потрясенные следами этой битвы и разочарованные ее исходом.

Отец крепко провел рукавицей по усам: влево, вправо.

— М-да, не вышло, черт подери! Но раненая лапа будет мешать, он скоро где-нибудь заляжет. Будем преследовать, а там посмотрим...

Был яркий, солнечный февральский день. Ветер несильный, снег стал заметно подтаивать. А такого не

любят даже здоровые представители семейства кошачьих. Талый снег налипает, набивается между пальцами-когтями, намерзает на тыльной стороне лап, на шерсти. В такие дни кошки предпочитают забраться в скалы или на возвышенность и лежать, наблюдая окрестности. Наш тигр действительно очень скоро сделал лежку. Он вскочил с нее хотя и не замеченный, но уже потревоженный нами.

Шли за ним, пока не вымотались настолько, что стали просить отца сделать привал и перекусить. Он нехотя согласился. Под каменистым пиком спрятались от ветра, развели костер, стали наскоро обедать.

В это время собаки особенно разнервничались. Куда-то исчезали, прибегали обратно взъерошенные. Сидя возле нас, выглядывали из-за камней, тревожно скулили. Чувствовалось, они страшно волнуются. На всю жизнь запомнились расширенные зеленые зрачки вожака Сангори, вздрагивающие ноздри и тонкий нервный писк Тори. Они требовали, чтобы мы скорее шли вперед: «Что вы тут сидите, когда он рядом!» — весь их облик и лихорадочность говорили об этом.

Мы засыпали костер снегом, надели рюкзаки и стали взбираться на крутую каменистую горку, густо поросшую дубом и багульником. Взбрались...

Так вот почему так нервничали собаки! На самом пике, на снегу, потрясающих размеров лежка! Он только что был в двухстах метрах от костра. Между отпечатками вытянутых, как две колонны, лап оттиск чудовищной башки: он опустил ее на снег, наблюдая за нами, маскируясь за стволами деревьев, камнями и кустарником. По обеим сторонам морды на снегу четкие бороздки от длинных усов. Он тоже нервничал: лежа, бил хвостом из стороны в сторону. И — опять ушел.

Мы медленно спускались с пика в седловину, где хребет значительно понижается. От этой пологой выемки начинается последний, сильно заснеженный и заросший затяжной подъем на главную, совсем белую вершину, опоясанную густым темным лесом. Впереди корявый березняк, ельник, пихтач. Тигр направился туда. Отец оборачивается, говорит тихо и серьезно:

— Ребята, будьте настороже. Передвиньте ножи на животы.

Я незаметно подмигиваю братьям Гусаковским — папа, кажется, играет в большую войну!

Но мы передвигаем ножи вперед, поудобнее: «играть в войну» в этом возрасте интересно.

Начинается последний подъем. Снег выше колена. День клонится к вечеру, а мыдвигаемся на запад, и красноватые лучи заходящего солнца, пучками пробиваясь сквозь щели густых зарослей, ослепляют. Пар от прерывистого дыхания вырывается клубами и тоже мешает смотреть вперед. Тени становятся контрастными, почти черными. Идем цепочкой след в след: папа, я, Коля, замыкающим — Жорж. Собаки мечутся: то уйдут по следу за деревья, то несутся с поджатыми хвостами назад. Путаются под ногами, скулят, но ни разу не залаяли, как это бывает, когда увидят зверя. Похоже, под вечер у них стали сдавать нервы.

А на меня напала какая-то апатия. Все кажется потерянным и бесполезным. Последняя гора, но длинный, очень утомительный в глубоком снегу подъем. За горой, я знаю, большая чистая гарь; там хищник не задержится, а здесь, в чаще, увидеть его шансов нет. Темнеет, все устали. Ясно, что погоня уже ни к чему... Просто папа принципиально хочет идти до темноты: это метод «спартанского воспитания молодежки». Глупо. Я знаю, мы все трое так думаем, а самолюбие мешает высказаться вслух: потом отец засмеет!

...Но что это за предмет там на снегу, под темными елками? Видно, что зверь. Видно, как ветер шевелит шерсть на боку. Струйка пара колеблется в морозном воздухе над уткнувшейся в снег головой. До него всего шагов пятнадцать, но мы не можем определить, что за зверь: то ли кабарга, то ли кабаненок? И когда тигр успел задавить эту дичь — ведь мы буквально висим у него на хвосте.

Уже всего несколько шагов отделяет нас от убитого зверя. Непонятно. Поспешно делаем эти несколько шагов и останавливаемся в оцепенении, не в силах сразу осознать невероятное: это Тори!

Теплый, даже еще горячий, безжизненно лежит так трагически и бесцельно погибший пес, наполовину утонув в глубоком снегу. Кровь черным ручейком бежит из раздавленного затылка. Слышно, как она тихонько журчит, пробивая темную дырочку в снегу. Над размозженной головой вьется парок...

Немного прида в себя, рассматриваем следы: где же был тигр?

Оказывается, сделав очередную петлю, он залег в двух шагах от своего следа, припав в снегу за поваленным деревом. Вот тут рядом гуськом пробирались собаки. Ветер был от них, почутить врага они не смогли и поровнялись с засадой...

Тигр вскочил и прыгнул. Собаки бросились назад, к нам. По следам видно, какие они делали отчаянные прыжки, пытаясь ускользнуть! Но снег глубок, псы успевают сделать несколько прыжков, а тигр всего три...

Тори, видимо, шел первым, но, повернув, оказался позади всех. И вот результат. Почему никто из них даже не тявкнул, чтобы поторопить нас? Ведь мы были рядом. Наверное, ужас внезапного нападения парализовал сознание.

Мы подняли Торку. Еще одна рана: глубокая, как пулевая, на крупе. Догнав, хищник дотянулся и вонзил страшный коготь около основания короткого хвостика. Затормозив собаку, сжал в челюстях ее затылок. Только раз... И моментально скрылся! Отец возбужден, гонит нас вперед:

— Пошли скорее, он здесь, недалеко, сейчас увидим!

Но мы уже не те, что пять минут назад, мы совсем подавлены. Сники и собаки. А перед глазами стоит еще живой Тори. И вот он...

Подчиняясь приказу отца и вяло бредем вперед. У Жорки что-то часто начинают запотевать очки. Он останавливается их протирать. Отец сердится, торопит.

Тигр больше не кружит, уходит сквозь чащу широким махом. Кажется, он удовлетворен. А сумерки сгущаются, видимость все хуже. Вдруг кого-то осеняет мысль: надо отравить труп Торки и уходить. Тигр вернется ночью, съест — и ему конец!

Отец задумывается. Он видит наше состояние, бессмысленность дальнейшего преследования и наконец соглашается. Мы возвращаемся, поднимаем Торку со снега, заклиниваем его уже слегка застывшее тело в развилку двух старых берез. Отец снимает рюкзак. У него всегда с собой флакончик стрихнина на волков, для безопасности вложенный в баночку из-под бритвенного мыла. У всех одна надежда — отомстить, если хищник вернется сюда ночью.

Поворачиваем домой. Молча проходим весь путь под звездами. Глубокой ночью подходим к фанзе. Заслышиав, Макар зажигает в горнице маленькую керосиновую лампочку; хозяйка на кухне — лучину. Макар, прыгая в темноте на здоровой ноге, бурно приветствует, азартно расспрашивает, но наш унылый вид и слова гасят блеск золотого зуба, разбойничьи усы опускаются.

Раздеваемся, запускаем кормить собак. Коля трогает меня в полумраке кухни за руку и говорит странно чужим голосом:

— Смотри, Торкина чашка.

Она сиротливо стоит в уголке и ждет того, кто уже никогда не вернется...

Тигр не пришел ни в ту ночь, ни в следующую. Погода испортилась, пора было возвращаться в город. Решили, что до оттепели будем приезжать с проверкой каждые девять дней. Так и делали.

До начала апреля по этому хребту прошли два тигра: маленький и большой. Но ни один не подошел к приваде. Вероятно, и большой был не тот.

На проверку ездили по очереди, попарно, каждый раз затрачивая на дорогу три-четыре дня. В последний раз, в начале апреля, приехали с дядькой Виктором.

Внизу, в долинах, уже набухали почки, булькала ручейками весна, а здесь, на глухой вершине, еще лежал глубокий снег.

Подходим к заветному месту. И картина того морозного вечера снова встает перед глазами...

Нет, никто не приходил. Коричневый смерзшийся трупик жалко торчит между толстых сросшихся каменных берез. Мертвые глазницы нагло запечатаны снегом.

Виктор осторожно снимает любимого питомца и несет в руках на освещенный ярким весенним солнцем юго-восточный склон горы. Я бреду сзади, не в силах отделаться от оживших воспоминаний...

Выбрав уютный и затаинный взлобок, мы бережно похоронили необыкновенную собаку, воздвигнув метровый курган из дикого замшелого камня. Белая, опоясанная темным лесом гора получила название «Торкина сопка». Наверное, этот курган стоит там и по сей день, уже десятки лет встречая первые лучи восходящего солнца всех четырех времен года.

Кыс

Не помню, как его поймали, только, помню, отец внес в столовую корзинку и сказал:

— Смотрите, кого я привез! — Из дырки в крышке вдруг показалась очаровательная серая в крапинках мордочка, круглая головка со стоячими ушами, а на ушах — черные кисточки. И прежде чем открыли корзинку, путешественник сам вылез через дырку, прыгнул на пол и остановился, внимательно разглядывая собравшихся. Все дети замерли от восторга.

Вроде большой котенок, однако так могло показаться только с первого взгляда. Размером со взрослую кошку, но голова больше, лапы толще, а хвост короче. Вообще он был похож на плюшевую игрушку: серо-коричневый, в черных пятнышках, шейка и животик белые, кончики ушей, кисточки на них и кончик хвоста — черные. Глаза большие, желтые, с узким черным зрачком, белые усы, черный нос и розовый язычок, который рысенок сразу же показал, когда стал лакать из блюдечка поставленное перед ним молоко.

Кто-то позвал: «Кыс-кыс-кыс...» Так он и остался Кысом на всю жизнь. А прожил у нас в доме несколько лет.

Сначала Кыс жил в городе, потом переехал с нашей семьей в дачную местность, где ему сразу была предоставлена большая свобода. Он рос на правах домашних собак. Только разница была в том, что собакам не всегда разрешали заходить в дом, а Кыс мог являться когда ему вздумается. Он имел право залезать на стулья, забираться на диван, кувыркаться там, играть с диванными подушками.

Кыс очень скоро стал совсем ручным. Никто специально не занимался его воспитанием, но больше всех любила рысенка и ухаживала за ним мама. И, надо сказать, он, конечно, считал ее главной хозяйкой и слушался беспрекословно. А такие слова, как «иди сюда», «пошел вон», «ложись», «садись», «кушать» и «гулять», он запомнил очень быстро и принимал как команду.

Про рысь принято рассказывать всякие страхи. Она, мол, и не приручается, и всю жизнь дичится, и с собаками не уживается. Это неправда. Рысь — очень ласковое, игривое и послушное существо, если, конечно, с детства обращаются с ней приветливо и без дела не обижают. А у нас в семье в этом отношении был установлен строгий порядок: никогда не обижать, не теребить, не мучить животных. За это они

платили добром и привязанностью. Подрастая, мы так привыкли, что вся домашняя живность — наши друзья, что сами опекали и защищали ее от других детей.

Кыс очень любил играть. Когда был маленьким, мог без конца гоняться за бумажкой на веревочке, как это делают все котята. Когда подрос, полюбил бороться. Боролся и с нами, и с собаками. Упадет кто-нибудь на диван, свалит Кыса, и начинается...

Но хватал зубами в меру, никогда не кусался серьезно. А если от этих игр и бывали царапины, то такое и при играх с кошками случается. С собаками Кыс очень дружил и боролся с большим азартом. То перепрыгивал через них, то, обхватив лапами, сам падал на спину и делал вид, что проиграл... Не было случая, чтобы такие игры кончались дракой или ранением.

Однажды, играя с Кысом, кто-то сильно и неосторожно дернул за веревку с бумажкой и повредил ему один из верхних клыков. Клык вывернулся наружу, приподняв с одной стороны губу. Эта примета — как постоянная улыбка — осталась у него на всю жизнь.

Все мы, начиная с нашего деда, — охотники. Постоянно бывали подолгу в лесу, часто ловили зверей живьем и многих приручали. Побывали у нас дома тигренок, барсенок, медвежонок, волчонок, барсуки и олени. Были среди них совсем ручные, но такого домашнего, как Кыс, не было ни одного.

Среди охотников часто приходится слышать страшные рассказы о том, что рысь, мол, бросается на человека с дерева. Караулит его на ветке над тропой — и внезапно кидается ему на шею...

Не стоит этому верить. Повторяю, мы охотники трех поколений. У нас, конечно, было много друзей, тоже настоящих, серьезных охотников. И ни с кем ничего подобного не происходило. Да, раненый хищник опасен, в том числе и рысь. И не раненый, если его долго преследовать, рассердить — тогда берегись, может броситься. Может напасть мать, оберегая своих детенышней. Но это всё в порядке самозащиты или контрнападения.

Конечно, рысь — хищница и живет охотой. Она ловит диких коз, кабанят, кабаргу, зайцев, зазевавшихся лесных птиц, когда они ночуют на земле или в снегу. Иногда, если в лесу мало корма или когда у рыси детеныши, она приходит и к домам, таскает кур, собак, порослят. В легенды о нападениях на людей из засады, с дерева никогда не верили ни я, ни мои друзья из числа бывалых охотников.

Но это не значит, что рысь не нападает с дерева вообще. Нет, она прекрасно лазает по деревьям и действительно делает там засады. Но только на зверей. Несколько раз приходилось видеть рысь во время рева изюбров. Ревет огромный бык с громадными рогами; ему откликается другой. Кажется, что горы гудят от этого мощного рева. И вдруг что-то мелькает как тень. Наводишь бинокль — рысь! Подходит к месту встречи бойцов невидимкой, подползает, как змея.

Ясно, что она рассчитывает напасть на изюбра, но как? Она же карлик перед ним! Вот тут становится понятно: она должна постараться оседлать его с дерева. И если это ей удастся, колосс с мощными рогами в ужасе понесет на себе страшного всадника до тех пор, пока не упадет замертво с перегрызенной шеей. Такова лесная жизнь.

Но, живя дома, среди людей, получая каждый день пищу, наш Кыс не помышлял о серьезной охоте. Когда же несколько раз пытался ловить кур — так ведь и кошки делают, — получал порку и понял, что этого рода игры запрещаются. После он только ложился вдалеке от прогуливающихся птиц и «играл в охоту»: опускал голову, подползал, прячась за каждый кустик или травинку, нервно подергивая коротким хвостиком. Но достаточно было, чтобы кто-нибудь строго крикнул: «Кыс!» — и он прекращал свои затеи.

Была у него еще собственная игра, которую сам придумал. Если человек сидел на стуле, положа ногу на ногу, Кыс отходил, примеривался и вдруг прыжками налетал на сидящего и бодал лбом в подошву.

Многих сначала пугал. А потом поняли смысл игры и демонстрировали гостям этот номер. Кто-нибудь сядет, выставит вперед ногу и кричит: «Кыс!» Тот несется и со всего маху — бац головой! Отскочит и опять, и опять!

И еще Кыс подкарауливал ребят, сидя в кустах возле тропинки, ведущей на речку, нападал исключительно на девчонок. Пропустив вперед свою «жертву», внезапно кидался ей на спину, хватал за косу, валил лицом вниз и, сидя на плечах, начинал лизать шею... Девчонки визжали, звали на помощь, но больно он не делал и после «нападения» как ни в чем не бывало вертел хвостиком, приглашая купаться.

Одним из любимых мест нашей рыси был широкий диван в гостиной. На нем Кыс проводил много времени. То спал, свернувшись клубочком, особенно в плохую погоду, то играл с подушками, то просто лежал на боку и внимательно наблюдал за всем происходящим и как бы прислушиваясь к разговорам.

У меня был всеми любимый пес Май. Май — охотничий датский пойнтер — почему-то родился не коричневым, как все его братья и сестры, а цвета беж, даже кремовым. Он ходил со мной на фазанов и уток, летом жил со всеми собаками на улице, а зимой — дома. Но поскольку Май был одним из лучших друзей Кыса и его сверстником, ему разрешалось иногда заскакивать на диван для уморительных сеансов борьбы. Однажды я сидел на диване, а они дразнили друг друга, причем оба положили головы мне на колени: Май — слева, Кыс — справа. Вытянувшись, били друг друга передними лапами, хватали зубами за лапы и морду. В этот момент кто-то из домашних щелкнул затвором фотоаппарата.

Снимок получился отличный: пасти оскалены, лапы переплелись, глаза горят...

Фотография попала в журнал, и вот какую историю о ней я услышал от одного родственника: «Еду в трамвае с работы, смотрю, напротив сидят девушка и молодой человек, рассматривают журнал с этой фотографией. И слышу, молодой человек говорит: „Нет, ты посмотри, до чего заврался охотник: положил на колени пса с чучелом рыси и воображает, что ему поверят, будто она живая“». Настолько эта сцена выглядела невероятной.

Но в один прекрасный день на нашем диване произошел случай, повлиявший на дальнейшую судьбу Кыса.

В гости из города приехала мамина приятельница. Мария Николаевна была модницей, а в то время были модны шляпки с перышком; перышки разных цветов, яркие, красивые. Мария Николаевна вошла в гостиную и, сев на диван, стала что-то оживленно рассказывать. Рассказывая, она беспрестанно вертала головой, и, естественно, шляпка, а вместе с ней и перышко приходили в движение.

Никто не обратил внимания, что спавший между подушками широченного дивана Кыс проснулся и, увидев мелькающее яркое перышко, принял его, очевидно, за хвост какой-то райской птицы, которую, разумеется, необходимо поймать. Это подсказал ему врожденный инстинкт.

Он поднялся и, припадая за подушками, стал красться к своей жертве. Потом присутствовавшие в комнате ребята говорили, что заметили, как он подкрадывался. Но Кыс часто играл, и никто не подумал, что это может плохо кончиться. А взрослые не видели Кыса за Марией Николаевной...

И вдруг при очередном резком повороте шляпки раздался душераздирающий крик! Одним прыжком Кыс «оседдал», повалил, облапил, сорвал шляпку и уже готовился произвести с ней расправу. Но в этот момент мама пришла в себя и крикнула голосом, который был как гром с ясного неба: «Кыс! Вон!..»

Он вылетел на улицу, открыв своим мощным лбом входную дверь, а Мария Николаевна забилась в истерике. Она смеялась, плакала, ей стало дурно. Конечно, ее привели в себя, прошли прощения, но отец рассердился.

— Ну, мать, — так он обращался к ней, когда бывал особенно недоволен, — ты и доигралась со своим

любимцем. А если бы у гости случился разрыв сердца, тогда что? — Он дал команду сейчас же «арестовать» Кыса, поместить за сетку теннисной площадки, а потом построить ему закрытую клетку. И выпускать разрешил только под надзором.

Мама очень жалела Кыса и часто брала с собой на прогулки. Вечерами она любила ходить вверх по дороге, которая шла среди красивого ущелья, над бурной порожистой речкой, под скалами, покрытыми пышной растительностью: дубы, клены, сосны, багульник. Весной все горы и скалы становятся фиолетово-розовыми от цветов багульника, осенью горят всевозможными оттенками кленовых листьев.

Осенним вечером мама выпустила Кыса и, позвав собак, уже пошла вверх по дороге, когда ее окликнул младший сын Юрий. Он воспитывал целый выводок щенков, которых готовил для зимней охоты. Вечерами их прогуливал. Чтобы они смолоду не пугались выстрелов, Юра брал с собой ружье, учил щенков искать спрятанные вкусные кусочки, птиц и зверушек, слушаться свистка и голоса. Щенки готовились стать надежными помощниками в охоте на крупного зверя.

Итак, они пошли вместе, наблюдая за собаками и Кысом, который заигрывал то с одной, то с другой. Пройдя ущелье, вышли к полям. Здесь собаки начали всхрапывать, вертеть хвостами, бегать во всех направлениях...

Брат снял с плеча ружье. И вдруг — ффф!!! Несколько фазанов взлетело с неубранной чумизной пашни прямо у кромки дороги. Юрий вскинулся, выбрал старого петуха — баах! — и фазан кубарем шлепнулся в густые заросли полыни.

Собаки кинулись кто куда, а мама и Юра остались стоять на дороге, гадая, которая первой принесет сбитого петуха. Каково же было изумление и восторг, когда из кустов появилась широколобая пестрая голова с переливающимся медно-красным фазаном в зубах! Кыс степенно подошел к маме и подал по всем правилам легавых добытую дичь.

Когда вечером за ужином они рассказали эту историю, все были очень удивлены. Казалось невероятным. Но потом нашли в трудах знаменитого натуралиста Брема, что рысь действительно приручается, как охотничья собака, и носит поноску своему хозяину. Наш случай только подтвердил слова ученого.

К сожалению, этих опытов не продолжили. Вскоре мама заболела, было не до рыси. Кыса стали выпускать от случая к случаю.

Исключением были летние жаркие дни, когда все отправлялись купаться на речку. Речка эта великолепна. Она течет среди скалистых берегов, маленьких песчаных пляжей и гранитных валунов. Скалы и валуны гладкие, хорошо отшлифованные. Речка на всем протяжении от высоких Лысых гор, где снег сходит только на два месяца, нигде не протекает среди болотистых берегов, вода ее чиста и прозрачна, как роса. В июне, июле и августе мы часами купались в ее глубоких заводях. Прямо против хутора был отличный маленький пляж. Накупавшись, кто лежал на песке, кто на горячих гладких скалах.

Сюда обязательно брали с собой и собак, и Кыса. Сначала никто не думал, что он пойдет в воду. Существует мнение, что кошки боятся воды. Кыс заставил думать иначе, он с первого раза довольно храбро вошел в воду. Правда, сначала неглубоко, на пол-лапы. Потом сделал еще несколько шажков и вдруг остановился как вкопанный: увидел рыбешку, которая стала крутиться у него между ног. Гальяны сбегаются, кружат, тычутся в незнакомый предмет, будь то рука, или нога, или пушистая лапа...

Кыс замер. Потом стал крутить головой, наклонять ее из стороны в сторону, чтобы лучше разглядеть рыбешек. Осторожно, изогнув переднюю лапу с выпущенными когтями, начал «рыбачить», стараясь подсечь рыбешку снизу вверх. Не знаю, удавалось ли ему подцепить что-либо, я не очень внимательно наблюдал по молодости лет. Но он простоявал в прозрачной воде очень долго.

Мы в это время отогревались на горячих скалах, купались, ныряли. Прижав к животу тяжелый камень, переходили по дну речку под водой от берега до берега.

И вот в разгар игр чей-то крик:

— Смотрите, Кыс собирается плыть к нам!

В самом деле, видимо услышав много знакомых голосов, он решил оставить рыбалку и присоединиться к компании на другом берегу. Кыс заходил в глубину степенно, но уверенно. Когда вода дошла до горла, приподнял морду, расправил свои пышные бакенбарды и... поплыл.

Он стал сразу плавать красиво и быстро, высоко держа голову над водой. Выйдет на противоположный берег, встремхнется в облаке радужных брызг, пройдется по пляжу, вспрыгнет на скалу. Если там сидят знакомые, усаживается среди них, дает себя почесать, погладить. Если на скалах никого нет, сидит один, как изваяние, смотрит на купающихся и на свой берег. Посидит час, другой, погреется, обсохнет, спустится на пляж и плывет обратно. Или, бывало, идет вверх по скалам к висячему мосту и переходит по качающимся над пропастью доскам домой. Сам этот мост для кошки пустяк, ноходить его никто не учил и не показывал этой дороги. Но он наблюдал, видел, что люди переходят, и запомнил.

Этот мост построили мы сами. На двух высоких скалах, стоящих друг против друга над водопадом, из дикого камня на цементе поставили двое мощных ворот с железными перекладинами. Поверх перебросили два стальных троса, соединивших оба берега. К тросам прикрепили висячий мост, который не боялся никаких наводнений. Мост на фоне гранитных скал, живописной речки и зеленых гор был очень красив: многие фотографировались здесь в одиночку и группами. Когда в последний день своего купания Кыс ступил на плавно колеблющийся над пропастью висячий мост, с противоположной стороны речки навстречу ему двинулась большая компания горожан, приехавших в воскресный день отдохнуть на лоне природы.

Шли ярко разодетые женщины, дети, были среди них и мужчины. И вдруг увидели идущего навстречу по качающемуся мосту «страшного зверя». Передние повернули, бросились назад, началась паника, давка, крики. Некоторые чуть не слетели с моста, а высота большая, внизу река, камни, скалы!

Кыс испугался этой пестроты и шума не меньше, чем люди. Повернулся и бросился назад. Взбудораженный, влетел в лес, который начинался за мостом, и неожиданно оказался в родной стихии.

Когда разобрались во всем случившемся, побежали искать. Стали кричать, звать, но не было уже голоса мамы, и... Кыс не вернулся.

Несколько раз его видели по ночам около домов. Был ли он голоден или просто скучал по человеческой ласке и заботе? Но любимой хозяйки не нашел, а лес, конечно, пришелся по душе: как-никак — родной дом. Так и ушел наш красавец Кыс, казалось, навсегда...

Минуло более трех месяцев. Наступил ноябрь. Лист осыпался, и хотя дни стояли солнечные и теплые, ночами уже подмораживало.

С осени жители соседних деревушек стали жаловаться: какой-то хищник делает по ночам набеги, таскает кур, даже порослят. Мы только руками разводили: у нас никто ничего не грабил. И если это были проказы Кыса, то на «свое» хозяйство он не покушался ни разу.

...Поздней звездной ночью мы с братом подкатили к гаражу. Разместив на ночлег членов экспедиции, которую сопровождали, мы, утомленные, жаждали отдыха и сна. Закончена трехнедельная экспедиция. Позади много высоких, крутых перевалов, сотни километров нелегкого пути.

Захватив рюкзак и винтовку, я зашагал к дому. Арсений задержался около машины. Опасаясь заморозка, он решил на всякий случай спустить воду из радиатора.

Уже войдя в комнату и скинув рюкзак, я услышал около гаража выстрел! Выскочил во двор и сразу же заметил свет керосинового фонаря «летучая мышь» в загородке курятника, напротив гаража. Подбежал. При свете фонаря Арсений рассматривал что-то на земляном полу огороженного сеткой дворика.

Я подошел к нему.

— Барс?

Брат осветил распостертую на земле пушистую тушу хищника.

— Нет, рысь. Но какая здоровая... Постой! — он нагнулся и раскрыл мертвую пасть. Луч фонаря осветил кривой верхний клык: мертвая голова улыбалась...

— Кыс!

Да, то был он. Очень возмужавший, пушистый, лоснящийся.

Голод? Или извечный хищнический инстинкт? Что привело его к этому роковому концу?

Брат стрелял, ориентируясь на светящиеся в темноте глаза, но угадал прямо в сердце.

Иван Кузьмич

Нарочный доставил письмо. Замусоленный длинный узкий конверт надписан убористым продолговатым почерком. Адресовано братьям Янковским. Отправитель — «И. Реснянский, Нонсадон».

Сообщение заинтриговало, и не помочь другу-охотнику нельзя. Однако ехать обоим было невозможно. Бросили жребий: выпало брату.

Иван Кузьмич Реснянский — незаурядная личность. Окончив всего два класса церковноприходской школы, он хорошо писал четким, разборчивым почерком, много читал, всегда был в курсе мировых политических событий. В прошлом — золотоискатель, старатель на Зее, потом на Колыме. Высокий, худой и жилистый, с покатыми плечами и несоразмерно росту короткими ногами, он был неутомимый ходок и страстный поклонник тайги. Однако промысловой охотой занялся лишь на склоне лет, следопыт и стрелок был неважный.

Летом он возился с пчелами, осенью готовил из дикого винограда замечательное вино, которым любил широко угождать всех знакомых, а зиму проводил безвылазно в тайге, часто совсем один — в палатке или зимовье. Только в окружении своих собак, зверей и леса...

Его часто спрашивали: «Иван Кузьмич, как вы один проводите всю зиму в лесу? Разве не страшно, не скучно? А баня?» Бывший приискатель широко улыбался, показывая из-под усов два ряда сплошь золотых зубов:

— Хы-ы... баня летом! А зимой как засвинцувшись, так и холод не берет... Страшно? Разве хунхузы, да в мои дебри они не заглядывают — делать зимой там нечего... Скучно? Так я же читаю... Нет. Хорошо, тихо... Вода, дрова, бери сколько хочешь, никто ничего не скажет...

Он выписывал несколько газет, которые мы аккуратно отправляли на его «базу» в Нонсадон со всей прочей корреспонденцией. Примерно раз в месяц он выходил из тайги, забирал почту, продукты, а сам отправлял нам свои лаконичные, но основательные дневники, где очень интересно делился впечатлениями об охоте, природе и прочитанном. Начинались они сведениями о погоде, примерно так:

Или:

Эс — любимый пес Кузьмича. Подобранный случайно в какой-то корейской харчевне, захудалый бездомный щенок стал выдающейся промысловой собакой. С ним, в общем очень посредственный охотник и стрелок, Иван Кузьмич добивался удивительных успехов. Однажды за зиму взял в берлогах семь медведей, и среди них огромного бурого «гризли». Медведь не мог найти подходящую берлогу и зимовал под домоподобным корнем многовекового поваленного бурей кедра. В его пещере обнаружили несколько черепов взрослых кабанов. Кузьмич разрядил в чудовище две обоймы, и только Эс спас его от страшных объятий. Однажды защитил от тигра.

Но неутомимый, талантливый и храбрый Эс трагически погиб от клыков свирепого секача-кабана. Иван Кузьмич осиротел. Первый раз в жизни таежник, как ребенок, плакал около скончавшейся от ран собаки. Ни один пес не сумел заменить ему Эса, и удачи на охоте, естественно, закончились.

И вот, идя очередной раз за почтой и встретив в глубоком снегу невдалеке от поселка след «изголодавшегося тигра», он не пошел назад в тайгу, а остановился в одной из крайних фанз деревушки Нонсадон, в своей «чуинчиби», то есть у постоянного хозяина, на своей «базе».

Ежедневно преследуя зверя, Реснянский не добывал ничего и уже много дней сидел на вегетарианском столе корейского крестьянина: чумизной каше, картошке и салате-кимчи. Большой любитель поесть вволю мяса, он чувствовал себя скверно, но, увы, был из категории тех охотников, которые с потерей своры становятся совсем беспомощными. Порою им бывает трудно добыть мяса даже для еды.

Арсений застал старика измученным и изголодавшимся. Кузьмич очень обрадовался встрече и вечером подробно поведал историю неутомимого, но безрезультатного преследования, жаловался на постный стол. Потом до полуночи с увлечением читал свежие газеты.

На следующее утро они добрались к оставленному Иваном Кузьмичем следу. Брат пошел впереди, старик сзади. Снег лежал по колено, трудно разобраться в деталях, хотя тропа, проложенная хищником, показалась Арсению подозрительной с первого взгляда. Пройдя сотню-другую шагов, он остановился.

— Кузьмич, ты говоришь, его видел?

— Хы-ы, ну, видел, а что?

— Каким он тебе показался? Ты же видел тигров раньше. Какого он цвета?

— Вечером я его нагнал как-то, темно уже. Вроде черный...

Брат вздохнул:

— А неужели за это время он ни разу на мелкий снег не выходил, где можно ясно след разобрать?

— И чего ты, Юрьевич, к следу привязался, чем он тебе не нравится?

— А тем, что ты две недели не тигра гоняешь, а медведя, старый таежник!

— Ну ты это брось... Я же и шерсть его на следу поднимал: выдирал он на сучках, когда через колоду перелазил...

— А какая была шерсть, какого цвета?

— Ну, черная... Так это он с черных полос выдирал...

— А что, с рыжих она не выдирается?

— О, ястри... Да нет, тигра это, Юрьевич, ты брось!

Брат безнадежно махнул рукой и пошел дальше. Он искал более неопровергимых доказательств.

Ага, так и есть. След свернулся в сторону, подошел к упавшему длинному стволу дерева, поднялся на него. Обычный маневр медведя! Кроме того, на неглубоком снегу сохранившиеся на гладкой валежине отпечатки были как на картинке: ступни навыворот, продолговатые, пальцы с большими когтями... Тигр на следу когтей не оставляет.

— Ну что? Все еще будешь доказывать, что тигр?

— Хы-ы, ястри...

Это была любимая присказка старика. Он потрогал острую, клинышком с проседью бородку, поскреб затылок. Повернулся к брату красное обветренное лицо:

— Только ты, Юрьевич, не того... Дома об этом никому не рассказывай. Ладно? Засмеют! Как это я обмишурялся?..

Странные бывают вещи. Затмение? Нет, скорее отсутствие школы: вообразил себе след тигра и более недели ходил по нему, не в силах отказаться от ошибочного заключения. Теперь он очень переживал свой промах.

— Ладно, Кузьмич, медведь так медведь. Шатун. Верно, кто-то спугнул с берлоги, а ты не дал ему лечь заново. Потому ничего и не ест. Зато, наверное, желчь большая: стоит за ним ходить. Ты сильно не горюй...

Однако напуганный многодневной погоней, медведь был очень бдителен. Уходил, все время прислушиваясь, стараясь держаться по ветру, сквозь самые густые заросли. Умея шагать бесшумно, отлично слышал шорох двух пар ног, причем Иван Кузьмич не умел ходить осторожно: трещал кустами, цеплялся за сучки и валежины. Первый день преследования не дал никаких результатов.

Утром следующего они шли увалами по лесовозной тропе, когда из орешника, сверкая белыми «салфетками», выпорхнули три серо-бурые косули. Брат скинулся с плеча винтовку и свистнул. Они сделали несколько замедленных прыжков и остановились шагах в двухстах, прислушиваясь к странному звуку. Арсений был меткий стрелок. Раз! Два! Три! — все три козы оказались на снегу; Кузьмич не успел опомниться, для него такая техника была недосягаемой. И — мясо! Много мяса! Он сиял всеми своими золотыми зубами.

Подошел к брату, протянул руку:

— Ну, здорово! Да, ты настоящий Якосике (так корейцы иногда ломали нашу фамилию).

Медведя не нагнали и в этот день, зато долгожданного мяса было в избытке. Угостили хозяев фанзы, наварили себе. Для корейцев был настоящий праздник.

Больше всего старый золотоискатель любил хорошо проваренное мясо. Для этого он накладывал полным свой походный прокопченный котелок и ставил его надолго на малый огонь. Мясо разваривалось, отделялось от костей, и Кузьмич наслаждался...

Корейцы, напротив, варят недолго, едят неразваренным. На ужин хозяйка подала именно такое мясо, и хотя Кузьмич, проголодавшись, поел плотно, дело этим не ограничилось.

Брат уже видел третий сон, когда далеко за полночь услышал, что его тормошат:

— Юрьевич, вставай!

— А? Что случилось? Зачем вставать?

— Мясо есть... В моем котелке как раз дошло...

— Не хочу, Кузьмич, спасибо, я спать буду.

— Напрасно, сейчас самый раз!.. А я есть... Наскучался по ём. — Изголодавшийся таежник не мог

дождаться утра.

Сразу заснуть Арсению не удалось, а мясо Кузьмич ел необыкновенно. Разгрызая большие куски, поливая бульоном бороду, он издавал совершенно нечеловеческие звуки: «Ангр-ангр-анггр-анггр» — как утробное мурлыканье старого кота при виде лакомого блюда. Брат долго не мог уснуть. Обладая незаурядной способностью копировать все и всех, он потом изображал Кузьмича так, что мы умирали со смеху, но тогда, чтобы не обидеть товарища, беззвучно трясясь в своем темном углу на горячем кане.

Третий день охоты не дал результатов, но брат определил некоторую закономерность в поведении неуловимого зверя. Он заметил, что тот, огибая большую булкообразную гору на восточной границе Пяктусанского плоскогорья, проходит через одн и тот же перевал. Понял, что преследование ни к чему не приведет: зверь крайне бдителен, а Кузьмич один шумит как стадо кабанов...

И Арсений надумал устроить засаду. Увидев, что невидимка опять повернулся к излюбленному перевалу, он прекратил преследование. Разъяснил свой замысел Кузьмичу. Утром он занимает удобную позицию в седловине горы, куда, по его мнению, опять пойдет кузьмичевский «черный тигр», а Реснянский часом позже начинает свое обычное преследование. Идет, не остерегаясь шуметь, и, заметив, что медведь встал с ночной лежки, криком предупреждает об этом. Кузьмич просиял: «Давай! Попробуем!»

Утром брат тихонько выбрался в намеченное место. Кругом лежал глубокий, уже не мягкий февральский снег; стояли великаны лиственницы, раскинулся густой подлесок. Видимость неважная: легко просмотреть черного зверя среди кустов, валежин и камней.

Почти в центре седловины нашел полутораметровый толстый пень. Мощная лиственница была спилена, видимо, по очень глубокому снегу; пень казался необычайно высоким, но удобным наблюдательным пунктом. Брат сбросил с него накопившуюся за зиму шапку снега, влез наверх и занял нужную позицию.

Потихоньку притопывая начинавшими стынуть ногами, стал прислушиваться, посматривая на часы. Прошло полчаса, сорок минут. Наконец далекое «ого-го» возвестило, что Кузьмич вышел на след. Голос шел издалека, потом приблизился. Уже можно было разобрать слова: «Ого-го! Поднял с лежки! Каравуль, медведь идет!»

Арсений напряг внимание: если медведь начнет приближаться, должен быть слышен треск, это не белка. Кроме того, с высокого пня довольно хорошо видно во все стороны.

На противоположном гребне за оврагом явственно и взволнованно Реснянский выкрикнул: «Медведь иде-ет! Смот-ри!» Слышно — он стал съезжать в разделявший их овраг, ворча что-то про себя и треща валежником.

А медведя нет как нет! Неужели пропустили? Утро тихое, слышимость прекрасная. И, судя по голосу загонщика, направление зверь держит верное.

Арсений напряженно всматривался вперед. Разделявший их с загонщиком последний овраг был глубоким, не стало слышно ни криков, ни треска.

«Пропустил. Где-то пропустил. Но как, такая туша... Что он — привидение, что ли? Или догадался на этот раз уйти в сторону?» Волнение, недоумение, досада...

Не двигаясь и внимательно оглядываясь по сторонам, он машинально опустил глаза и едва не оступился: у самых ног, в трех шагах от основания пня, как изваяние стоял медведь!

Он подошел совершенно бесшумно. Ни одна веточка не треснула в абсолютной тишине погожего утра, не хрустнул занастевший снег. Впечатление — будто муравьятник откуда-то прилетел. Подкравшись совершенно неслышно, он учゅял возле пня след человека, но запаха самого охотника не мог уловить:

воздушное течение шло выше. Взглянуть вверх не догадался и лишь тихо поводил носом. До него можно было дотянуться обыкновенной жердью.

Не мигая, не дыша, медленно-медленно брат стал поднимать винтовку. Одно резкое движение — и вспугнутый зверь или скроется между кустами и деревьями, или одним прыжком сбьет с ног.

Мушка «уперлась» в ухо. Щелк! Его сразило как током, только два-три раза дрогнули кончики ушей...

Арсений всегда был неравнодушен к эффектным сценам. И сейчас решил разыграть компаньона. Только перебросил патрон и остался стоять на пне в той же позе.

Вскоре опять послышался треск, какое-то бормотание, прерывистое дыхание: Иван Кузьмич выбирался из распадка. Над кустами замаячила облезлая шапка. Он остановился, передохнул и снова рявкнул:

— Юрьевич, карауль, медведь идет! — Он не знал, где именно находится наблюдательный пост, но чувствовал, что близко. Выстрела, находясь на дне глубокого оврага, он не слышал — сам шумел очень сильно.

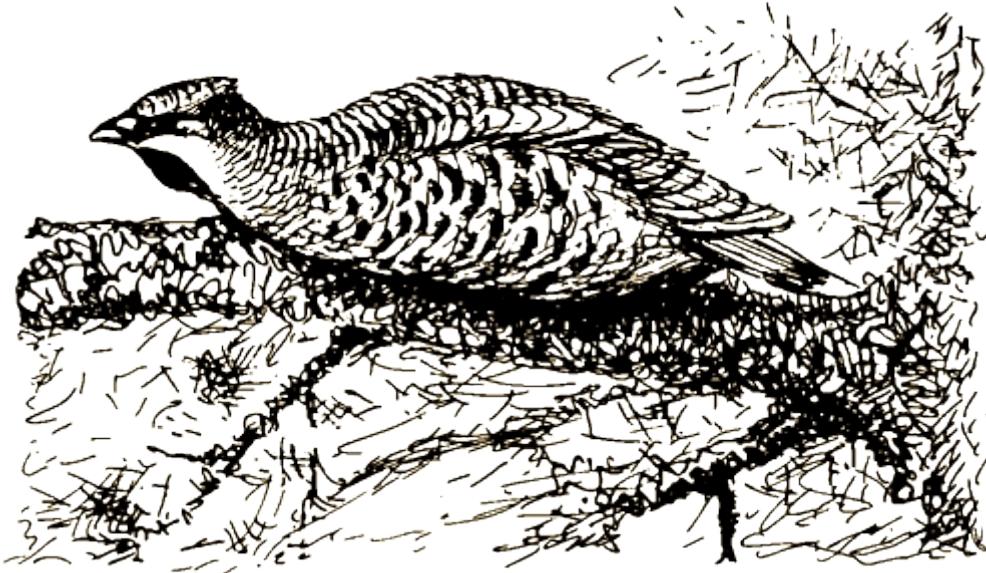
Кузьмич сделал еще несколько шагов и заметил брата.

— Не видал? Медведь ушел в твою сторону, вот след! Как же ты его пропустил?.. — Он был возмущен и обескуражен.

Кусты скрывали от него распластертую на снегу тушу, он смотрел вверх, на упрямо молчавшего стрелка: лицо красное от крутого подъема, от возбуждения; брови, усы, борода покрыты сизым инеем... Последние пятнадцать, десять, пять шагов — он чуть было не ткнулся в круп своего «тигра»... Шагнул и замер. Мотнул головой, шапка съехала на затылок.

— О, яс-стри! Это когда же ты? Вот черт, напугал... Ну, слезай, давай руку! Да, спасибо, мне б без тебя не справиться. Якосике...

На древней тропе

Мы неуверенно топтались по колено в снегу на лесистом берегу пограничной реки Туманган, с сомнением рассматривая молодой гладкий лед.

— Как думаешь, Юрьевич, выдержит? Искупаться ныне — хы-ы, не больно приятно. О, ястри, все дно как через стекло видать!

Иван Кузьмич снял сосульку с усов и постучал по гладкому льду окованным ложем короткого карабина. Я стукнул толстым прикладом своей винтовки. Первый ноябрьский ледок был светел и тонок. Так тонок, что на порядочной глубине можно было сосчитать все, даже небольшие, чуть пожелтевшие камешки; как в аквариуме, виднелась перебегавшая стайками рыбешка.

— Должен выдержать, Кузьмич, только пойдем быстро по-одному, а лошадь надо бы последней, на длинном поводе.

— Ну, тогда вперед! Кто первый?

Первым, раскорячившись, скользя бочком, с корейского на маньчжурский берег сиганул косолапый, но шустрой Володя Андрианов. За ним я. За мной осторожно, согнувшись, — большой Валентин. Кузьмич невозмутимо ступил на лед огромными, сшитыми им самим из кабаньей шкуры моршнями и, таща на веревке развязенного буланого конишку, уверенно переправился на левый берег. Когда вновь укрепили вьюк, он поправил свою заячью шапку, отер покрывшуюся инеем бородку и ткнул рукавицей вперед:

— Теперь прямо через пойму. С версту прошагаем целиной, а там тропа. Где-нибудь в дороге переночуем, а завтра доберемся.

Иван Кузьмич вел нас в свои заповедные места на границе кедровников. Там в прошлом году его любимый кобель Эс в одиночку задержал несколько кабанов, нашел в берлогах семь медведей! Сейчас невидный, цвета блеклой соломы, лопоухий, безродный, но удивительно талантливый пес, задрав пушистый хвост, бежал впереди, поучая молодого бестолкового помощника, серо-бурового Пурума.

В этот памятный день мы отмерили немало километров узкой, с виду ничем не примечательной лесной тропинкой. Но только с виду. На самом же деле то была очень древняя дорога, возникшая со

времен образования двух соседних государств. С незапамятных времен стихийно проложенная проворной ногой лесного человека, она веками почти не меняла свой облик. Где-то рубили девственные леса, строили железные и шоссейные дороги, капитальные мосты и виадуки, а здесь все было так, как в старину.

Падало поперек подгнившее дерево, его обходили — рубить или пилить всегда бывало некогда, — рождалась замысловатая петля. Истлевала с годами толстая лесина, рассыпалась в прах, открывая старую дорогу, — люди и звери снова шли напрямую. По этой самой жизнью рожденной дороге никогда не гуляли без дела и всегда спешили. То партия охотников шла к дальним, только им известным солонцам в погоне за пантами; то согнувшиеся под тяжестью тюков, почерневшие от дыма костров контрабандисты несли в Китай соль, обратно, в Корею, — опий... То крались поджидавшие тех и других безжалостные хунхузы. И реже всех — одетые в хаки пограничники. Неслышно шагали среди лесов, марей и голубичных полей сшитые из сыромяти китайские улы, плетенные из лыка корейские лапти — сины, или брезентовые, на резиновой подошве японские джикатаби.

Частенько дорога служила и зверю; он тоже любит пройтись по утоптанной тропинке. Проковыляет, озираясь, барсук, простучит копытами стройная косуля, похожий на утюг кабан или длинноногий мощный изубр; пройдет, виляя корпусом, медведь. Не оставлял тропу своим вниманием и «Великий Ван», четко отпечатывая на сырой земле или снегу свой круглый кошачий след, приводящий в трепет все живое.

Шли века, тайга наступала мхами и кустарником, а тропа все подновлялась: подошвами, лапами, копытами. Старые деревья умирали, на их месте вставали новые: темные стволы дуба, липы, клена; светлые — маньчжурского ореха, ясеня, бархата, березы: красноватые — акации Маака и дикой черешни. А среди них, как мачты старинных фрегатов, — стройные колонны даурской лиственницы.

Плохо охраняемая граница всегда влечет бродяг, авантюристов и хищников, ибо здесь — никакого жилья на многие версты; много повидала залегшая на границе древних азиатских государств тропа — горе, пот и кровь. Реже — радость. Если бы научиться понимать слова в шелесте старых деревьев, в шуме ветра, в журчании безымянных ручьев и реки Туманган, немало странных, а порою жутких историй можно было бы пересказать людям...

Сейчас, зимой, тропой почти не пользовались. Насупившись стоял потерявший листву почерневший лес. Снег лежал глубокий, и древняя дорога выглядела просто извивающейся белой полоской, стремящейся сквозь леса и горы в таинственно голубеющую даль. Мне грезилось — в сказочное царство-государство, где в высоких теремах-пагодах среди цветов, мелодичного пения и музыки загадочно улыбаются узкоглазые восточные красавицы в длинных шелковых халатах... Чего не грезится в двадцать три года?

Однако поднявшийся северо-западный ветер начинал леденить и мечты, и лицо, и руки, заставил пригибаться и отворачиваться. Горизонт потускнел. Вечерело. Совсем красное на западе, солнце уже коснулось дальних гор, а мы все не могли преодолеть обширную безлесную пойму Туманганы. Стارаясь ступить в глубокие лунки сильно заметенного одинокого следа, стремились добраться до маячивших впереди лесистых холмов: в богатом дровами и защищенном от злых ветров овражке можно разбить палатку.

Но Валентин выглядел настолько плохо, что дотянуть до этих холмов уже не надеялись, а жесткая морозная ночь надвигалась с каждой минутой. Дело принимало серьезный оборот. Заночевать при сильном морозе на открытом месте совсем без дров — очень рискованно. Все, я это хорошо заметил, часто и с беспокойством осматривались по сторонам. Как вдруг Андрианов крикнул:

— Дым, гебята! Там, вегно, жилье! — Он сильно карталил.

Все посмотрели в указанную сторону. Да, дым. Далеко справа на опушке лесистой гривы стояли

табором какие-то люди.

— Пошли к ним, как-нибудь переночуем, — пробурчал Кузьмич.

Мы повернули свою выючную лошадку с тропы и целиной, по глубокому снегу направились к спасительному теплу. Не по пути и без дороги, но что делать? Иного выхода не было.

До дымящей сквозь заросли трубы незнакомого жилья оставалось всего два-три десятка шагов, когда на тревожный лай бежавших впереди собак из низкой бревенчатой постройки один за другим выскочили ее обитатели. И только взглянув на них, мы поняли, что попали в разбойничье логово: люди в теплых синих ватниках и мохнатых шапках-ушанках совсем не походили на простодушных ловцов пушного зверька или бедных выжигателей древесного угля, которых мы рассчитывали встретить!

Обе стороны сразу почувствовали себя неуютно: встреча произошла неожиданно, нас оказалось поровну, по четверо с каждой, но оружие у нас в руках, наготове...

Одним словом, встретились без обычного на Востоке радушия и гостеприимства; но не пустить на ночь забредших людей закон тайги не разрешает, а нам повернуть было просто некуда.

— Что будем делать? — Володя в момент раздумий всегда теребил свой мощный нос. Я ответил вполголоса:

— Придется, брат, ночевать, только быть начеку.

Мы развязали лошадь, укрыли попоной, а сами с котомками и ружьями в руках один за другим нырнули в низкую дверь. Зимовье оказалось не на четырех, а человек на пятнадцать, но, на наше счастье, основная шайка ушла на дело, оставив две пары дозорных. А эти проспали и, заметив нас в последний момент, хоть и успели спрятать винтовки, чтобы выдать себя за промысловиков, вспыхах не прибрали подсумков и рассыпанных на подоконнике маузерных патронов. Позднее, украдкой, они замели и эти следы, а мы сделали вид, что ничего не заметили.

Зимняя фанза-барак, в которой мы оказались, срубленная из лиственничных бревен, была низкой и темной. Всего одна дверь и маленько оконце. Прямо от двери во всю длину — утрамбованный земляной пол, по правую руку нары. Какие-то полки и вешалки терялись в тени закопченных стен в дальнем углу длинной постройки.

Валентин чувствовал себя совсем скверно, поэтому первым делом попросил разрешения прилечь. Хозяева указали на дальнюю часть свободных нар. Сбросив обувь, он лег и тихо застонал. Несколько лет назад товарищ был тяжело ранен хунхузской пулей. Во время перестрелки в положении лежа пуля вошла ему в ямку около правой ключицы, прошила легкое и вышла в левый бок, раздробив два нижних ребра. Отличный гимнаст и очень здоровый от природы донской казак чудом выжил, но стал побаливать. И, видимо простудившись, сегодня почувствовал себя плохо. Однако сейчас, довольные уже тем, что он лежит не на улице, мы сунули ему таблетку аспирина, прикрыли верхней одеждой и занялись хозяйственными делами.

Мы с Володей втащили мешки, распаковали провизию. Иван Кузьмич развел в топке кана огонь, повесил котелок и чайник. Скоро немудрящий ужин был готов, мы расселись на кромке нар, пригласив по восточному обычаю хозяев. Но те вежливо отказались:

— Чила, чила... (Уже поели...)

Свободно по-китайски говорил один Кузьмич. Мы из предосторожности просили его объясняться, как и все, ломано и примитивно: хотелось послушать, о чем хунхузы будут говорить между собой. В самом деле, определив уровень наших познаний, хозяева завели оживленный разговор. Прислушавшись, Кузьмич вполголоса перевел:

— Ждут возвращения своих; волнуются, как бы чего не вышло...

— Ага, слушай-дальше внимательно, но сам помалкивай, — шепнул я.

Однако вскоре по простоте душевной Иван Кузьмич откликнулся на какую-то реплику, и наша конспирация оказалась раскрыта. Хозяева поняли, что сболтнули лишнее, и замолчали, что еще сильнее накалило обстановку.

Поужинав, начали потихоньку договариваться, где кому лечь. Никому не улыбалось оказаться рядом с подозрительным соседом: если они решат напасть на спящих, то первый с краю неизменно окажется и первым по счету...

Однако больной Валентин сам выбрал это место. Сказал, что боль не даст ему заснуть, он будет сторожить. Иван Кузьмич проворчал, что на нары вообще не ляжет, там душно; нагородил из дров возле двери подобие топчана, что-то подстелил, чем-то укрыл и, положив под бок своего Эса, мгновенно беспечно захрапел богатырским сном.

Мы легли все рядом, не раздеваясь, положив винтовки под бок, в таком порядке: Валентин, я, Володя. Долго не спали, стараясь незаметно наблюдать за соседями. А те не ложились. Усевшись в кружок в двух метрах от нас, о чем-то перешептывались, прислушивались, часто оборачивались к двери. Кого-то поджидали. И лишь около полуночи, видимо, успокоились. Двое, полулежа, засопели опийными трубками. Вторая пара долго клевала носами, потом, пошептавшись, принялась за непонятные приготовления.

В пиалу налили воды, опустили небольшие темные шарики, размешали. Жидкость окрасилась в буро-коричневый цвет. Из грязного свертка появился почерневший от старости шприц с такими же старыми большими иглами. Хунхузы скинули куртки, оставшись голыми до пояса. Отталкивающими были их худые желтые тела при свете маленькой керосиновой лампы в облаках сизого опийного дыма. Я содрогнулся, глядя, как они с усилием всаживали тупую иглу в почерневшие выше локтя руки и медленно вводили друг другу дозу опийной жидкости.

Зато как они преобразились через несколько минут! Глаза вспыхнули, засверкали, жесты стали энергичными, разговор оживленным. Это были совсем другие люди, готовые, казалось, на что угодно, — такая резкая перемена на глазах! И тут до сознания стало доходить, почему этих людей оставляют в зимовье в качестве сторожей: втянувшиеся наркоманы просто непригодны в дальнем походе.

Валентин стонал и ворочался. Я пытался не спать, но морозный день и утомительная ходьба по глубокому снегу взяли наконец свое: вдруг как провалился куда-то...

Сколько спал — не знаю, но проснулся от толчка, приподнял голову. Взволнованный, красный от жара Валентин сидел рядом и шептал скороговоркой:

— Вставай, кажется, Володьку убили! Он уже давно вышел на улицу и не возвращается. А сейчас я услышал за дверью звук упавшего тела: наверное, зарубили топором, чтобы без шума, по одному...

Я прыгнул с нар, винтовка в руках. Володино место было пусто! Что я собирался делать? Кажется, хотел метнуться во двор, но тут же сверкнула другая мысль: перестрелять сейчас же всех этих нарах!

Эта борьба с самим собой длилась несколько долгих мгновений, как вдруг... скрипнула дверь, и у порога, в клубах ворвавшегося морозного воздуха, появился очень бледный... Андрианов!

«Не добили — ожил», — мелькнуло в сознании. А он, держась за косяк, едва слышно прохрипел:

— О, чегт! Я, кажется, совсем одугел от опийного дыма. Стгашно замутило. Вышел во двог, подышал, подышал свежим воздухом и — хлоп! Упал, как чутка, сильно удагился, а встать не могу. Потом почувствовал, что замегзаю, едва поднялся...

Мы смотрели на него как на привидение, явившееся с того света, не могли произнести ни слова. А он как-то тупо огляделся и закончил неуверенно:

— Вгде чуть-чуть светает. Может, пойдем, гебята, а? Больно уж тут того — неспокойно, нехорошо...

Едва переведя дух, Валентин просипел, что ему лучше, он готов двинуться хоть сейчас. Разбудили Кузьмича. Тот спросонья ничего толком не понял, стал было спорить, что рано, но мы быстро собрали вещи, завьючили покрывшуюся за ночь изморозью лошадку и вышли до света, без завтрака. Нервы были натянуты, есть никому не хотелось.

Хозяева спали или делали вид, что спят, но провожать не вышли.

Вскоре вынырнувшее из-за горизонта солнце опалило алым заиндевевший вокруг лес и снег. Мы уходили все дальше на запад, и, несмотря на сильный мороз, дышалось удивительно легко, тревоги прошедшей ночи отступали. Тихое зимнее утро первым же лучом окрасило жизнь в розовый цвет.

После полудня, запутав следы, ушли в сторону, выбрали в лесу уютный овражек, остановились. Быстро и дружно разгребли снег, нарубили жердей, поставили легкую бязевую палатку. Соорудили из веток молодого, с неопавшим листом дуба высокую мягкую подстилку. Свалили пару сухостоин, напилили, накололи дров, и через час из трубы над коньком уже вился сизый прозрачный дымок, а порозовевшая печка сделала палатку теплым и чистым домиком.

Кузьмич и Валентин остались хозяйничать, мы с Володей налегке отправились в разные стороны на разведку.

Я описал по невысоким маньчжурским холмам изрядную петлю и повернул было к табору, как обнаружил двухдневный след стада кабанов и принялся его распутывать. Чтобы разгадать ребус, загаданный табуном чушек и поросят, требуется немалый опыт. Приходится кружить, обрезая все новые выходные следы, уметь находить те, что свежее предыдущих хотя бы на час-другой. Пока охотник не постигнет сей азбуки, ему в такой головоломке не разобраться.

Чувствовалось, что клубок распутывается, цель близка, однако солнце садилось быстро, до темноты оставались считанные минуты. И все же я шел очень осторожно и сумел заметить их на противоположном склоне овражка на расстоянии немногим больше сотни шагов. Днем это было пустяком для мощных винтовок «Ли-Энфилд» калибра 303: мы уверенно били любого зверя втрое дальше. Но при таком освещении стрелять было опрометчиво, и я, маскируясь кустами и деревьями, двинулся на сближение.

Кабан, особенно вечером, видит неважно. Главные его козыри — чутье и слух, но ветер тянул от них, относил запахи и звуки. Однако старая предводительница стада что-то уловила: подняла морду и расставила уши. Если она рюхнет,[\[5\]](#) все придет в движение, растает в темноте. Ждать больше нельзя.

Взяв пониже, я усадил мушку в прорезь на фоне белеющего снега и, как показалось, нащупал лопатку темной фигуры. Сноп искр из ствола слегка ослепил, но до слуха донесся знакомый для бывалого охотника звук попадания пули в крупного зверя — бук! В следующий миг я увидел необычную картину: чушка стремглав неслась вверх по косогору, описывая петлю, а из обоих ее боков, как из сорванного клапана, длинными струями бил серо-белый пар! За несколько секунд она замкнула круг, вдруг встала на нос, перевернулась и затихла. И тут же откуда-то вывернулся крупный двухлеток. Он мчался мимо, как паровоз, я стрелял больше по интуиции, но все же свалил его третьим выстрелом. Все завершилось в течение минуты, наступила тишина.

Стащив кабанов в ключ, быстро выпотрошил обоих. Отделил от печени желчные пузыри, перевязал шейки шпагатом и повесил на сук. Они замерзли, как камешки, я закрепил их в наружном карманчике рюкзака. Желчь высоко ценится среди корейцев: чтобы заполучить такой пузырек, они готовы вывезти

зверя из тайги за тридевять земель!

За этой работой день угас окончательно, но, к счастью, из-за сопки выглянула полная луна, стало совсем светло. Я приволок несколько валежин, придавил крест-накрест покрывающий туши хворост и уже хотел было идти, как вдруг показалось, что над ухом пискнул комар!

«Откуда он зимой?» Я выпрямился, прислушиваясь. И снова услышал странный, протяжный, какой-то очень беспокойный звук. Потом второй, третий — и понял: да это же волки!

Они вышли далеко, где-то внизу у реки, но стало ясно — хищники учудили кровь; скоро стая непременно явится к убитым кабанам, разнесет их в клочья. Только тут вспомнил, что упустил из виду очень важную предосторожность.

— Ну погодите! — Я воткнул вокруг по краям кучи несколько сломанных прутиков, надел стреляные гильзы, навязал бантики из полосок мягкой бумаги, которую постоянно носил в кармане. Гильзы пахнут порохом и латунью, бумажки — человеком. Кроме того, они трепещут и даже врачаются маленькими пропеллерами на ветерке. Все это производит на волков магическое действие: для них это верный признак человеческой хитрости, какого-то страшного подвоха.

Закончив маскарад, облегченно вздохнул — понюхайте да попляшите в свое удовольствие! Захватил два уже подмерзших сердца и печень, закинул за плечи рюкзак, бинокль, винтовку и отправился в сторону табора...

Волки в самом деле обнаружили спрятанных кабанов и устроили возле них настоящий хоровод. Истоптали вокруг весь снег: сидели, лежали, оставили многочисленные «визитные карточки», но тронуть не посмели. Однако все это мы обнаружили, конечно, лишь на следующее утро.

А между тем я не торопясь шагал с сопки на сопку, и картина этой волшебной ночи осталась перед глазами на всю жизнь.

Ветер совсем стих. Стояла такая тишина, что было слышно, как редкие снежинки с нежным шорохом садятся на сухие листья кустарника. Поднявшаяся огромная луна пробиралась сквозь вершины вековых деревьев, отчего черные силуэты стволов и ветвей плели фантастические рисунки, а пухлый снег бесшумно рассыпался под ногами, загораясь бесчисленными бенгальскими огнями. Такие же огоньки вспыхивали повсюду: на кустах, деревьях, покрытых снежными шапками пнях и валежинах!

Никакие новогодние елки со всеми художественными ухищрениями и достижениями цивилизации не могли бы соперничать с этой карнавальной ночью самой Природы, с этой феерической лесной сказкой...

В этот вечер в нашей палатке было особенно уютно и весело. От известия о первой удаче, от того, что поправился Валентин, но главное, потому, что сейчас уже ничто не напоминало о минувшей ночи на обочине древней тропы.

Доктор Бергман

На дворе вдруг хором зарычали, загавкали собаки. Хозяин фанзы приоткрыл оклеенную бумагой дверь и прислушался. Лунная морозная ночь вползала в теплую комнату седой волной студеного воздуха. При звуке открываемой двери псы смолкли, и чуткое ухо корейца уловило далекое поскрипывание по накатанной санной дороге.

— Кто-то спускается со стороны перевала, — сказал он и прикрыл легкую створку, сберегая тепло.

Собаки залаяли вновь, но вскоре сквозь два слоя зимних бумажных дверей обитатели симподонской фанзы услышали окрик, и свора затихла. А потом послышалось традиционное:

— Чүин кесио? (Хозяин есть?)

Взвизгнула обледеневшими деревянными шарнирами дверь, и в облаке морозного потока через высокий порог кухни шагнула крупная фигура с палкой и большим мешком за плечами. Шапка, брови, усы и завязанный вокруг шеи шарф так заиндевели, что при тусклом свете лучины ночного гостя узнали не сразу. Он скинул рукавицы, не без труда стащил шапку.

— Уона! Серафим! Ты откуда? Что случилось?

Не отвечая, он сел на выступ теплых кухонных нар, стянул с плеч лямки тяжелой ноши, отлепил сосульки с усов, шарфа, вокруг рта и спросил:

— Который час?

— Одиннадцать, а что? Ты откуда в такое время? В чем дело?

— Ха, — он облегченно вздохнул. — Успел! Ничего дурного не случилось, только гость-иностраниец наказал обязательно добраться к вам до двенадцати ночи.

— Успел, успел, раздевайся, грейся, садись ужинать, рассказывай по порядку.

Но прежде всего он развязал свою огромную котомку.

— Сначала вот, принимайте, разбирайте, будете праздновать свой Новый год за его здоровье.

Удивительный человек! Сам укладывается в дорогу — в Японию, в Токио едет, а не забыл, собрал все это, пригласил меня и говорит: «Вот, постараися для своих охотников, доставь им гостинцы к встрече „яннёг сори“ — европейского Нового года. Бывал на станции Чхампъен, знаешь, за перевалом поселок из трех фанз Симподон? Найдешь? Ну вот, тогда — на, получай за труды вперед, только постараися добраться к ним до полуночи»... Все наши корейские названия правильно запомнил.

А путь со станции и впрямь нелегкий. По едва пробитой, переметенной сугробами тропе, через высоченный снежный перевал, где жесткий северо-западный ветер дует в лицо, как из невидимой трубы. Последние часы Уона брел в полной темноте, один сквозь тайгу, лишь с палкой и коробком спичек в кармане. Но крещеный в России Серафимом, корейский богатырь Пак Уона был человеком слова. Раз ему доверили, а он обещал — «хоть в десять ночей», но должен выполнить. Ничто не могло остановить этого скромного, глубоко порядочного человека, обладавшего необыкновенной физической силой. И теперь от сознания доставленной радости он весь светился добрым круглым лицом, не торопясь выставляя из бездонного мешка присланные рождественские подарки. И не только бедные крестьяне затерянной в горах фанзушки, но и мы ахнули от удивления!

Одна за другой, тускло мерцая в полумраке прокопченной кухни, выстроились бутылки бренды, коробка красных с золотом плиток шведского шоколада, булки свежего хлеба и ящик с сотней слегка подмерзших в пути мандаринов...

На Новый год в тайге остались трое охотников: брат Арсений, Валентин Вальков и я. В канун праздника Валентин на охоту не выходил, ему были поручены хозяйственные дела. Отличный кулинар нажарил из филе годовалого кабана груду сочных отбивных, отварил языки, сердце. Сходил в лес за елочкой. Теперь несколько сдвинутых вместе низких столиков были накрыты белой бумагой, а на них расставлены блюда со всеми сортами мясного и хозяйствами национальными салатами. В больших чашках парящий, прямо из котла, рис. Между блюдами красовались доставленные Серафимом бутылки.

В углу стояла трогательная, без единого украшения, елочка.

Без пяти двенадцать все взрослое мужское население сидело на теплом полу за импровизированным банкетным столом. Женщины и дети устроились рядом на кухне. Подобной встречи Нового года никто из участников не знал, вероятно, ни до, ни после...

А главный виновник торжества в это время уже катил экспрессом к южной оконечности страны, пересекал пароходом Корейский пролив и мчался в Токио. Ради того, чтобы доставить другую радость: поздравить по телефону Токио — Стокгольм свою семью. Услышать за многие тысячи километров по проложенному на дне океанов кабелю голоса жены и трех маленьких дочек.

Член Шведского королевского географического общества, путешественник и писатель Стен Бергман совершил уже третью экспедицию на Дальний Восток. В двадцатые годы совсем юными молодоженами они с женой около трех лет провели на Камчатке. На оленях, собаках и пешком исследовали вдоль и поперек огромный полуостров. Потом дети привязали жену к дому, и следующей явилась его двухгодичная экспедиция на Курильские острова.

А теперь — в Корею. Приехав, он арендовал в нашем курортном местечке Новина уютную дачу «Зорьку», создал там базу, с помощником шведом и маленьким веселым японцем Ямamoto исколесил почти весь север страны. Собирал коллекции птиц, шкуры и черепа зверей, предметы старины и первобытные орудия труда, национальную одежду корейцев и домашнюю утварь. Много фотографировал, писал.

Однако в программу его зоологических изысканий входило добить выдающийся экземпляр дальневосточного секача-кабана для Стокгольмского музея и понаблюдать жизнь вепрей в их родной

стихии. Как страстный охотник, он мечтал побродить за ними сам и договорился приехать в Симподон, куда мы отправились раньше.

Бергман прибыл в назначенный срок, мы познакомились ближе и быстро подружились. Среднего роста, темный шатен с ласковым прищуром карих глаз — что-то лапландское, от героев Кнута Гамсона, было в его внешности; подвижный и энергичный, отзывчивый и мягкий, он как-то сразу располагал к себе ненаигранным благородством и культурой. Помочь добыть нужный экспонат и поучить охоте на кабанов попросил меня.

Утро первого выхода было на редкость холодным и ветреным. Прикрывая рукавицей лицо от жестких порывов ветра, я шагал впереди. За мной по узкой тропе в белом маскалате с маузером за плечами шел Бергман; сзади — несший фотоаппарат и рюкзак кореец.

Я заметил подозрительную полосу: совсем слаженный поземкой след табуна кабанов пересек наш путь. Пройдя по нему взад и вперед, приглядевшись к едва уловимым приметам, установил направление и то, что чуть заметный след вовсе не давний, а ночной. По тому, как спутники глядели на мое «колдовство», сомнение их было очевидным, однако спорить они не стали и послушно свернули с набитой тропы в глубокий снег.

Преследовать идущий ходом табун диких свиней нелегко. У них по четыре крепких тренированных ноги с цепкими копытами, и они не выбирают дороги. Бегут километры и километры, то вверх, то вниз, а еще хуже — крутыми косогорами, где человек, не имея этих спасительных копыт, беспрерывно скользит, срывается, падает и больно сбивает ноги. А кабаны идут и идут сквозь чащу кустарников и колючей аралии, под поваленные деревья, через них — прут напролом туда, куда ведет инстинкт старой чушки-вожака.

Прошло несколько часов утомительной ходьбы, пока мы обнаружили лежки. Звери встали уже утром, начали пасться. Швед и кореец заулыбались; теперь, я видел, они поверили моему опыту.

Чувствовалось, что стадо где-то близко. Во избежание лишнего шума носильщику предложили держаться шагах в пятидесяти позади, а мы, постепенно распутывая и обрезая петли пасущегося стада, осторожно взбрались на освещенную солнцем, покрытую дубами возвышенность. Сразу за ней начинался хаос сильно заросшего оврага. Камни, коряги, кустарник среди старого чернолесья — фон, сильно мешающий разглядеть осторожного зверя. После яркого света все здесь казалось погруженным в серую мглу.

Едва высунувшись и прячась за ствол дерева, я глянул вниз и, показалось, заметил какое-то движение. Сделал предостерегающий жест; компаньон замер в двух шагах слева. Я видел любопытную картину. Короткий толстый обломок упавшего дерева удивительно напоминал стоящего боком, застывшего в настороженной позе кабана. Но эта чурка была густо усыпана снегом, а поэтому сомнений не вызывала. Однако странное совпадение: на правом ее конце виднелись три темные точки: одна побольше, две поменьше, как нос-пятак и два глаза... И тем не менее я понимал, что живой зверь не может быть покрыт слоем снега.

Это чучело находилось всего в сорока шагах от нас, а вокруг него тоже камни, стоячие и поваленные, присыпанные снегом стволы деревьев. Замерев, я смотрел не отрываясь, инстинкт подсказывал не шевелиться. С минуту мыостояли как вкопанные. Но вот — одно едва заметное движение, а может быть, пар от дыхания, и все стало ясно: да, это кабан! И лишь тогда я понял: белый он потому, что, копаясь в глубоком снегу, резкими взмахами головы снизу вверх набросал на себя целое покрывало. Последним броском засыпал и голову и, услышав шорох, полуобернувшись, застыл. Он стоял по брюхо в снегу, и черными в самом деле оставались лишь глаза да кончик носа. Точно слепленная детьми лежащая на боку «снежная баба». Однако поза была крайне напряженной.

Мне хотелось, чтобы гость стрелял первым, это был неслыханно удачный шанс. Указывая одними глазами, я едва слышно произнес:

— Бейте, это кабан!

Но его непривычный глаз не мог нащупать зверя среди хаоса неясных теней. Он, естественно, искал черную тушу и не находил ее. А секунды бежали... Миг — зверюга скроется!

Я медленно поднял винтовку: на этом расстоянии можно было попасть в глаз. Однако Стенчувствовал, что вепрь рядом, и бурно переживал первую встречу. До меня донеслось едва слышное:

— Ради бога... — И я опустил ружье.

В этот момент по направлению моей мушки он разглядел зверя и — о ужас! — двинулся вперед...

— Стреляйте! — выдохнул я, совсем обалдев от такого несуразного поведения. Но он так развелся, что не рисковал бить с руки. Подбежав к одному из дубков, опер на толстую ветку свой маузер и начал целиться. Неплохой стрелок не верил себе...

Я считал, что все безвозвратно потеряно: сейчас кабан прыгнет и растает в зарослях! Но если бывают чудеса, то случилось одно из них: обычно на редкость чуткая свинья даже не шагнула. Только едва заметно повела головой и осталась в той же позе. Очевидно, солнце слепило ее, а ветер относил шум и запахи. И лишь мелькнувшая тень заставила насторожиться.

Мне казалось — швед целится целую вечность, я даже успел подумать: не случилось ли что с ружьем. Но — траххх! — и зверь кинулся вправо, куда стоял головой. В первом же удобном «окне» я поймал его на мушку и «подправил»: он с ходу закопался носом и повалился на бок. Среди деревьев в разных направлениях замелькали темные силуэты. Выбрав на прогалине покрупнее, я свалил другого. Треск, шум, выстрелы, хрюканье — все разом оборвалось. Наступила тишина.

Гость был в восторге: в первой чушке была и его пуля. Я сунул палец в рану и мазнул его по лбу, объяснив, что это — посвящение в кабанятники. Он счастливо улыбнулся и не стирал кровь до вечера.

Подбежал кореец, он, казалось, был довольнее всех. По очереди пинал каждого зверя, приговаривая:

— Ага, попались! Сколько за лето сожрали наших бобов, картошки, кукурузы?!

Мы стянули кабанов рядом. Бергман навел аппарат, я объяснил корейцу — куда смотреть, на что нажать. Он долго искал нас в объективе, слушал команды, но умудрился удачно заснять всю группу, хотя фотографировал впервые в жизни. Этот снимок навсегда запечатлел нашу охоту в книге Бергмана о Корее: два кабана, он в маскхалате и я в охотничьих доспехах из самодельной замши дикой косули.

Дня через три мы сделали очень большой круг по горам, издали видели огромного кабана, но подойти к нему не удалось. Перед закатом я взял молодого секача, однако слишком молодого для музея. Ночь застала далеко от дома, но, к счастью, полная луна позволила благополучно выбраться на лесовозную дорогу. Выйдя на нее, я свистнул своим попутчикам. Они брели тяжело, попросились присесть и отдохнуть. Я, стоя, служил переводчиком в их беседе. Швед глянул на меня с завистью:

— Мне кажется, вы чувствуете себя как на воскресной прогулке. И если б сейчас снова начало всходить солнце, наверное, легко могли бы преодолеть обратный путь!? Вот что значит образ жизни и тренировка.

Пожалуй, он был прав.

В Симподон добрались чуть не к полуночи. Ученый сильно устал и утром остался препарировать добытых птиц, делать записи. Мы с братом, как обычно, пошли поодиночке. В этот день высоко в горах я нашел желанный след. Шел недолго, но очень осторожно и поднял хозяина с лежки. Он рухнул и вскочил,

черный и мощный, как носорог. Остановился, стал прислушиваться. Даже издали я отчетливо разглядел его крупные белые клыки. Сраженный насмерть, секач скатился в глубокий овраг, к сожалению повредив о камень один «бивень».

На следующий день его вывезли на базу. То был отличный экземпляр материала северокорейского кабана, и Бергман попросил уступить его целиком: череп, шкуру, весь скелет. Этот великолепный экспонат украсил собой коллекцию Стокгольмского национального музея.

Приближалось католическое Рождество, наша совместная охота подходила к концу. Ученый считал обязательным встретить праздник на базе, со своими сотрудниками. А на Новый год планировал съездить в Токио, чтобы поздравить жену и детей по телефону, связывающему прямым проводом обе столицы.

В свой последний выход мы долго карабкались на густо поросшую дубом и сосной скалистую, высоченную сопку Кабарга, почти отвесно нависшую над узкой долиной Симподона. Потом прошли хребтом далеко на северо-восток, но, ничего не обнаружив, расположились на привал. Разгребли снег, разложили жаркий костер. Уселись на поваленном стволе старого дуба, разогрели обед, натаяли в котелке снег, заварили чай. Вспомнив о приближающемся Рождестве, Стен сказал, что в этот вечер в Швеции принято иметь на столе поросенка. И вздохнул: ни одного поросенка нам взять не довелось. Спросил, едем ли мы на праздник домой?

— Нет, наш сочельник шестого января, к этому дню и прибудем, а Новый год решили встречать в тайге.

Он с сожалением покачал головой. Потом поднялся, оглядел уходящее в дымку море горных хребтов, обернулся:

— Да, нелегкая у вас работа, тяжелая и опасная. Но, знаете, я уверен — тысячи молодых шведов с радостью сменили бы свою комфортабельную городскую профессию на эту фантастическую романтику!..

Чтобы попасть в сумерках на тропу, нужно было преодолеть еще одну возвышенность. День шел к концу, было обидно, что он не принес результатов. Взобравшись на пик, я вынул бинокль. Великое дело — уметь правильно пользоваться этим достижением оптики, особенно в горах! Одним мановением этот кудесник подносит к глазам весь окружающий мир: склоны ближних и дальних гор со всеми недосягаемыми для невооруженного глаза тайнами... И чаще других на большом расстоянии выдает кабанов.

Распахивая в поисках желудей носами снег, они оставляют на белой поверхности причудливую, вытканную опавшими листьями вязь. Такие полосы и пятна видны в бинокль на километры и сразу заостряют внимание опытного охотника.

Я заметил этот табун километра за два. На таком расстоянии кабаны казались муравьями, копошащимися на облитом глазурью пасхальном куличе.

«Валерий позвал меня, — вспоминает Бергман в своей книге о Корее, — и я имел удовольствие наблюдать в бинокль стадо из семнадцати голов диких кабанов всех размеров, откапывающих желуди... Когда сквозь стекла мы разглядывали свиней на расстоянии еще около мили, Валерий произнес: „Надеюсь, ваш рождественский поросенок пасется среди них...“».

Начинало темнеть, нужно было торопиться. Мы обошли табун с двух сторон, но не совсем удачно: лишь один годовичок набежал на меня в сгущающихся сумерках. Однако основная цель оказалась достигнутой, через несколько дней этот поросенок украсил праздничный стол скандинавов.

А ночь мы провели в маленькой фанзушке, на счастье в полной темноте обнаруженной по лаю собачонки на дне глубокого распадка. Луна в эти дни вставала уже поздно.

«Это был великолепный отдых, — сообщает мой спутник в той же главе, — мы поужинали, а потом пили одну чашку чая за другой... При свете крохотной, впервые в жизни виденной мною лампочки, расходящей всего одну бутылку керосина за круглую зиму, старик хозяин рассказывал нам увлекательные истории о Четырехглазом Янковском — деде Валерия. Хозяин знал его в молодости, когда жил в России. Он описывал нам борьбу Нэнуни с маньчжурскими бандитами и тиграми, защиту первых корейских поселенцев, прозвавших его Четырехглазым за необыкновенно меткую стрельбу. Дед Янковских до сих пор живет в воспоминаниях старшего поколения корейцев».

Увлеченный воспоминаниями, хозяин извлек из окованного медными бляхами сундука заветную бутылку сури и разлил ее в чашечки.

Бергман приложил руку к груди и низко поклонился.

— Переведите, пожалуйста: я очень благодарен и с удовольствием выпил бы этот напиток, но мой отец был председателем общества трезвости и из уважения к нему я за всю жизнь не взял в рот спиртного... Хотя вовсе не считаю, что пить в меру — какой-то грех. Объясните, чтобы он не обиделся.

Старик был вполне удовлетворен. Он просил ответить так:

— Гость дал глубокий ответ. Значит, в их стране, в Швеции, так же почитают родителей, как и у нас в Корее. Скажите гостю, что я очень уважаю таких воспитанных людей...

На следующий день мы вернулись в Симподон, а через два дня, наняв сани, захватив праздничного поросенка и разделанного секача, наш гость возвратился в Новину. Под Новый год поехал в Японию, однако с присущим ему вниманием не забыл прислать нам в лес замечательный новогодний сюрприз.

Позднее мы подружились еще теснее, и я принял его предложение участвовать в следующей экспедиции, намечавшейся через два года на Формозу (Тайвань) или в Маньчжурию. Однако этому помешала вторая мировая война. Через год, уже из дома, он написал примерно следующее: «К сожалению, намечавшаяся нами экспедиция должна быть отложена на неопределенное время. В Европе очень неспокойно, и, возможно, мне придется драться за свою страну»... Драться ему не пришлось, но война разрушила наши планы.

С тех пор прошел не один десяток лет, но мы не забыли друг друга. Я получил от него письмо, а следом четыре книги и узнал, что он стал доктором зоологических наук.

Книгу «В дебрях и селениях Кореи» я ждал с особым волнением. По времени написания она — самая давняя, в продаже ее уже, конечно, не было. Но внимание этого человека всегда оставалось беспримерным: через своих друзей он разыскал ее для меня в Лондоне... И она перенесла на много лет назад.

Необыкновенно радостно было видеть старые фотографии, в том числе ту, которую так удачно сделал носильщик-кореец, прочесть в главе «За диким кабаном в корейских горах» такие лестные строки: «Братья Янковские — Валерий и Арсений — являлись лучшими зверобоями Кореи. Я выезжал с ними несколько раз и был изумлен их необыкновенной эффективностью и способностями зверовых охотников...»

В книге автограф: «Моему дорогому другу и компаньону по охоте — Валерию Янковскому — с лучшими пожеланиями от Стена Бергмана».

Кавандо

Солнечным сентябрьским днем в нашу большую, крытую черепицей фанзу, прилепившуюся на холме над глубокой Сейсинской бухтой, ворвался переводчик Иван Чхон. На бронзовом лице корейского Мефистофеля сверкала золотозубая улыбка.

— Юрий Микаучи, моя олени насочу! (Юрий Михайлович, я оленей нашел!)

Кореец Иван — Чхон Чан Гын — мальчишкой сбежал от родителей в Россию, много лет прожил во Владивостоке. Служил дворником, потом матросом и рулевым на катере «Рында» владивостокского коммерсанта Бринера. Искал золото, находил, прокучивал, спускал в карты и вернулся в Корею ни с чем. Сказочник, балагур, фокусник, циник и авантюрист, неугомонный дамский угодник, Иван никогда не унывал, на любой случай реагируя ироничной и меткой шуткой. Чхон говорил по-русски бегло, без запинки, однако на том специфическом дальневосточном жаргоне, который почти непонятен коренному россиянину.

Сейчас честолюбец, но в общем очень добрый малый сиял потому, что не кто другой, а именно он первым узнал об оленях — давней мечте знатока пантового оленеводства, нашего отца. Ждал похвалы и благодарности.

Заметив сомнение, Иван, темпераментно жестикулируя, сыпал новыми интересными подробностями. То, что он сообщил, было сенсацией. Пятнистый олень в Корее стал уже редкостью, а отловленный — тем более. Как можно оставить без внимания такое известие?

Утром отправились втроем: отец, Иван Чхон и я.

Путь был неблизкий. Несколько часов поездом, потом по узкой каменистой дороге сквозь расцвечененные первыми осенними красками леса и поля, через прохладные броды светлой горной речки. Шли и сомневались: не ошибка ли? Увидим ли пойманных оленей или все окажется басней? Так уже бывало.

Солнце садилось, когда мы достигли усадьбы охотника Ким Чхун Бона. Подошли и некоторое время не могли поверить глазам: в тесных загородках из высоких жердей метались четыре красно-рыжих зверя с

белыми пятнами по бокам. Они! Взрослый самец-пантан со спиленными уже рогами, двухгодовалый бычок — саендыш с первыми рогами-шпильками, взрослая матка и молоденькая дочка. Саендыш, самый дикий и буйный, при виде людей неистово бросался на ограду, никак не желая привыкать. Он уже сильно рассек нижнюю губу, обнажив длинные желтоватые зубы.

Мы отошли во двор фанзы, чтобы не тревожить животных.

Хозяин, плотный мужчина в домотканых шароварах и рубахе, с заметной сединой в коротко остриженных волосах и реденьких свисающих усах, степенно представился. Фанза одноэтажная, но он приглашает в «верхнюю» комнату — для стариков и гостей мужского пола.

Не успели помыться с дороги, как хозяйка внесла один за другим маленькие лакированные столики с сервированным на них ужином. Для каждого мужчины отдельный столик. На нем большая бронзовая чашка с крутой чумизной кашей, мисочка с острым соевым супом, чашка с водой — горячую сухую кашу, взяв на ложку, надо опустить на секунду-другую в чашку с водой, потом в рот; несколько блюдечек с закусками: вяленая рыба, остро приготовленный молодой папоротник, проращенные соевые бобы, кимчи — капуста или редька, квашенная с красным перцем и чесноком; плоская латунная ложка и деревянные палочки.

Обувь оставили на крошечке за порогом. Сели на отапливаемом полу, на циновке, скрестив ноги, каждый перед своим столиком, как принято, лицом друг к другу.

Нас больше всего интересовало — как поймали этих оленей? Зверевые ямы давно запрещены, да и упавший в яму зверь редко остается непокалеченным. Однако разговаривать о деле можно только после трапезы. И вот наконец ужин закончен, этикет соблюден, отец задал свой вопрос.

— Их поймали весной голыми руками. За самцами гонялись дней по семь, стельную матку взяли на третий...

Чхун Бон рассказывал спокойно, попыхивая трубкой с длиннейшим мундштуком и маленьким чубуком, который он часто набивал, вновь и вновь прикуривая от уголька стоявшей в углу жаровни.

Никогда, ни в каких описаниях самых прославленных следопытов, начиная с серьезных исследований, и кончая романами Фенимора Купера, не упоминалось случаев, когда бы оленя ловили голыми руками. Речь не идет о преследовании по насту, когда олень, пробивая твердую корку снежного покрова, способную держать человека, быстро ранит ноги, выбивается из сил и падает под ножом или копьем. И, даже взятый живьем, уже обречен: напрягая последние силы, в ужасе от преследования, он запален и в лучшем случае живет в неволе несколько дней, чаще — часов... То, о чем поведал хозяин, было совершенно ново и необыкновенно.

Корейцы выработали метод, который вряд ли мог быть придуман европейцами. Близкий к природе и наблюдательный восточный таежник заметил, что при появлении первой травки, лишь попробовав ее, олень бросает надоевший зимний корм — веточки и сухую траву. В эти дни он сразу быстро тощает, теряя обычную силу и выносливость. Но уже апрель, снег сошел; как найти, а главное, не потерять след? На влажной земле, даже густо укрытой упавшим листом, для опытного глаза свежий след еще заметен. Но земля и лист высыхают, а тогда начинается самое сложное. Следопыт с легкой палкой в руке, раздвигая на ходу опавший лист и сухую траву, замечая отиск копыт там, где его не видит никто, преследует зверя от зари до зари.

Этот метод зародился в скалистом и диком крае Центральной Кореи, в районе Алмазных гор. Иссеченная высокими крутыми хребтами, провинция эта стала колыбелью классической ловли драгоценного оленя. Однако, научившись ловить и сохранять жизнь «торог сасими», жители не приручали и не разводили их. Стельных маток кормили до тех пор, пока полностью не развивался весенний плод, еще

не родившийся олененок — «ноктхэ» — одно из самых дорогих средств тибетской медицины. Когда плод созревал, матку убивали. Изъятый эмбрион варили до состояния густой мастики, он шел по баснословно высокой цене. Мясо оленихи ели, из шкур выделяли замшу. Самца растягивали до первых пантов и тоже убивали. Так постепенно олени провинции Канвондо были истреблены, и следопыты стали продвигаться на север, где зверь еще сохранился. С годами слово «кавандо» — так произносили его северяне — стало как бы синонимом названия редкой профессии — ловца оленей.

Отыскав нужный след, кавандо не теряет его надолго нигде: ни среди каменной россыпи, ни в болоте, ни в речке, куда порой забегает преследуемое животное, и это еще не все. Настоящий кавандо так запоминает оттиск копыта, что отличает его от всех других. Бывает, преследуемый олень натыкается на своих собратьев и смешивается с ними. Следопыт, встав на колени, прощупывает отпечатки и безошибочно продолжает вести свой след.

Все дело рассчитано на измор. Чувствующий беспрерывную погоню олень волнуется, перестает есть, часто пьет, за короткую весеннюю ночь не успевает как следует отдохнуть и — начинает сдавать... Первые день-два охотники не видят его совсем. Потом замечают на большом расстоянии, но он мгновенно скрывается с глаз. На третий, четвертый видят все чаще: олень начинает ложиться, вскакивает при приближении людей. Все ближе, ближе... А люди не отстают. И наконец, совсем обессиленному, набрасывают веревочную петлю: самцу на сухие весенние рога, самке на шею, но так, чтобы не задушить. И ловят? Нет...

— Когда на шестой день, — продолжал Чхун Бон, — впервые нагнали на лежке моего саендыша и набросили ему на рожки веревку, он встал. Шатается, как пьяный, но идет. Я держу, боюсь выпустить конец, а Пак Чан Себи, главный следопыт, как рявкнет: «Пускай! Пускай, говорят тебе! Пусть идет!» Уже темнело. «Уйдет, — говорю, — вдруг потеряем завтра, шесть дней пропадет, столько сил...» А он смеется: «Уйдет, если за ночь крылья вырастут, а по земле от Пак Чан Себи еще ни один не ушел! Но если сейчас применить силу, он свернет шею или получит разрыв сердца. Вот тогда уже никто не поможет, и все наши труды пропадут даром. Кому он мертвый нужен?»

Я ночь не спал, переживал, что выпустили молодого самца из рук. А утром Пак его шутя нашел, взял голыми руками и связал. Тот только дышал тяжело и озирался, но на ноги встать не мог. Когда другихловили, я уже был спокойнее, поверил в эти чудеса. Наука, конечно, наукой, но и зрение надо особенное. Мы потихоньку можем следить без снега — час, два, три, но потом в глазах темно становится. А они чуть не бегом, да еще далеко вперед видят. Пак — настоящий лесной черт! Как-то сошелся след нашего оленя с другими, случайными, ну, думаю, теперь перепутаем, все пропало. А он прощупал, просмотрел все следы и говорит: «Этот наш. Видишь, у него створки копыт разошлись шире, чем у других? Это потому, что преследуем его три дня и он устал... Да я и без этого отлижу от других. Каждый след чем-то отличается: формой, нажимом. Летом по следу могу определить высоту пантов на голове оленя. Как? Чем панты выше, тяжелее, тем заметнее по-другому начинает ставить копыта передних ног...»

Позднее и нам довелось встречать кавандо. По крутым склонам гор сквозь потемневший прозрачный весенний лес, когда молодые почки заставляют опасть последний прошлогодний лист, почти бегут странного вида люди. Обросшие, в неопределенного цвета одежде, с коваными кинжалами в ножнах из рыжей летней шкуры косули, с закопченным котелком, мешочком чумизной крупы и соли в сетке за плечами, с длинной палкой в руках. Впереди главный кавандо.

Вдруг зверь сделал петлю, неожиданный бросок, вскочил в речку. Секундная остановка. Первый и второй расходятся и, пригнувшись, обшаривают все вокруг: кромку каменистой осыпи, берега. Третий ждет, замерев там, где был виден последний отпечаток копыт. «Есть!» — кричит один из ведущих, и погоня продолжается. В это время они не боятся кричать.

Но когда идут, чтобы добыть летом панты, когда надо незаметно подойти к хитрому чуткому пантачу, тогда переговоры только шепотом, а больше на языке зверьков и птиц. Потерял след — пи-ик! — писк бурундука; нашел — тук-тук-тук палочкой, дятлом: «пошли дальше». А заметив осторожного старого самца на недосягаемом для выстрела расстоянии, раздеваются догола. Кожа человека — идеальный материал, не издающий никаких звуков при соприкосновении с травой и кустарником. Босая подошва чувствует могущие треснуть веточки, позволяя вовремя обойти их, и все это на ощупь, ибо глаза заняты, они смотрят только вперед. Голое тело натерто полынью или другими душистыми травами, отбивающими «дух» человека, который зверь чует издалека... Вот до каких высот доведено искусство этих легендарных следопытов, со школой которых нашей семье посчастливилось близко познакомиться.

Однако встречи с прославленными кавандо произошли много позже. В этот вечер мы слушали неторопливый рассказ Чхун Бона, стараясь не пропустить ни слова.

Дверь на крылечко раскрыта настежь, в проем глядела звездная ночь. Со двора тянуло осенней свежестью, подсыхающими кунжутом, тыквой, кукурузой, красным перцем, развешанными на плетне и соломенной крыше фанзы. Чхун Бон снова набил трубку, выпустил струю едкого самосада.

— Мне жаль оленей, их мало осталось в наших горах, и пойманых не сумеем правильно содержать, это непросто. У меня в загородке тесно, будут болеть без движения. Да и кормить зимой сложно, нужно еще знать чем. Вы знаете это дело и будете их разводить как положено, это хорошо. Я уступлю всех, буду приезжать в гости, смотреть...

На двухколесных арбах, запряженных неторопливыми волами, перевезли оленей на наш хутор Новина, построили капитальный оленник. Крытые каменные помещения — от зимней стужи и летних дождей — были обнесены высокой оградой из толстых лиственничных досок. Доски расположены горизонтально, с промежутками в несколько сантиметров. Это позволяет людям постоянно наблюдать животных и дает возможность оленям видеть людей, привыкать к ним. По верху ограды — кронштейны, увитые колючей проволокой, страховка от визитов нередких в этих краях барсов.

Через год поймали еще пару самок, потом еще. Олени быстро прижились, начали размножаться. Вскоре ограду пришлось расширить, загон поделить на большие и малые дворы: в одном — мамы с малышами, в другом молодежь; поодиночке содержались драчливые рогачи. Их не убивали, спиливали вовремя молодые рога. Желающие приобрести панты записывались на очередь с ранней весны.

Станок, в котором зажимают тело оленя, теперь широко известен на Дальнем Востоке. И все-таки сильного зверя должны держать за голову и круп четыре-пять крепких мужчин, пока один из них быстро спиливает маленькой ножковкой полумягкие, полные крови панты. Наконец операция заканчивается. На голову оленя выливают ведро студеной воды, станок открывается, и, уже комолый, бык, как отпущенная пружина, дугообразным прыжком вылетает во двор. Поступающая некоторое время кровь прекрасно дезинфицирует открытый срез без каких-либо лекарств.

Но все хорошо, когда олень нормально вошел в станок. Войти туда его заставляют из маленького соседнего отделения, в которое загоняют или заманивают заблаговременно. Из этого отделения в станок ведет постепенно сужающийся коридор. Как только пантач попал в устье коридора, его подгоняют криком и подкалыванием шестом через щель. Он не может повернуться в узком коридорчике и как ужаленный вскакивает в станок.

Однако, как и все смертные, животные имеют различный характер. Даже среди доморошенных самцов попадались смиренные и ласковые, злые и непокорные. А что говорить о тех, которые родились, выросли на воле и попали в клетку совсем дикими? И все же старый бык, пойманный в зрелом возрасте, довольно скоро привык и вел себя удовлетворительно. Но тот, что был пойман двухлетком-саендышем,

совершенно не терпел насилия. Еще у Чхун Бона безрассудно кидался на изгородь и рассек нижнюю губу так, что она не срослась. Когда сердился, задирал голову и шипел, грозно приближаясь к забору, сквозь щели которого на него глядели люди. При этом шрам расходился шире, обнажая десну, оттуда фонтанчиком летела слюна... Кто-то окрестил его Заячьей Губой.

В первые годы жизни в неволе он наделал немало хлопот. Не шел в станок ни под каким видом, как тигр бросался на корейца Тимофея Магая, когда тот пытался его загнать, несмотря на то, что именно Тимофей кормил его каждый день. Когда наступала очередь «пилить» Заячью Губу, все заранее бывали встревожены. И было почему: после очередных безуспешных попыток загнать оленя в станок приходилось вступать с ним в открытое единоборство.

Протекало это так. Его выпускали в маленький узкий дворик, самые отчаянные взбирались на стенки, а Губа, зная, к чему это ведет, начинал метаться. Кружка вдоль ограды, шипя и брызгая слюной, он становился на задние ноги, пытаясь достать копытами каждого, кто осмеливался спуститься. Проходило пять, десять, пятнадцать минут. Он продолжал кружить, постепенно утихая, но злобно высматривая и кидаясь на того, кто опускал ногу: опасная игра на притупление бдительности. Весь фокус заключался в том, чтобы, улучив подходящий момент, неожиданно прыгнуть и мгновенно схватить мертвый хваткой за шею.

Нужно прицепиться, повиснуть на нем, не дать себя сбросить и не попасть под его стальные копыта. Конечно, такое единоборство могло длиться несколько мгновений, весь расчет строился на безусловном доверии к товарищам. И действительно, не было случая — надежно или ненадежно зацепился первый рискнувший, — чтобы все, как горох, не сыпались с забора и не цеплялись за спину, круп, шею зверя, стараясь повалить его на пол двора. Сильное, горячее, издающее специфический запах скользкое тело вывертывается из рук, вырвавшаяся нога, как молния, со свистом чертит воздух, некоторое время вся группа — хрипящий катящийся клубок.

— Держи! Жми! Дави! Вали! Ноги — смотри, задние ноги!..

— Осторожно, панты!..

Нужно повалить и сейчас же садиться на ноги, держать их изо всех сил. Ибо самое опасное у оленя — ноги: когда стоит — передние, когда лежит — задние.

В конце операции, когда панты кем-либо уже переданы в щель за пределы двора, старший подавал команду: «Пускай!» Все разом, как кошки, кидались на стенки, где доски с интервалами позволяли мгновенно вскарабкаться подальше от страшных копыт. Губа вскакивал, описывал огромными прыжками несколько кругов и с маху вылетал через открытую с противоположной стороны дверь.

Нервно смеясь, люди начинали приходить в себя и выбираться за пределы оленника, где их приветствовали возбужденные зрители, с волнением наблюдавшие за этой своеобразной корридой. Правда, в определенном возрасте такие приключения приятно щекочут нервы. Особенно когда на «героев» в широкую щель глядят несколько пар испуганных и восхищенных девичьих глаз... И все же каждый раз, готовясь к схватке, все сильно волновались. Поэтому, даже зная, что едва ли получится, пытались загнать дикаря в станок.

И вот однажды, чудесным июльским утром, мы снова готовились к жестокой схватке. Защищали чем можно колени и локти, заняли свои места у станка и попросили Тимофея сделать традиционную попытку. Смолкли и притихли, разглядывая нашего мучителя в полутьме коридора. Тимофей замешкался, создалась пауза, еще больше взвинтившая нервы.

Затаив дыхание, все наблюдали за сумасшедшим быком. И удивились: сегодня он не метался. Напротив, долго, как изваяние, стоял в полумраке, широко расставив передние ноги и как бы в

задумчивости низко опустив бунтарскую голову. Поведение было совершенно необычным. Мы безмолвно переглядывались, пожимая плечами в ожидании окрика Тимофея. Как вдруг — никто не поверил своим глазам — страшилище, приносившее столько хлопот и страданий в течение многих лет, спокойно, без принуждения, гордо подняв увенчанную прекрасными пантами голову, вошло в станок и остановилось.

Все были так поражены, что в первый момент забыли потянуть рукоятку зажима и нажать педаль, освобождающую пол. А он стоял и ждал. И когда, опомнившись, сдавили ему бока, опустили пол, взяли за спину и даже за уши — не шелохнулся.

Отдав панты, дал окатить голову холодной водой, раскрыть защитные устройства и не прыжком, а спокойно и невозмутимо вышел размеренным шагом...

С того дня в течение всей жизни, не колеблясь, входил в подготовленный станок, подавая отличный пример молодым пантачам.

Чем объяснить такой поворот в поведении животного? Очевидно, логичным выводом, что повинование неизбежно, что раз в год он должен отдавать людям свою драгоценную корону. А раз так, легче делать это без жестокой борьбы и бессмысленного сопротивления. Понял и покорился раз и навсегда.

Олени часто пищат, стонут во время прикосновения к нежным рогам безжалостной холодной пилы. Заячья Губа при этой болезненной операции никогда не издавал ни звука. Кажется, это животное имело свой, ярко выраженный характер и, похоже, ум.

Когда олени начали нормально размножаться в домашних условиях, отпала, естественно, необходимость прибегать к услугам легендарных кавандо. Да и диких пятнистых оленей к тому времени в горах почти не осталось.

Аха-Чирон

За снежным гребнем мелькнула радужная тень; показалось — освещенная солнцем пушистая голова зверя. Но в следующий миг стало ясно: меховая шапка, а там и розовое от мороза лицо брата Юрия. Мы столкнулись нос к носу совсем неожиданно, ибо утром вышли в совершенно разных направлениях. Так случается, вероятно, только на охоте, где поведение зверя диктует свои неисповедимые пути. То уводят в непредвиденную сторону следы, то вдруг выдаст лесную тайну полевой бинокль: «высветит» на далеком косогоре рыжее, серое или черное живое пятнышко. И зверобой спешит и крадется в негаданном направлении. Так случилось и в это яркое февральское утро.

— Ого, какие панты! Если б не зима, можно было бы подумать, что настоящие!

Юрий довольно улыбался. Сквозь ячейки сетчатого рюкзака за плечами проглядывала крупная голова козла с покрытыми серым пушком весенними рогами. Косульи, конечно, во сто крат дешевле оленевых, но все же представляли известную ценность у корейских аптекарей.

Настроение у обоих было приподнятое. Еще бы: небо бездонно-голубое, солнце яркое, влажный южный ветер насыщен терпким запахом не замерзающего у берегов Кореи моря. Мы закончили сезон большой охоты в суровой маньчжурской тайге, и эта февральская вылазка на коз казалась прогулкой. Покрытые сосной и корявым монгольским дубом хребты сбегают здесь до самого берега моря, неподалеку автомобильное шоссе, часты крестьянские фанзы с теплыми канами и приветливыми хозяевами, — это не затерянная в таежных дебрях бязевая палатка с жестяной печуркой, хотя температура часто минус 20–30 с ветром...

Мы решили, что пора поворачивать к дому — к фанзе старого знакомого, Кима, по кличке Аха-Чирон. Ходить вдвоем у нас было не принято — лишний шум. Я взял левее, он параллельно, справа, ниже. Расстояние между нами постепенно увеличивалось, как вдруг впереди, совершенно неожиданно, с лежки, как встрепанный, вскочил небольшой кабан. Рюхнул, метнулся вперед и скрылся в глубоком овраге. Мы опрометью бросились вдогонку, рассчитывая увидеть зверя, когда он станет взбираться на противоположный склон. Мчались, прыгая через валежины и камни, взрывая снег. Краем глаза я видел

мелькавшую шагах в пятидесяти мохнатую шапку брата, как вдруг заметил, что он запнувшись за что-то, ласточкой летит в воздухе! Сразу потерял его из виду, но расслышал совершенно спокойное:

— Когда отстреляешь, вернись, я, кажется, руку сломал...

В тот момент я как-то не уловил смысла этих слов, вернее, истолковал слово «сломал» как ушиб, поэтому, мол, задерживаюсь. Но по мере того, как приближался к кромке оврага, стал доходить смысл фразы: «Сломал, сломал...» Почему не бежит следом?

Черно-бурый кабанишка появился не близко и мелькал между деревьями резво, но в другое время вряд ли ушел бы. Однако сейчас я сделал четыре торопливых выстрела и сразу кинулся обратно. Подбежал, едва переводя дыхание, и остановился в растерянности. Очень бледный, брат сидел в снегу, положив руку на невысокий пенек. Шапка и рукавицы неизвестно где, длинный дедовский винчестер со взведенным курком торчал из снега прикладом вверх. Приглядевшись, и меня замутило: рука на пеньке выглядела безжизненной плетью, она свисала под прямым углом.

— Что, что случилось??

Он ответил ровным, лишь слегка осевшим голосом:

— Понимаешь, запнулся за что-то, полетел головой вперед, подставил руку и врезался в этот дурацкий пень. Видно, и ногу вывихнул, подняться не могу. Хорошо, ты быстро вернулся, холодно. А как кабан, убил?

— Да ну его, ушел, черт с ним. Давай посмотрим, что можно сделать!

В этот день удача чередовалась с неудачей. Мы услышали свист и заметили далеко на горе третьего компаньона, Колю Гусаковского, который с утра тоже ушел совсем в другую сторону и вот неожиданно появился.

Через несколько минут невысокий, но кряжистый Николай в запотевших очках-окулярах пришагал к месту катастрофы. Посоветовались. Мы с Колей впервые выступали в роли хирургов-костоправов, однако здравый смысл подсказывал, что сломанную кость надо вправить и руку забинтовать. Но как?

Я взял брата за руку, засучил рукав. Он тихо застонал и отвернулся. Сломанная кость бугром выпирала сквозь кожу. Ясно, прежде чем бинтовать, нужно поставить ее на место. Коля придерживал Юрия за плечи, я взял за кисть и дернул. Парень охнул, но кость встала на место. Я срезал молодую липку, расколол короткий обрезок, мы осторожно наложили самодельные лубки, забинтовали чьей-то рубашкой, обвязали сверху шпагатом. Устроили перевязь через шею, всунули туда укутанную руку. Вправили ногу, вывих оказался не столь болезненным.

Помогли встать, взяли Юрия под руки, повели. Но спуск был настолько крутым, что сорвались и покатились друг через друга, и... многострадальная кость снова выскочила из гнезда. Пришлось все повторять сначала.

К счастью, когда в сумерках добрались до фанзы, на стареньком «шевроле» подкатил наш дядька Виктор, который каждые три-четыре дня привозил продукты и доставлял в город Сейсин добытых и замороженных коз. В ту же ночь брат попал к японскому хирургу, руку положили в гипс, но не совсем удачно, поправлялся он довольно долго.

Со следующей машиной Коля тоже уехал в Сейсин, я остался в фанзе Аха-Чирона один. Так почему же все-таки Аха-Чирон? Это давняя история. Мы ездили в его фанзу, приютившуюся под перевалом между двух озер, давно. Сначала, пока были целы приведенные из Приморья лошади, приезжали верхом, потом приплывали на вельботе, а позднее, когда обзавелись «фордом» и «шевроле», зачастили сюда на машинах. Весной на перелет — на гусей и уток, осенью на фазанов, на коз. Однако в один из первых

приездов состоялся разговор, послуживший появлению этого необычного прозвища. Отец убил крупного козла. Ким, присев, долго его рассматривал, щупал, потом спросил: «Ольмя?» (Сколько?)

Папа ответил: «Чирон». Правильно следовало сказать «чиль вон» — семь иен (иены служили единственной валютой в Корее тех лет). Ким понял, но был шокирован такой ценой. В самом деле, поденщик получал тогда за день работы менее одной иены, а за одну иену можно было купить пять бутылок корейской водки — сури. В общем, потрясенный этой суммой, хозяин фанзы изрек: «Аха, чиль вон!» Задумчиво качал головой и повторил себе под нос еще несколько раз. Наблюдательный и острый на язык брат Арсений сразу подхватил эту сакральную фразу, и так слово «аха-чирон» стало нарицательным на долгие годы. Позднее сам стариk посмеивался над своим прозвищем.

...Утром я поднимался гребнем горы, когда впереди мелькнула серо-рыжая косуля. Я ринулся на высотку, чтобы иметь лучший обстрел, как вдруг мне обожгло стопу, да так, что потемнело в глазах! Охнул и сел в снег. Понял: проткнул острым пеньком таволожки резиновую подошву японской походной обуви джикатаби. Острый, толщиной в карандаш, косо срезанный корейским серпом кончик, пройдя между костей, проткнул стопу насеквоздь. Нога оказалась пришпиленной к обуви: ни стянуть, ни встать. Нужно как-то извлечь занозу, но она обломилась почти вровень с подошвой, не за что ухватиться. Я сбросил рюкзак и карабин, вынул нож, вырезал в подошве углубление, врезался в занозу, подцепил и рванул! Как зуб! Окровавленная шпилька полетела в снег, я смог подняться. Вырезал палку и на одной ноге запрыгал домой.

Старый Чирон присыпал рану каким-то порошком, соорудил компресс из морской капусты, но все равно стопа опухла и болела. Я провалялся дня три, изнывая от безделья. Выручал рассказами хозяин. В то время я уже свободно понимал простую корейскую речь, а рассказывал он интересно.

— Вот вы говорите, весной здесь много гусей. Разве это много? В годы моей юности от них вокруг было черно. Как налетят, сядут на рисовые или бобовые пашни — земли не видно! Тучами! А орут — ничего кругом не слышно. Если б тогда ваши ружья! Вон, вы на лету их пом-пом — под небесами, и, смотришь, валятся, а тогда... Какие у нас ружья? Еще и пистонных-то не было: кремневые да фитильные. Порох из селитры, серы и угля сами мололи и смешивали, а дробь? Теперь она у вас ровная, гладкая, тяжелая, летит, конечно, далеко. А мы чем заряжали? Там, где котлы чугунные лют, капельки в воде осаждаются — это и дробь. Вся разной формы и веса. Забьешь в ствол такой заряд, подкрадешься с той фузией, а пока полз, порох-то с полочки и рассыпался. А то фитиль погас. А то кремень искры не высек. Но все-таки немного, но били. Я на коленки кожу нашивал, потому что все больше ползком... А тигры, барсы? Барсы-то хоть больше собак да свиней таскали, а тигры, те по ночам. Сорвет, бывало, дверь, цап спросонья хозяина или хозяйку — и в лес! Соберемся всей окружой с самопалами и пиками искать пропавших, да только одни клочки одежды и находим. Были, правда, королевские команды из числа удальцов и богатырей, уничтожали иногда хищников, но редко.

А кабаны? Заявится ночью стадо — пашне конец: что чумиза, что кукуруза, что картошка. Как отбивались? Всю ночь жгли костры, колотили в бубны, в жестяные банки. Собаки гавкают, а ночью от людей не идут...

После обеда дед начинал урок. В школах ребят учили только японскому, а Ким преподавал внуку родную письменность. Носил он старинную прическу, сплетенную из собственных волос высокую, в кулак, шишку на макушке, заткнутую длинной серебряной иглой. И конечно, национальный белый халат. Сидя на циновке, скрестив ноги, попыхивал аршинной трубкой. Рядом шмыгал носом уже стриженный под машинку внук.

Перед ними — старый, пожелтевший учебник. «Учитель» водит мундштуком сверху вниз по страницам с черными непонятными мне письменами, читает нараспев. Внук вторит: «Чогури, пад —

чогури, пад»... «Рубаха, штаны — рубаха, штаны», — как я улавливаю. Дальше — непонятное. Вдруг ученик ошибается, и дед меланхолически стукает его металлическим чубуком по стриженой голове: ошибся, повтори. Я замечаю, что у внука от частых «повторений» уже образовалась плешина. Но он не плачет, просто изредка потирает ее рукой.

На третий день старый ушел навестить соседей и явился вечером взволнованный. Снял на крылечке галоши, поставил посох, перешагнул через высокий порог, скинул домотканый халат и остался в такого же качества широких шароварах, рубахе, бархатной жилетке и белых стеганых чулках-посонах. Сел и заявил:

— На соседей кабан напал! Уже три дня разворачивает картофельную яму, сжирает по полмешка, остальную картошку давит, разбрасывает. А что открыто, за ночь замерзает. Беда! Просили, как охотник поправится, пусть приходит, помогут выследить. А я говорю: он сам не хуже вас выследит, да за последние дни все солнцепеки облезли, а земля мерзлая, следа не видно. Как нога? Пойдете? Людей ведь без еды оставит. Но секач, говорят, здоровый, надо с ним осторожнее...

Опухоль заметно спала, я и сам думал потоптаться, а тут и кабан. Но для крупного секача японский карабин показался недостаточно надежным: пуля хоть и длинная, в никелевой оболочке, но калибр всего 6,5 мм; бывало, прошьет навылет, а крови нет. И я решил взять оставленный братом дедовский винчестер калибра «30–40». Правда, патронов к нему было мало, большинство самоделки, фабричных всего несколько.

Утром Чирон проводил до соседнего хуторка из трех фанз. Его друг стариk тряс головой, цокал языком: если русский охотник не поможет — беда, этот кюсин — лесной черт — оставит семью голодной. Скулили, голосили бабы.

Все вместе дошли до разграбленной ямы. Да, кабан постарался: все разворочено, от запасов картошки — одни слезы. Вокруг на вспаханной земле четко заметны отпечатки крупных копыт, но дальше, на мерзлой почве, никаких следов. За последние дни снег на открытых местах сошел совсем, остался лишь на северных склонах. Одно было ясно — налетчик являлся и прошлой ночью.

Я отпустил корейцев по домам, призадумался. Коль скоро он посещает этот склад уже несколько ночей подряд, далеко на день уходить не должен. Но как его засечь? Нужно начать с того, что обрезать след, установить входной и выходные, а тогда искать в замкнутом круге. Сделал большую петлю, все время придерживаясь кромки невытаявшего снега. На это ушло почти полдня. Определил трехдневный входной, но выходного не обнаружил. Где же он запрятался? На ближайших сопках мелкие дубки, орешник, редкие сосны. Вроде все просматривается.

Поднялся на соседнюю с пашней высотку, вынул бинокль и начал буквально обшаривать противоположный косогор. Казалось, там негде спрятаться даже зайцу. Только почти в центре росло несколько молодых дубков, не роняющих свой желто-коричневый лист до самой весны. Но и под ними ничего. Разве что какое-то темное пятно. Прячась за кустами, долго напряженно рассматривал эту точку, перемещаясь то влево, то вправо. И вдруг, показалось, заметил какое-то движение. Он! Из опавших прошлогодних листьев секач соорудил себе лежку, где отдыхал после сытных набегов. Ну, погоди! Я отступил за гребень, обошел и выглянул почти напротив лежки. Теперь нас разделяло шагов двести, я даже определил, в какую сторону он лежит головой. Сел, поставил локти на колени, подвел мушку под предполагаемую лопатку.

Щелк! Он вскочил как ужаленный, вылетел на хребет, но тут его настигла вторая пуля, и он сел. Повертелся и затих. Показалось, готов.

Я подошел к нему очень осторожно: винчестер в руках, курок на взводе. Ближе, ближе. Не шевелится, но лежит не на боку, а похоже, сидит. И видно — дышит. Над черными губами торчат мощные желтоватые

клыки. Уже в трёх шагах заметил, что дрогнули присыпанные снегом ресницы. Добивать? Проверил магазин. В нем всего три фабричных патрона. Жаль расходовать последние — дорежу! Но бурая с сединой громада дышит, просто запрыгнуть на спину, чтобы всадить в нужное место нож, — опасно, может сбросить и запороть. Нужно сначала оглушить. Это не так сложно, следует только нанести сильный удар чем-нибудь тяжелым по переносице. Такой опыт был.

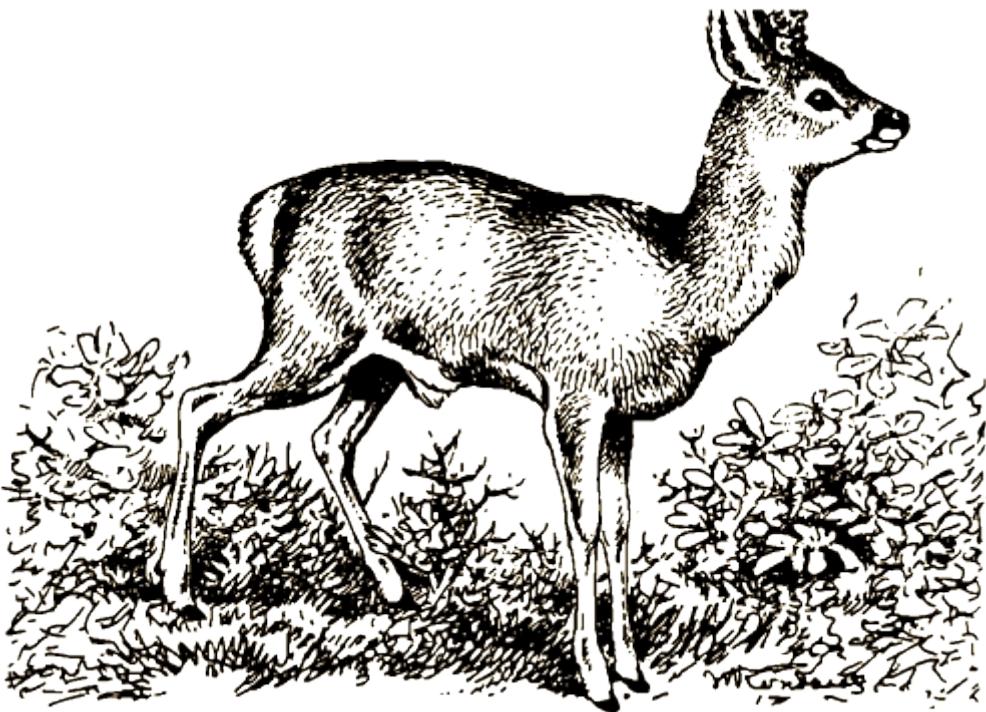
Огляделся по сторонам. Нас окружали старые кряжистые дубы, возле одного заметил оторванную бурей мощную, в руку толщиной, двухметровую ветвь. Эта подойдет. Без сучков, уже без коры, гладкая, удобная. Чтобы не мешали размахнуться, скинул рюкзак и бинокль, пристроил к ближайшему дереву винчестер. Шагнул, размахнулся и трахнул со всей силы! Но конец моей «палицы» с треском обломился. Очевидно, это ослабило удар, и даже напротив — привело в чувство и разъярило вепря. Он вскочил и бросился на меня. Я остановил его новым ударом, но окровавленный конец дубинки снова улетел в сторону. Еще и еще. С каждым ударом палка становилась короче, а кабан наседал вплотную. И главное, я с ужасом увидел, что уже отрезан от прислоненного к дереву винчестера. А секач, задерживаясь на миг при каждом ударе, пер уже напролом. «Дубовая орясина, очевидно, подгнила на земле, я этого не учел. Вот так по-дурному и погибают...», — мелькнула мысль.

Мы уже сошлись вплотную, и я в отчаянии что есть силы нанес точный удар пониже маленьких сверкающих глаз, и на этот раз уже метровый обломок выдержал, на секунду оглушил противника. В три прыжка я оказался возле своей винтовки, схватил, взвел курок и выстрелил под ухо обернувшемуся ко мне секачу. В этот момент я уже не думал об экономии патронов.

Он рухнул, как будто сраженный электрическим током.

К вечеру подморозило, но мне стало очень жарко. Я снял шапку и провел рукавом по лбу. Светлый рукав моей замшевой куртки потемнел от пота.

Хунхуз

Я с любопытством рассматривал впервые добытого горала. Коренастый, плотный козел, обитатель неприступных скал, был красив. Небольшая аккуратная голова с загнутыми назад бугристыми острыми рожками, роскошная розовато-пепельная шуба и совершенно необычный для диких копытных пухистый длинный, почти конский хвост! Погладил эластичный мех, запустил в него пальцы, но до кожи не добрался — такой плотной и мягкой оказалась подпушь. Шкура могла соперничать с волчьей. Я невольно представил знакомые бело-розовые прелестные ступни, которые будет ласкать и согревать этот роскошный ковер...

Мой спутник — пожилой, могучего телосложения потомственный корейский охотник Хан Тяджуни — заявил, что нам не следует потрошить добычу на месте, как это обычно делается со всеми копытными; мы доставим ее целиком в фанзу, где соберем драгоценную в тибетской медицине кровь. В Восточной Азии высоко ценится и сердце горала.

— Спустим его с этих скал к реке, там пообедаем и засветло будем дома...

Тяджуни скрутил трехпудовую пухистую тушу длинным сыромятным ремнем из кожи дикого козла, сделал лямки, продел в них руки и легко поднялся на ноги. Опираясь на свою неразлучную палку, проворно зашагал по головокружительно крутой каменной осыпи вниз к реке. Я был тренированным охотником, но, признаюсь, без ноши, если не считать рюкзака, винтовки и бинокля, едва поспевал за ним; хотелось поскорее покинуть угрюмые нависшие скалы и осыпи маньчжурского левобережья; мы забрались сюда на заре, по льду перемахнув реку Туманган.

Когда достигли берега замерзшей реки, было как раз обеденное время. Наломали сухого тальника, собрали плавник, разложили костер. Вскипятили из растопленного снега чай, разогрели свой незамысловатый обед. До вечера было еще далеко, до фанзы Тяджуни всего три-четыре километра, и мы не торопясь обедали у жаркого костра. Тяджуни отставил на камень кружку с горячим чаем и с восхищением разглядывал мой десятизарядный ли-энфилд.

— Здорово вы его: чер-кхакк — и закувыркался со скалы. Далеко было, я думал — не достанет. Хорошая винтовка. Английская? Да-а, а я начинал охоту с шомпольным.

— Я мальчишкой тоже начинал с шомполкой. Дробью было хорошо, а вот пулей, говорят, совсем слабо, а?

— Не говорите так. Старые ружья, конечно, заряжать было долго, и на далекое расстояние, как эти, они не доставали, но убойная сила была.

— Что? Убойная сила? Какая пробойность у свинцовой пули с дымным порохом?!

В моем тоне прозвучало пренебрежение к старому оружию, и это задело спокойного, казалось даже флегматичного, спутника. Но он не вспыхнул.

— Хя-га мансо — солнца много, — он сощурился, поглядев на небо. — Торопиться сегодня некуда. Я расскажу вам про старое ружье...

Он взял предложенную сигарету, вытащил из костра головешку, прикурил и подал мне не боящимся жара закопченными пальцами. Никакая папироса в мире не сравнится по вкусу и аромату с прикуренной от головешки прибрежного сухого тальника!

Чтобы не мешал дым костра, Тяджуни пересел на соседнюю валежину-плавник и со вкусом затянулся.

— Я начинал охоту с фитильным еще ружьем — выпрашивал у дедушки. Потом с пистонным. А когда подрос, удалось достать русскую трехлинейку. Вот была винтовка! Никогда не забуду, долго мне служила.

Как-то в начале лета приходит к нам старый охотник Пак, он еще с моим отцом охотился, пока его хунхузы не убили. И вот предлагает старик идти с ним на пантовку. Ты, говорит, молодой, винтовка у тебя хорошая, а у меня хоть и старая шомполка, но я места знаю и опыт есть. Сколько мы с твоим отцом исходили!

Я, конечно, согласился, и вскоре мы выступили. Зашли далеко на маньчжурсскую сторону. Два дня шли едва заметной тропой, а на третий дед свернул целиной и вел по своим заметкам. Объяснил, что к избушке, которую он построил много лет назад, ни одной тропинки набивать нельзя. Подходить следует осторожно, по камням и валежинам, не оставляя следа. Иначе, мол, по заметной тропинке нас всегда могут выследить «темные люди». Это тебе не Корея, где можно спать под любым кустом.

Ладно. Протопили избушку, отдохнули. Начали охоту. Но уж когда не везет, то не везет, сами знаете. И солонцы неподалеку хорошие, и поляны в тайге с сочной травой, и следа много, а убить ничего не можем — как заколдованные! То веткой не вовремя хрустнешь, то ветерком твой запах нанесет — уходит зверь, как смеется над нами!

Лето есть лето: кругом чаща непролазная, колодник, лианы, все распустилось, местами в трех шагах ничего не видно. Зимой давно добыли б что-нибудь на мясо, а тут — ничего! Принесенные продукты к концу подошли: сколько на себе без лошади в такую даль притащить можно? Думали-то, мясо девять будет некуда, коптить, мол, будем, насыщим про запас, ан нет.

Черемша — дикий чеснок — переросла, молодые побеги аралии — чертова дерева — тоже, а грибов и ягод еще нет. Несколько дней на рыбе прожили, ленок и форель хорошо брали, а тут дожди пошли, вода в речке поднялась, пожелтела, какая может быть рыбалка? Наводнение!

В такую большую воду и домой вернуться нельзя: по дороге броды, которые сейчас не перейдешь, а плавать мой дед и вовсе не умел. Одним словом, отощали мы скоро совсем.

Однако на третий день наводнения убил я козла, но на другом берегу нашей речки. Видно его, лежит рыжий на зеленой траве, а взять не можем. Раньше туда перейти по колено, а сейчас и плыть страшно,

закрутит. Был у нас маленький топорик — летом большого не нужно, — так мы им по очереди с утра до обеда без передышки огромный кедр на своем берегу рубили, руки до кровавых мозолей набили. Думали: упадет — достанет вершиной противоположный берег, перейдем как по мосту за мясом. Заскрипел наконец кедр, рухнул в воду и... поплыл — на пол-аршина до того берега не достал!

Дотащились до зимовья без сил, совсем голодные и свалились на нары как подкошенные. Дело совсем плохо.

Но я молодой, к утру отлежался. На заре попил воды и пошел к ближайшему солонцу. Еле ноги тащу. Но только вышел на кромку поляны, а он тут как тут! Козел, рыжий, здоровенный, солонец лижет и головы не поднимает. Совсем близко, а у меня руки трясутся, боюсь промазать. Хорошо пенек рядом. Приложился с него, перевел дух — чель-кхакк!.. Козел брык вверх ногами и готов!

Ну, тут откуда и силы взялись! Ухватил за рога, тащу, где волоком, где как. Все предупреждения забыл, пру напрямую, мну траву, одним словом, целую дорогу за собой к нашему зимовью оставляю.

Старый на улице костер разводил, собирался воду вскипятить с какой-то травой съедобной. Как увидел меня с добычей, упал на колени, до земли поклонился. Не мне это, конечно, а Горному Духу. Перед этим все ему молился возле дуплистого дерева, просил выручить из беды. Кормить Духа уже нечем было, так он от одежды лоскутки отрывал и ему на дерево вешал. Хотел задобрить Сан-Сина.

— Вот видишь, — говорит, — он меня и услышал! Теперь — живем. Мясо закоптим, дождемся спада воды, смотришь, еще и панты добудем. И Сан-Сина теперь сможем угостить как полагается...

Дедово ружье у стенки зимовья возле двери стояло, свою винтовку я там же поставил. Ручеек, где мы воду брали, под бугорком, шагах в пятнадцати от избушки, протекал. Потащили туда козла, ножи, посуду, чтобы потрошить у воды: кровь собрать, потроха прополоскать, а после и умыться.

Начали потрошить — руки не слушаются. Выпили по кружке теплой крови, выдрали парную печень, режем на кусочки и глотаем... Дед говорит: нельзя сразу с голодухи много есть, заболеем. Вот сейчас обдерем, сварим...

И вдруг — нас как к земле чем пришибло, сзади от зимовья голос: «А ну бросай ножи! Давай ко мне по одному! Эй ты, молодой, подходи первым!..»

Мы оба по-китайски хорошо объяснялись, все понятно до единого слова. Встал я, обернулся. А тот стоит около дверей нашей избушки, одет в синюю дабу — хлопчатобумажная ткань такая. Не старый. Усики черные книзу опущены, улыбается криво, золотой зуб поблескивает. Посмеивается, а держит нас на мушке: мукденский маузер с толстым двойным стволом прямо мне в лоб смотрит.

Все у меня оборвалось внутри. Ну, думаю, конец. Как он подкрался, словно кошка? И вдруг осенило: это же по тропе, что я за собою оставил: моя волокуша его и привела. Прав был дед, предостерегал не оставлять следов! Да что уж теперь...

Так увлеклись своей добычей, что всю осторожность от голода забыли и слышать ничего не слышали. Положим, и шум ручья мешал, конечно. Но ружья-то, ружья в глухой тайге где оставили? Вот теперь и крышка...

Подхожу к нему, а он кричит: «Стой! Снимай патронташ, бросай сюда, сам ни с места! Шаг сделаешь — застрелю! Выворачивай карманы. Так. Снимай шапку, кидай сюда!» Это, может, у меня в шапке запасные патроны спрятаны.

Поставил меня в сторону, потом деда обыскал. Отобрал у него пороховницу, мешочек с пульями, коробочку с капсюлями. Осмотрел ружье, снял с рожка капсюль и швырнул в ручей. А ружье бросил на землю. «Вот так, — говорит, — теперь оно больше стрелять не будет...» Так оно и есть: хоть и заряд, и пуля

в нем забита, а без капсюля теперь что оно? Палка палкой!

Засмеялся хунхуз своей находчивости. «Зачем, — говорит, — мне лишний груз тащить — старое барахло». И ногой отшвырнул его в сторону. А мою винтовку погладил: «пудали» — ничего, мол, хорошая. Пригодится.

А у меня как туман перед глазами...

Все, что только мало-мальски годно в таежном хозяйстве, он у нас забрал — топорик, ножи, посуду. И козла целиком забрал, приторочил за плечи поверх своей сумки. Мою винтовку на плечо повесил, а своя в руках, наготове, с нас своих змеиных глаз не спускает.

Тут старый стал просить. Оставь, мол, кусочек мяса. Мы уже столько дней голодали, до дому не дотянем, погибнем. Хоть голову нам оставь.

Даже руки ладонями вместе сложил, как на молитве. Но напрасно унижался: разве у хунхуза сердце есть? Только рассмеялся ехидно.

— Поскорее побежите, не подохнете. Да много вас тут, собак, бегает, еще останется!

Харкнул, плюнул в нашу сторону, взвалил козла со всеми пожитками на спину и пошел. Оглянулся. «Стойте, — говорит, — смирно, пока не уйду совсем. Увижу, что шевелитесь, перестреляю как зайцев!» И пробурчал еще: «Патронов на вас жаль, да и шуметь неохота, сами подохнете...»

Отошел шагов десять, оглянулся, потом еще раз. Мы стоим. А ему неловко вертеться с таким грузом, он и пошел дальше не оборачиваясь. Я стою смотрю вслед, и такая слабость на меня нашла: вот, думаю, теперь уже гибель, ни ноги ни руки не шевелятся...

Гляжу одним глазом на деда, а он как-то по-другому, напряженно наблюдает за бандитом. Потом, смотрю, потянулся и поднял с земли свою шомполку, значит, которую маньчжур выбросил. Поднял, поставил вдоль тела, как спрятал за себя. Смо-отрит, не моргая, на удаляющуюся фигуру, а сам шарит двумя пальцами у себя под мышкой. Ну, думаю, тронулся мой дед умом совсем, что это за игра?

А он усмехнулся этак странно, и глядь я — у него между пальцами капсюль! Потайной карманчик, оказалось, под мышкой был. Собственно говоря, и не потайной, а просто в таком месте любой дождь не промочит.

Старик вдруг перехватил ружье, взвел курок, надел капсюль на место и — навел в удаляющуюся среди зелени темную спину...

Что я пережил в эти мгновения — передать не могу. Помню, казалось, бесконечно долго целится мой дед, а выстрела все нет и нет! Сейчас бандит обернется, и нам конец...

И тут — ка-ак ахнет! Все дымом заволокло, а мы стоим, в землю вросли.

Сыроватое было утро, дым тихо поднимался, постепенно. Слаб я был, хотел бежать, а ноги не слушаются. Зажмурился и жду: сейчас получу пулю в лоб.

Вдруг чувствую, старик локтем меня толкает. Открыл глаза. Времени-то совсем мало прошло — это мне показалось, что долго; дед тычет ружьем вперед — ствол еще дымится; глянул, а хунхуз лежит в траве и даже не дрыгается!

Тяджуни помолчал, пыхнул сигаретой:

— Плохая, говорите, пробойная сила у старых ружей? Не-ет. И козла за спиной, и самого бандита та пуля насквозь прошила! — Он улыбнулся своим воспоминаниям, показав крупные желтые зубы, и начал ворошить костер.

— Ну а дальше что? Как вы с ним? А ружья?

— Как? Забрал дед на память трофейный маузер. Я, конечно, свою трехлинейку схватил, не помню себя от радости! Потом обыскал его, опий нашли: видно, он макосеев или контрабандистов ограбил. Вот и все.

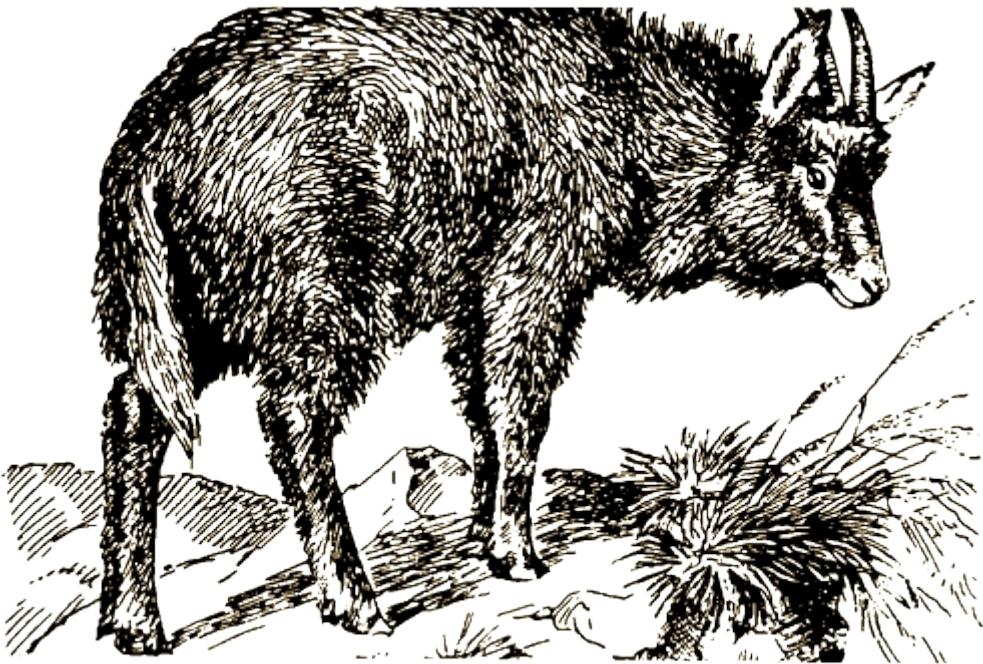
Да, взял старик пятизарядный маузер, но только до смерти больше свое старое ружье любил; привык к нему с малолетства, да и от гибели выручило.

Тяджуни опять сощурился на запад.

— Ого, солнца совсем мало осталось, заболтался я, а к вечеру приморозит. Есть, Валери-сан, еще сигарета?

Богатырь прикурил от угасающего костра, взвалил на широкие плечи горала, и мы зашагали по льду на свой безопасный корейский берег, где действительно «можно спокойно спать под любым кустом».

В долине Тумангана

— Здравствуйте, моя фамилия Ким. К вам большая просьба: возьмите меня в лес на охоту...

В нашей полуфанзе-полудоме, прилепившейся на горе над Сейсинской бухтой, стоял незнакомый щуплый человечек с нездоровым цветом лица, сильно побитого оспой. Он застенчиво потирал руки, переминаясь с ноги на ногу, глядел просительно.

— Вы охотник?

Он ответил, очевидно, заранее подготовленной пространной тирадой. Нет, он мелкий лавочник. Ружья у него нет и стрелять не умеет. В лесу не бывал и боится зверей, но слышал, что потомки Нэнуну бьют хищников и прочих зверей, поэтому просит взять его с собой, чтобы... попить крови! Он возьмет на себя часть расходов, будет помогать на таборе, вытаскивать из леса добытого зверя, но, может быть, ему удастся поесть парной печени. Врач сказал, что лучшее средство поправить здоровье — ходьба по лесу, свежий воздух, простая здоровая пища, крепкий сон и всяческое воздержание... Но главное — если посчастливится — напиться крови только что убитого оленя, кабана, косули. Всем, конечно, известно, что самая целебная кровь у горала, но такое счастье вряд ли доступно, об этом он не смеет мечтать!

Мы переглянулись. Возьмем чудака, что от этого потеряем? В тихие дни будет сидеть в фанзе, а в ветреные пусть бродит позади на почтительном расстоянии. Сильно не помешает, а, может, чем-то поможет. И назначили день выезда.

До вершины долины Унгидон неблизко. Три-четыре часа поездом, потом целый день пешком, часто непроторенными тропами. На полпути — высокий крутой перевал. Уже на половине подъема мы пожалели, что согласились взять лавочника с собой. Взмокший, несмотря на мороз, в долгополом пальто, с шарфом на шее, бархатным наносником на носу и «баранками» из меха кролика на ушах, он едва держался на ногах, часто падал в снег. В конце концов пришлось усадить его на сани поверх поклажи.

В одинокую фанзу хромого Ю Мины компания добралась ночью. Перешагнув порог, Ким скинул

пальто и повалился на теплую циновку, не в силах даже представиться хозяину, что является грубейшим нарушением этикета. Он пробормотал: «Нянсу...» (Воды...)

Живой, всегда искрящийся весельем Мина поднес ему бронзовую, пропахшую квашеной редькой чашку с водой, принял назад пустую и, сверкнув из-под разбойничих усов золотой коронкой, подмигнул:

— Откуда такое чучело?

Мы бывали здесь каждую зиму много лет подряд, но такого странного спутника он видел среди нас впервые.

— Кровь пить приехал? Да он и на сопку не поднимется! Или надеется, что кабан сам приходит к Ю Мине во двор? Ну, ладно, пусть отдыхает, лишь бы не помер.

А Ким, сунув под ухо отполированный головами деревянный кубик, служивший деревенским корейцам подушкой, уже сопел носом, что-то бормоча. Утром он чувствовал себя настолько разбитым, что ни о какой охоте не могло быть и речи. Он едва передвигал ноги, но честно пытался помогать по хозяйству.

Шли первые, уже морозные дни декабря, лежал хороший снег, наступал самый разгар кабаньего гона. Настроение у охотников было приподнятое. С утра, как обычно, тянули жребий — кому куда идти, и вышли каждый по выпавшему направлению.

Хребет, по которому направил меня жребий, ломаной линией поднимался все выше на север, к становищу, с которого, я знал, откроется великолепный вид: долина среднего течения Туманганы, а за ним — тогда еще недоступный и поэтому особенно интригующий далекий маньчжурский берег — высокое плато, поднимающееся сразу за рекой.

Я шел бесшумно, против ветра. До вершины оставалось совсем немного, когда донесся визг поросенка. Осторожно миновал кусты и на противоположном склоне заметил табун кабанов. Они дружно отрывали из-под снега желуди в старом дубняке. Но сразу бросилось в глаза, что пасутся звери как-то беспокойно, часто перебегая с места на место. До них было метров триста, но, когда я сел на упавшее дерево и навел бинокль, стадо голов вдвадцать оказалось как на ладони.

Тут были три-четыре издали совсем черные старые чушки, несколько буроватых двухлеток и десяток сереньких и рыжеватых годовичков. Причиной же общего беспокойства оказались два матерых секача. Каждый из них пытался захватить власть над этим «гаремом», но, злясь на присутствие соперника, вымешивал настроение на малышах, не давая им покоя. Как только кто-либо находил кучку желудей, разъяренный вепрь поддавал его носом так, что тот кувырком с визгом отлетал в сторону и пускался наутек. И тут же жертвой возбужденного кавалера становился другой.

Впервые за всю богатую практику довелось наблюдать интимную жизнь стада, не боясь быть замеченным или учゅянным. Я так увлекся, что на несколько минут забыл об охоте; поняв, что претендентов на роль султана всего двое и они вот-вот должны столкнуться, терпеливо ждал. Это редкий случай: мало кому доводилось наблюдать с восьмикратным цейсом в руках на фоне яркого белого снега бой секачей.

Удивляло поведение взрослых чушек. Не обращая внимания на кабанов и визг поросят, мамаши меланхолично, деловито разгребали носами снег вперемешку с дубовым листом, покручивали хвостиками и, казалось, ухом не вели.

А кабаны издали присматривались друг к другу и маневрировали, стараясь занять наиболее выгодную позицию для нападения. Однако времени прошло достаточно, топтанье и выглядывание из-за кустов пора было кончать. Кабаны остановились шагах в тридцати друг от друга и, низко опустив головы, застыли. Потом вдруг издали совершенно необычный, какой-то трубный «рюх» и двинулись друг на друга. Сначала шагом, потом рысью и наконец во весь мах!

Они сшиблись так сильно, что, имея примерно одинаковый вес, не, смяли один другого, но поднялись на дыбы и переплелись передними ногами, как два борца. Топчась на месте, не прерывая жуткий вой, оба пытались нанести удар клыками, странно выгибая шеи.

Это было захватывающее зрелище! О таком не доводилось слышать даже от старииков. Счастливое стеченье обстоятельств: мне ничего не мешало, а события разворачивались как на экране.

Стоя, секачи топтались с полминуты. Но вдруг один отступил и упал. Второй мгновенно поддел его в незащищенный бок: раз, два, три... Я думал, тому конец, но поверженный вывернулся, вскочил и бросился наутек. Он летел вниз под уклон, а победитель преследовал его для пущего эффекта сотню шагов, потом остановился, постоял и гордо отправился к чушкам. Побежденный, убежав подальше, сделал петлю, забрался выше на гору, встал за желтым молодым дубком и долго осторожно выглядывал оттуда, но на повторный бой не решился.

Прячась, я быстро обошел вершину распадка и начал подбираться к стаду, как вдруг в соседнем овраге раздалось несколько выстрелов. Разумеется, выслеживаемое мною стадо мгновенно скрылось.

Разочарованный, я поднялся на пик, под которым шел бой, как вдруг услышал треск кустов, и на небольшой прогалине появились два секача: казалось, снова один преследовал другого. Они вынырнули из чащи на несколько секунд, но мне удалось свалить заднего. Когда подошел вплотную, обнаружил на его крутых боках глубокие, похожие на ножевые раны.

Вечером, узнав, что я добыл секача, а отец с Арсением — чушку, Ким ужасно расстроился. Какой шанс он упустил! И начал проситься завтра идти со мной. Пришлось согласиться.

Утром он выглядел презабавно: маленький, в коричневом вельветовом костюмчике, большой черной плюшевой шапке, в заячьих наушниках и кашне. Он расстался только с бархатным наносником. В руках держал палку, за плечи закинул рюкзак с флягой и завтраком.

Позади фанзы Макара высится крутая Рысья сопка. Когда мы одолели половину подъема, от Кима валил пар. Он пыхтел и вытирая лоб, хотя меховые бублики-наушники висели уже на руке, а шарф торчал из кармана. Просил подождать, пока скинет меховую жилетку.

Наконец перевалили через вершину Рысьей и начали спускаться в долину Туманганы. Бесшумно бредя по мягкому снегу, я часто осматривал в бинокль открывавшиеся склоны хребтов и у северного подножия горы заметил почти за километр лежащего в снегу козла. Невооруженным глазом увидеть было невозможно, заметна была лишь желто-серая полоска спины и голова. Я объяснил, как смотреть, навел бинокль, и Ким его разглядел. Он пришел в неописуемый восторг и вдруг заметался. Бежал то в одну сторону, то в другую, нагибался, что-то рассматривал, внезапно вытащил из кармана складной нож и устремился к нескольким пожелтевшим стеблям лопухов, торчащим из снега. Срезал одну трубочку, заглянул внутрь, продул...

Я недоумевал. Подошел и спросил вполголоса:

— Ким-собан (господин), ты что делаешь?

— Как что? Готовлю трубочку, через нее удобнее пить!

— Так козел еще за версту, может, вообще убежит...

— Что? Не-ет... Я видел сон: сегодня напьюсь крови косули; только пока ничего не говорил. Никуда она не уйдет! Где мне лучше ожидать?

— Стой здесь, до выстрела не вертись и не выглядывай. Я зайду во-он на тот пик и с него, если не убежит, буду стрелять. Когда дам два коротких свистка, беги.

Сон оказался в руку. Эта лежка для козла стала последней. На мой свисток Ким примчался как вихрь. Я перевернул тушу на спину, прорезал грудо-брюшную преграду. Открылось дымящееся на морозе бордовое озерко.

— Пей, Ким-собан, пока горячая, сколько душе угодно.

Он дрожал как в лихорадке. Руки так тряслись, что конец трубочки некоторое время не мог попасть в широкий прорез. Но вот он погрузил один кончик полого стебля, взял второй в рот и потянул. Лицо покраснело, дрожь-стала стихать. Сосал самозабвенно, с закрытыми глазами, так долго, что я испугался: не обопьется, не лопнет ли? Пытался урезонить, но он меня не слышал. Пришлось взять за плечи, оторвать силой, лишь тогда Ким начал приходить в себя. Вытер рот и постучал по животу:

— Вот это напился! Спасибо! Не меньше двух пивных бутылок. Да, на первый раз хватит, врач говорил, сразу больше нельзя. Теперь попейте вы, учитель. А потом поедим печенку!

Я уже пробовал. Когда привыкнешь, ни кровь, ни сырая печенка вовсе не противны. Кровь на вкус напоминает бульон, печень похрустывает на зубах как сырая устрица. Только потом лучше пожевать снег и обтереть губы. Я ел и пил не как лекарство — лечиться мне было не от чего, но утверждаю: после такого завтрака не знаешь усталости, не страшны ни крутие горы, ни глубокий снег; порою приходилось часами шагать по лесу после заката солнца, а усталости как не бывало...

Ниже по ключу заметили дымок. Проволочив с версту легко скользящего по снегу козла, оказались около спрятавшейся в лесу малюсенькой фанзочки. Единственный ее обитатель, сухонький седой старичок, радушно пригласил переночевать под его крышей. Декабрьский день короток; чтобы не продираться в темноте лесом, мы с благодарностью приняли приглашение.

Расположились очень уютно. Старичок угостил огромной — в два кулака — рассыпчатой картошкой и с удовольствием разделил с нами ужин, который Ким варил из осердия добытой косули. Хозяин рассказал, что охраняет от кабанов семейный урожай картофеля, спрятанный на пашне в нескольких утепленных ямах, но жаловался, что кабаны уже несколько раз сильно его ограбили.

— Чушки с поросятами еще туда-сюда. Как закричу на них, начну колотить в пустую банку или таз, они убегают. А вот секач...

На него он негодовал больше всех. Тот приходил нагло, средь бела дня и не думал убегать. Его не пугали ни банки, ни таз, ни надтреснутый голос, ни палка в руках деда. Секач поворачивался и шел к нему навстречу, страшно стуча клыками.

— Негодяй! Запорет, и никто не увидит. Пришлось мне убегать... Иронге! (Вот какой!) — старишка вытягивал руку на уровне своего плеча. — Как двухгодовалый бык. Эх, если бы он пришел сегодня.

А Кима уже захлестнуло:

— Да мы его завтра...

Но я глянул, и он стих.

Переночевали без одеял и матрасов, но в тепле. Утром, оставив козла в дедовском сарайчике, вышли в обратном направлении, начав подъем на ту же Рысью сопку с севера.

Шел самый разгар кабаньего гона. К этому времени зрелые самцы стараются создать на боках мощный панцирь. Срезав на высоте своего роста кору сосны, ели или лиственницы, они натирают наиболее уязвимые для клыков соперника бока. Потом валяются в земле и снова накладывают слой смолы. Потом еще и еще. Так создается броня, способная уберечь даже от мелкой свинцовой пули или картечи.

В этот период вепрь зол как черт. Увлеченный поисками свободного стада, он заметно теряет бдительность.

Мы, не торопясь, след в след, поднимались на сопку, когда метрах в трехстах впереди я заметил бегущего наперевес здоровенного черного кабана. Он мелькал среди леса и вскоре скрылся в разделяющем нас овражке. Я обернулся к Киму, бредущему позади с опущенной головой.

— Кабан! Бежим вперед, можем встретиться...

Но не успели сделать и двух десятков шагов, как тот появился. Теперь он был всего метрах в ста. Заметил ли нашу группу, не знаю, но после первого выстрела ринулся прямо на нас. Раздумывать было некогда. Я пустил вторую пулю, но это как будто придало ему сил! Он перешел на полный мах, расстояние между нами стремительно сокращалось.

«Должен же я попадать, почему не берет?» — невольно мелькнула тревожная мысль. Третья пуля поразила кабана, когда он был шагах в десяти. Секач с прыжка встал на голову и, перекувырнувшись, растянулся на снегу во весь богатырский рост в трех шагах от меня.

Шум стрельбы и прыжков оборвался сразу, и в наступившей тишине я вдруг услышал позади над головой треск обдираемой древесной коры.

«Что еще там? Уж не медведь ли, проснувшись от пальбы, вылезает из дупла?» — прекрасно помню, что подумал именно так. Резко повернулся и опешил: Кима позади не было! Но в этот момент снова услышал треск, поднял голову и увидел... Кима! Обхватив руками и ногами шершавый ствол толстого дуба, он делал отчаянные усилия, пытаясь добраться до первых мощных ветвей. Но ствол был необхватным, и Ким с места почти не двигался. Кора с сухим треском осыпалась на снег, а он, дико озираясь, оставался там же, в полутора метрах над землей. Он не видел ни меня, ни поверженного кабана и вообще плохо соображал, где он и что делает.

— Ким-собан!

Он не двинулся с места, как будто меня не было. Я подошел, протянул руку и тронул его за ногу.

— Слезай, кабан готов!

Он дико взвизгнул, брыкнул ногой наотмашь, но при этом не удержался и съехал на снег. Поняв наконец, что все кончено, некоторое время еще стоял, держась за дерево, медленно приходя в чувство. И только попробовав кабаньей крови, окончательно ободрился и начал смеяться:

— Валери-сан, я думал, нам конец! Как прыгнул на дерево — сам не знаю и больше ничего не помню. А когда вы тронули за ногу, решил, что это он, чуть не умер со страха. Попейте теперь и вы.

Нет, я и пробовать не стал. Считаю, что кабан недостаточно чистое животное. Я задрал ножом кожу на нижней челюсти зверя, и, пока потрошил, Ким отпилил ее складной пилкой вместе с острыми, как бритва, длинными белыми клыками. С каждым годом у нас росла замечательная коллекция лучших экземпляров всевозможных рогов, черепов и клыков.

Каковы же были рассказы Кима вечером в фанзе Макара! Он ничуть не скрывал своего испуга и в лицах показывал, как лез на дерево, как кричал и готовился расстаться с жизнью. Меня же рисовал каким-то чудотворцем. И конечно, был глубоко убежден, что мы справились именно с тем злым великаном, который безжалостно грабил и пугал бедного старичка. Я далеко не был в этом уверен, но разочаровывать Кима не стал.

Все уже начали укладываться на теплом полу, когда загавкали во дворе собаки и донесся успокаивающий их глухой голос. За дверью заскрипел снег, и в фанзу ввалился высокий человек с

заиндейевшими бровями.

Тяджуни! Это было в его духе. Для этого человека не существовало ни времени, ни препятствий. Ночью, в непогоду, в любое время года он мог отправиться куда угодно. При этом редко ходил по дорогам, предпочитая идти напрямую — будь то лес, горы, овраги или скалы. Покуривая на ходу короткую трубочку, что-то бормоча, шел и шел, все равно — при луне или во тьме. Никогда не блуждал. В полночь, на заре ли, но всегда оказывался там, куда направился. Его появление бывало приятным сюрпризом, дружба наша длилась много лет.

Он поставил в углу кухни свою неразлучную палку, разулся и влез на теплый кан. Сбросил высокую темную шапку, отлепил от усов сосульки и пожал всем руки своей огромной лапищей.

— Услышал под вечер — прибыла партия Четырехглазых, и решил не откладывать: вас ведь днем дома не поймаешь. А пришел звать в скалы за горалами...

Хан Тяджуни — великий специалист по горалу, редкому зверю, живущему в особых, не свойственных другим дальневосточным копытным условиях. Охота на него тоже совершенно особенная, а трофей представляет значительный интерес.

— Ну как, пойдем? Или еще не всех обидчиков-кабанов перебили? Да они никуда не денутся, а на горалов самое время!

Отец, собираясь по делам домой, предоставил решать нам самим. Я смотрел на брата, но краем глаза увидел Кима. Тот был весь внимание: глаза сияли, он, как на молитве сложив ладони, ждал решения.

— Пойдем, конечно, ведь Тяджуни специально пришел за тридевять земель!

Ким облегченно перевел дух и помчался на кухню готовить угощение.

Сизым морозным вечером мы подошли к схваченной голубоватым льдом реке Туманган. Трудно вообразить больший контраст, чем два ее берега в среднем течении. Правый — нагромождение скалистых пиков и хребтов, поросших широколиственными лесами и сосновой. Левый — как ножом срезанные плато, покрытые ковылем, мелким дубняком и орешником. И лишь там, где Туманган зигзагами прорвал каменный массив, по обоим берегам, как замки, теснятся черные скалы. Эти каменные щеки издревле служили большим домом горала.

Смеркалось. Наша тропа, сделав петлю, выскользнула к самому берегу. Перед глазами открылся низменный мыс, на нем прилепились три фанзы. Вечер стоял на редкость тихий, из высоких деревянных, установленных чуть в стороне от жилья труб поднимались прямые столбы голубоватого дыма.

На крылечке самой большой крытой черепицей фанзы рядами стояли резиновые чуни и красивые самодельные посохи собравшихся со всей округи почетных гостей.

Незнакомых вооруженных людей возле границы с Маньчжурией встречают настороженно; однако согнутый ревматизмом хозяин, узнав Тяджуни, сразу принялся стаскивать с нас рюкзаки. Оказалось, мы угадали на празднование его «хангяби» — шестидесятидвухлетия, которое отмечается в Корее очень торжественно. Ибо хангяби — завершение основного цикла жизни мужчины. После юбилея глава семьи сдает все житейские дела старшему сыну и уходит на покой, как на семейную пенсию. Отныне он просто почетный дед: дает советы, обучает внуков, ходит по гостям — словом, живет в свое удовольствие.

Подозреваю, Тяджуни давно знал о намеченном торжестве и ловко убивал сразу двух зайцев: наслаждался любимой охотой на горала и богатым угощением. Так или иначе, прямо с дороги мы оказались за именинным столом. В двух соседних комнатах, соединенных широким дверным проемом, шел пир. На низких столиках на блюдечках перед каждым гостем разложена нарезанная ломтиками отварная свинина, курятинка, вяленая рыба, белые рисовые и оранжево-желтые чумизные лепешки,

острейшие приправы. В чайниках — подогретая корейская водка сури.

Старики раскраснелись, разговорились. Толковали о видах на урожай, о скотине, о рыбалке, но больше всего, как все жители гор, об охоте. Разошедшийся юбиляр рассказывал:

— Для меня уже с двенадцати лет ничего не было слаще охоты. А ружье на весь дом одно — дедушкина кремневка. Ох и лупил меня старый, когда, бывало, сташишь ее без спросу да еще истратишь заряд понапрасну! В лесу-то мне хорошо, а возвращаться страшно: крепка дедова палка. Но все равно воровал эту шомполку — когда поймает, а когда и нет... И вот — мне уже пятнадцатый шел — посчастливилось добыть медведя. Он на дубе желуди с веток обсасывал, сильно занят был, я и подкрался чуть не вплотную.

Я уже знал, что самое дорогое у медведя — желчь. Выпотрошил, снял с печени пузырь, перевязал шпагатом — хороша, чуть не полбутылки! Несу домой, а сам трясусь: ружье-то опять без разрешения брал. Ну вот, спрятал его на всякий случай в стогу соломы до вечера, заглянул в дедову комнату, смотрю — сидит, набивает трубку. Но не кричит, не заметил пропажи. Подсел рядом, поднес ему уголек прикурить, расхрабрился и бормочу: «Деда, а я медведя убил...» Схватил дед по привычке костьль, я зажмурился и жду — сейчас даст по горбу! А он вдруг отбросил палку, тычет бородой в ухо и — полушепотом: «Желчь-то большая, внук?» Большая, говорю, вот она! С того дня разрешил мне старый пользоваться своей пушкой постоянно, открыто, хе-хе-хе...

Мы с Кимом залегли пораньше, а старики и Тяджуни гуляли до поздней ночи.

Чуть свет все были готовы к выходу. Охотой командовал прекрасно знавший эти места Тяджуни. По его указанию брат, Ким и я начали восхождение на восточный склон каньона, сам он с собаками — на западный. Все сразу разделились.

Наш с Кимом подъем был настолько крут, что страшно оглядываться назад. Вскоре фанзочки у реки стали совсем плоскими, игрушечными. А мы все лезли вверх. Несколько раз, пугаясь, со скал с шумом снимались огромные стаи сизых диких голубей; от сотен серебристых крыльев рябило в глазах. Описав круг, стаи снова прилипали к скалам.

Лишь часа через три выбрались на пики. Арсений на самый высокий, мы с Кимом на один из тех, что ближе к вершине каньона. Солнце уже ярко освещало поросшие дубами и соснами вершины, бросив черную тень в пропасть казавшегося бездонным ущелья.

Скалы — стихия горала. Можно с уверенностью сказать, что ни один дальневосточный зверь не пройдет там, где горал чувствует себя как дома. Этот плотный коротконогий козел с очень пушистой серо-коричневой или пепельно-розоватой шкурой обладает необыкновенными способностями скалолаза. Когда нужно, он буквально летит с одного незаметного выступа на другой, кажется, совершенно отвесной скалы. Летит, чуть втянув голову с гладкими, загнутыми назад рожками, вытянув, как руль, сивый, почти лошадиный хвост. Под копытом у него подушечки, которые не дают скользить. Между ними — железа, выделяющая желтое вещество. Корейцы утверждают, что оно позволяет зверю в нужных случаях как бы приkleиться к скале...

Сейчас, прячась за деревьями, мы пытались рассмотреть, что делается под нами, и с напряжением наблюдали за едва заметной группой на противоположной стороне пропасти. Богатырь Хан Тяджуни и пять крупных собак выглядели отсюда букашками и, казалось, ползли по отвесной скале. Они то появлялись, то исчезали в расселинах сверкавших на солнце замерзших водопадов, зигзагами преодолевая обрывы, выступы и щели. Их задачей было найти и выгнать зверя, поэтому Тяджуни старался производить как можно больше шума. Он отворачивал целые глыбы и крупные камни, обрушивая их вниз. Подпрыгивая и громыхая, они катились, как живые существа, порою до самого дна пропасти, а Хан сопровождал их полет

диким криком, демоническим хохотом. Временами в тишине погожего утра до нас доносился визг отчаянно трусивших в непривычной обстановке собак. А загонщик еще шутил:

— Ого-го, как страшно! Совсем живот подтянуло! А ну, выскакивайте, где вы там есть?!

Казалось, кто-нибудь вот-вот сорвется и улетит следом за катившимися камнями. Временами вся группа совсем исчезала, но вскоре вновь появлялась на фоне то черных, то присыпанных снегом скал; мы неотрывно следили за черной шапкой. Зрешище было впечатляющим: над головой бледно-голубое зимнее небо, кругом покрыты лесом хребты и пики, обрывающиеся в пропасть скалы и далеко внизу, в ущелье, лента замерзшей реки...

На противоположной стороне пропасти Тяджуни столкнул темно-коричневую глыбу. Она закувыркалась вниз и вдруг, как показалось, разбилась на две части. Только одна продолжала лететь вниз, а вторая запрыгала в сторону. Мы еще не сообразили, что произошло, как снова донесся иерихонский бас:

— Ого-го! Горал бежит! Смотрите, вам виднее, куда он спрячется.

Собаки затякали, но преследовать летучего козла были бессильны. А зверь вдруг исчез, будто проник в какую-то дырку в скале.

— Он там, под тобой, за выступом, дальше нигде не видно! Если можешь, приспустись правее!

— Ясно, ясно, там пещера, я знаю. Сейчас мы его...

Тяджуни скользнул по крутой скале, то прыгая, то упираясь палкой, то хватаясь за редкие хилые кустики дуба и орешника, прицепившиеся корнями к трещинам скал. На четвереньках подполз к едва заметному входу в пещеру и заглянул внутрь. Собаки сгрудились кучкой позади. Вдруг Тяджуни высвободил голову.

— Он здесь, я видел, в темноте сверкают глаза! Засел там, чтоб его... Сейчас. Ой! — и закувыркался в пропасть...

Мы застыли в ужасе, не в силах помочь, а он каким-то чудом ухватился за попавшийся под руку кустик и закачался на нем. В то же мгновение горал, нанесший ему удар рогами, выпрыгнул из пещеры. Собаки взвыли и кинулись было за ним, но куда там: расправив сивый хвост, он как птица порхал с одного невидимого выступа на другой, после каждого прыжка меняя направление, и скоро совсем скрылся из глаз.

Тяджуни вскарабкался к пещере, поднял сбитую шапку и еще громче загрохотал:

— Вот дьявол, чуть не убил! И нож любимый с пояса оторвался, улетел в пропасть... Придется искать весной. Эх я, старый дурак, надо было бить в норе в упор!

Смотрите, смотрите, в скалах под вами другой горал, загляните вниз, он между вами проходит!

Я видел, как Арсений выскочил на самый выступ скалы, на которой стоял. Мы с Кимом, выбравшись на кромку, тоже пытались заглянуть «под себя». И вдруг грохот справа. Целая глыба серого камня с росшими на ней кустами и большой сосной отделилась под ногами брата и с треском, подняв тучу пыли, низверглась у нас на глазах. Он сделал какой-то невероятный пируэт и повис, вцепившись в уцелевший на кромке дубок!

Одна авария за другой на протяжении нескольких минут! И тут мы увидели под обрывом серую, с темным «ремнем» спину горала. Я склонился, согнулся, как мог, и выстрелил. Но то ли был слишком взвинчен разыгравшимися событиями, то ли в возбуждении неправильно учел угол наклона, но увидел, что пуля подняла столбик скальных брызг за спиной козла. Он скрылся за выступом, а я ощутил, как кто-то тянет меня назад. В недоумении обернулся и увидел покрасневшее от натуги лицо нашего Кима.

Ухватившись одной рукой за сосну, другой за ремень от чехла моего бинокля, он что есть силы оттаскивал меня от кромки обрыва.

— Вылезайте сюда. Черт с ним, с горалом, Валери-сан! Двое на глазах чуть не убились — и вы хотите? Не надо этих «санъянов» (горных козлов), пойдем домой, вон Арсени-сан свистит...

Я ничего не ответил, но оценил эту жертву Кима. Хотя горный козел был его заветнейшей целью, он непоколебимо отверг ее ради безопасности товарища.

Сойдясь с братом, поделились впечатлениями, развели костер, быстро пообедали. Тяджуни исчез и не давал о себе знать. Наметив два обратных маршрута, мы снова разделились, но на этот раз я попросил Арсения взять Кима с собой, а сам решил обойти неприступные «замки» и спуститься к реке, рассчитывая встретить Тяджуни и собак.

Солнце уже садилось, когда я заметил всю группу, завершившую обход: она спускалась по противоположной стене. И почти тут же — пару горалов, выскочивших из расселины. Было неблизко, но они хорошо проектировались на заснеженной стенке, и я свалил обоих. Они скатились в ущелье, а наблюдавший издали Тяджуни издал победный клич. Примчавшиеся собаки с интересом обнюхивали незнакомых зверей.

Однако трофеи нужно было доставить домой, а этот последний этап оказался трудным. Скрутив пушистые туши, приладили их за плечи. Тяджуни взял большого и шел впереди, но от этого мне не было легче. Спускались, то опираясь на палки, то сползая, то ехали, теряя всякое управление. В узком ущелье стремительно покатились по руслу замерзшего водопада и лишь случайно задержались, угодив в наметенный на месте маленькой заводи сугроб; насобирали шишек, ссадин и синяков. Собаки, взвизгивая тонкими голосами, скатывались следом.

Когда, совсем выбившись из сил, оказались на льду Туманганы, взошла полная луна. Последний километр показался прогулкой по тротуару.

В поселке нас ждали, выбежали встречать за окопицу. Первыми мчались навстречу вездесущие мальчишки. Шмыгая носами, пряча в рукавах озябшие ручонки, галдели хором:

— Смотри, смотри, еще два! Сегодня трех добыли! Учитель, ваш брат тоже убил большого горала во с какими рогами!

Арсений и Ким с помощниками уже свежевали на кухне крупного козла. Ким и хозяева были в неописуемом восторге. Еще бы, им досталась вся драгоценная кровь, сердце и две туши горалов. Третью наутро отправили на санях жене Тяджуни, а мы увезли домой три отличные шкуры и, для коллекции, загнутые назад черные и коричневые, в кольцах, рожки.

На обратном пути наш спутник совершенно преобразился. Он был неузнаваем, шагал со всеми в ногу, легко. Казалось, с него и впрямь слетели все городские болячки.

Вскоре Ким переселился из Сейсина на юг страны, написал, что чувствует себя отлично, посыпал подарки.

АХИЛЛ

Осень выдалась необычная — несмотря на заморозки, в тайге еще не выпало ни снежинки. Горы оставались рыжевато-бурыми, а небо над ними синим, как в сентябре. Однако ночи стояли студеные, землю не отпускало даже на солнце.

В одинокое зимовье-фанзушку, спрятавшееся в долине туманганского левобережья, наша охотничья семья заехала в полном составе: отец, все три сына и спутник тех лет, кореец Хам Чигони. На многие версты кругом — ни жилья, ни стука топора — чарующая, сказочная тишина...

Провести разведку без снега, да еще по мерзлой земле — дело не легкое. Поэтому в первый вечер на семейном совете решили: лишнего шума не производить, по такой мелочи, как козы, не стрелять; завтра как можно бесшумнее разведать все четыре стороны света. Утром один за другим вытянули из отцовского кулака три спички, четвертая осталась ему. Каждая спичка в зависимости от ее длины означала свое направление; мне по жребию выпал запад.

День выдался тихим и ясным. Опавший сухой лист лежал густым ковром, назойливо шуршал под ногами, в такие безветренные дни особенно мешал охоте. Поэтому я шел осторожно, стараясь все время пересекать поперек небольшие хребты и овражки и, взобравшись как кошка, выставляя из-за гребня только голову, внимательно рассматривал противоположный косогор. Уже несколько раз чуткие косули, рявкая, срывались совсем недалеко, но я даже не снимал ружья.

Время приближалось к полудню, когда странный предмет на вершине противоположного гребня привлек мое внимание. Прежде всего насторожила удивительно правильная окружность и странное сияние вокруг. Навел бинокль. Да, очень странный, необычный бугорок. И трава никогда не отливает такими радужными бликами. Дышит! Мне показалось, что бугор дышит. Кажется? А может, устали руки или от напряжения участилось дыхание?

Протираю запотевшие стекла и опять смотрю пять, десять, пятнадцать секунд совсем не дыша.

Дрогнул! Дрогнуло одно ухо! Да это же кабан!

Но он совершенно спокоен. Он убежден, что со своего командного пункта все видит, чует и слышит. Только на какой-то звук едва заметно среагировало одно ухо-локатор. Но звук расшифрован: то перепорхнул на дубе поползень. Значит, можно продолжать сладкую дрему под осенним солнцем. До него не доходит, что человек умеет подкрадываться как барс, а достать может значительно дальше. Такого опыта ему не хватало.

А мне теперь все стало ясно и даже понятно, в какую сторону направлена его голова. Осторожно, чтобы не звякнуть, убираю в кобуру бинокль и поднимаю винтовку. Теперь мушка находит абсолютно верную точку...

Он только вздрогнул, этот молодой секачишко, и остался лежать на своей последней, так «удачно» выбранной лежке. Случай довольно редкий.

Вечером на таборе выяснилось, что это был единственный выстрел и единственный трофей за первый день охоты. Но поскольку я заметил следы и других кабанов, на завтра наметили вести туда всю свору собак. Дать молодым, необстрелянным щенкам понюхать зверя, а потом пошарить в окрестностях под руководством стариков. Кроме возчика, идти на этот раз решили вдвоем с младшим братом Юрием, нашим главным собаководом.

Ни отец, ни второй брат — Арсений, ни я не любили пользоваться собаками без крайней необходимости. Слишком много они производят лишнего шума, путают следы. По хорошему снегу куда приятнее, строже идти по-волчьи: выслеживать, высматривать, замечать первому... Мы пользовались сворой, в основном только преследуя раненого зверя или в погоне за крупным хищником.

А Юрий любил ходить с собаками на кабана и уделял им много внимания. Подбирал их среди приглянувшихся корейских лаек, длинношерстных легавых и даже среди способных, подающих надежду дворняг. Растил и натаскивал щенят. Очень удачным оказался последний опыт. От великолепной, белой как снег русской борзой красавицы Вьюги и крупного самца немецкой овчарки родились все как один стройные, поджарые, очень резвые дети. Мясть — палевая, уши стоячие. Реакция, чутье и цепкость овчарки. Словом, при ревности и легкости борзой это было золотое сочетание для натачки на крупного зверя. Брат очень дорожил своими собаками, и было чем дорожить. Этой осенью от всего помета в своре оставалось только два братца: Парис и Ахилл. И оба подавали большие надежды. Парис был ярче окрашен, более рыжих тонов, изящнее, легче. Ахилл — серо-бурых оттенков, сложен мощнее брата. Оба очень ласковые.

Вообще собаки были у нас в почете. Многие не раз выручали, предупреждая внезапное нападение хищника или разъяренного секача-кабана. Мы в свою очередь, как могли, защищали их во всех переделках, холили, ласкали. И все же, как ни берегли, лишь редкие доживали до глубокой старости; каждый год погибало несколько, обычно самых храбрых, самых горячих. И каждая потеря была тяжелой: погибал преданный, в своем роде неповторимый друг.

В эту осень свора состояла из шести собак: старого Комы (от корейского «коми» — медведь); необыкновенно талантливого самородка, крупного маньчжурского пса Самани; молодой низкорослой серой овчарки Ральфа; умного черного полуопынтера Ларго и упомянутых щенков, которым едва исполнилось по восемь месяцев.

Часам к десяти утра добрались всей компанией до укрытого грудой веток убитого накануне молодого секача. Дав Парису и Ахиллу как следует обнюхать и покормив всех осердьем, уложили кабана на корейские сани-волокушу, крепко привязав морду к передку. Возчик развернул бычка, обхватил шею и, помогая тормозить на крутом спуске, заскользил под уклон в долину. А мы с братом, свистнув собак, начали подниматься в гору.

Засветло описали большой круг. Без снега шагается легко, а с собаками нет нужды идти осторожно. Остановки происходят, только когда псы исчезают из поля зрения. Тогда охотники обращаются в слух: не гавкнет ли где? Не забасит ли отрывисто, красноречиво сообщая: «Он здесь, держим, подбегай!»

Но за весь этот день мы не встретили ничего интересного. Молодые несколько раз с визгом кидались преследовать выпорхнувших быстроногих коз, старики только вопросительно оглядывались: не решат ли хозяева добыть козла «на котел»? Они по опыту знали, что сегодня косуля — не объект охоты. Присаживались под дубами и ждали.

Вернувшаяся с вываленными языками, задыхающаяся молодежь получала за ослушание розги. В меру жесткими прутиками хлестали с приговором: «Назад, назад, кому говорили — назад?!» Провинившиеся взвизгивали, поджимали хвосты, старались разжалобить искренним раскаянием. А старики поглядывали удовлетворенно: так, мол, им, дуракам, и надо! Ничего, подрастут — поумнеют; будут знать, кого положено преследовать и что такое «назад»!

Солнце начало садиться за ставшие фиолетовыми горы, когда мы повернули к дому. Вышли на старую лесовозную тропу, круто спускавшуюся к нашей пади.

Все порядочно уморились за день. Собаки бежали впереди, не сворачивая с тропы; мы бесшумно, легко шагали под уклон, тихо переговариваясь. Казалось, охота закончена без выстрела, поэтому, когда свора скрылась за поворотом, не обратили на это внимания. Как вдруг басовитый отрывистый лай слева на горе возвестил — собаки кого-то обнаружили.

Мы остановились. Помню, прислушавшись, я сказал небрежно: «Куницу на дерево загнали, наверное...» Повторяю, я плохо знал все тонкости «собачьей охоты». Юрий некоторое время молчал, внимательно вслушиваясь в понятные ему интонации лая.

— Нет, держат крупного зверя, бежим!

Уже на бегу договорились, что я лезу прямо на голоса собак, а он забегает ниже, в обход, на случай, если зверь вырвется из окружения и начнет уходить дальше. Это старый, испытанный прием, подстраховка.

Прямо от тропы начинался крутой подъем, поросший высоким золотистым ковылем; дальше шел старый дубовый лес. Лай нарастил, становился все более призывным и тревожным, я карабкался вверх изо всех сил. Тяжело дыша почти достиг вершины холма, когда услышал топот приближающихся прыжков. В то же мгновение передо мной вырос взъерошенный серый Ральф: шерсть дыбом, зрачки расширенные, зеленые, светлая грудка и морда с белыми подпалинами в крови! Почти столкнувшись со мной, он встал как вкопанный, тонко взвизгнул и, развернувшись, помчался назад. Стало ясно: дело серьезное, он бежал, чтобы предупредить об опасности, и, доложив, тотчас вернулся на выручку к своим.

В несколько прыжков я преодолел вершину бугра, и передо мной открылась незабываемая панорама. Пологая травянистая поляна упиралась в кромку старой дубравы, косые лучи заходящего солнца красноватым светом озаряли эту опушку. А на нижних ветках одного из самых мощных корявых дубов, переливаясь оранжево-черными пятнами, извивался огромный барс. В багряных лучах заката он был ослепителен!

Медленно, как удав, разворачиваясь на дереве, он неотрывно, гипнотизирующее смотрел вниз, готовясь к прыжку. А под дубом, уже в тени, одна за другой из бурьяна вдруг появлялись черные, серые, рыжие головы собак; подскочив и гавкнув, голова скрывалась, а рядом выныривала другая... Азарт и «чувство локтя» вселяли в собак храбрость. Они с минуты на минуту ждали нашей поддержки.

Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить обстановку. Внезапно атакованный леопард инстинктивно вскочил на дерево, но теперь, оглядевшись, готовил ответный удар. Он выбирал, с кого

начать, уже нацеливался.

Медлить было нельзя, приближаться — тоже. Заметив меня, он ринется сразу, растерзает одну-другую собаку и в надвигающихся сумерках уйдет сквозь заросли безнаказанным. Юрка где-то внизу, от него сейчас помочи ждать не приходится...

Нас разделяло около сотни шагов. Сделав глубокий вздох, я поднял свою английскую винтовку 303-го калибра. Мушка поползла и уперлась в пестрый бок позади лопатки. Сухо треснул в вечернем воздухе выстрел.

Зверь упал не сразу: оступился и повис на толстой ветке головой вниз. Казалось, висит на одном когте задней лапы. Собаки неистовствовали: теперь они выпрыгивали из кустов чуть не на полкорпуса! Гремели хором.

Дальше все случилось очень быстро. Второго выстрела я сделать не успел — барс рухнул прямо в кучу собак. Я передернул патрон и кинулся на выручку, временно потеряв всю группу из виду. Но, пробежав разделявшее нас расстояние, замер: вдоль маленькой ложбинки в лесу с визгом, хрюпанием и рычанием на меня катился живой клубок черных, рыжих и пестрых сцепившихся и переплетенных тел! Окровавленные листья, клочья шерсти, оскаленные, впившиеся во что-то живое пасти... Барс буквально вез на себе собак, причем три старых пса вцепились ему в загривок и кувыркались вместе с ним. Молодые ехали позади. Он драл их когтями и изворачивался, пытаясь захватить клыками. Бой шел на смерть! Я видел, что каждое лишенное мгновение может стоить кому-то жизни, но стрелять в это сплетение тел было безрассудно: одной пулей можно было поразить сразу нескольких.

Однако существовала магическая команда: «Собаки!» Мой окрик был для них приказом, который они выполнили мгновенно: отскочили в стороны, дав возможность свободно стрелять в зверя. Но освобожденный хищник, как отпущенная пружина, развернулся в мою сторону шагах в пяти. Желтые клыки ощерены, глаза — как два огромных изумруда! Только сейчас собаки уже не прикрывали, мы оказались один на один. Я не ждал такого оборота, полагая, что зверь агонизирует, ведь пуля пробила его возле сердца, лишь чуточку выше. И было мгновение, когда я подумал: «Не поторопился ли разогнать собак, успею ли?»

Но барс был потрясен потасовкой и ранением, потерял быстроту реакции — я успел. Чтобы не оставлять дырки в черепе, выстрелил в основание шеи, и он ткнулся головой в сухие листья у моих ног.

Псы снова вцепились в длинное, мощное пятнистое тело, и только в этот момент я обратил внимание, что их всего пять. И почти сразу же увидел шестого...

Ахилл подполз к убитому барсу сбоку. Он полз на одних передних лапах, но тоже пытался укусить зверя; безжизненные задние волочились за ним, оставляя на примятых листьях бурую полосу: позвоночник был перебит, бок разорван. Темная кровь струилась как из маленького родничка, но храбрый молодой пес, еще щенок, все полз вперед, не желая отставать.

Я услышал шаги, тяжелое дыхание, из-за деревьев появился Юрий:

— Что? Убил? А как собаки? — Он очень опасался за своих подростков. И только глянув: «Ахилл!» — поднес руки к вискам и добавил глухо: — Добивай, он не жилец. Я не могу... — И зашагал куда-то в сторону.

И вдруг умирающий поднял на его голос уже помутневшие глаза и шевельнул слабеющим хвостом; в наступившей тишине отчетливо зашелестели опавшие листья... Ахилл как-то подтянул волочившиеся ноги и присел на них: он очень старался держать голову прямо, но она клонилась, как у засыпающего, то влево, то вправо... Пес вздрогивал и снова с усилием поднимал ее: он хотел видеть любимого хозяина!

Это очень тяжело — стрелять в собаку. Да еще когда знаешь ее с первых дней жизни, когда она была

пушистым игривым комочком, пахнувшим каким-то «угарчиком» и молоком... Но положение было совершенно безнадежным, здравый смысл подсказывал, что милосерднее прекратить страдания.

Я зашел сзади, чтобы Ахилл меня не видел, и с болью, сжав зубы, выстрелил ему в затылок. Он распростерся рядом с барсом... В то же мгновение я понял, что совершил непростительную ошибку: до этого довольно равнодушно и спокойно зализывавшие раны собаки вдруг вскочили! Они глядели дико и растерянно. Потом, опустив хвосты, разбрелись, залегли по кустам, выглядывая оттуда недоумевающе и подавленно. Я понял их состояние. Еще бы: в их понятии охотник и винтовка были самыми надежными друзьями, защитниками и вдруг из ружья убили одного из них!

Очевидно, надо было сделать как-то иначе: отозвать их подальше в сторону, что ли, но мы сгоряча это не сообразили. И хотя эта жуткая подавленность длилась недолго, она оставила очень тягостное ощущение.

Мы положили их рядом — Ахилла и барса. И каким маленьким и жалким показался довольно крупный пес рядом со старым мощным леопардом.

Их укрыли молодыми дубками с неопавшими листьями, сверху тяжелыми валежинами — от пернатых и четвероногих хищников. Постояли в молчании и спустились на тропу.

Обычно приподнятое после добычи редкого зверя настроение было омрачено. Без радости возвращались мы на стан.

Наутро тот же возчик привез обоих на своем бычке. Барса ободрали, шкуру очистили, растянули и высушили. Череп тщательно обработали, позднее он украсил длинную полку нашей домашней коллекции. Очень жирное розовое мясо хищника постепенно скормили собакам — для храбрости, как уверял суеверный Чигони. Мясо отведали и очень хвалили и хозяева и сам повар.

Погибших собак у нас не оставляли на съедение всякой нечисти. При малейшей возможности выносили из леса и хоронили. На новое кладбище, устроенное в долине Чопанджи, Ахилл ушел первым.

Юрий долго задумчиво бродил у подножия сопки позади нашей фанзушки, затем позвал нас с братом: он выбрал на затишном солнцепеке средь старых дубов красивый холм. Там мы и закопали первую жертву этой осени, водрузив на бугорке конической формы замшелый камень-памятник.

В тот день мы не думали, что скоро вокруг этого камня, увы, встанут другие...

Грабитель

В своей книге «Охотник» известный английский путешественник и писатель Джон Хантер сказал так: «Я один из последних охотников старых времен. События, свидетелем которых я был, вновь пережить невозможно. Уже никто никогда не увидит огромные стада диких слонов, львов, нападающих на скот... Старой Африки нет, и я был свидетелем ее конца».

Примерно то же можно сказать и о нашей семье. В последние десятилетия цивилизация вытесняет крупных хищников, и во многих странах они взяты под охрану. Так и должно быть. Но все зависит от «критической массы» этих зверей в окружающей среде, и еще совсем недавно они являлись страшным бичом для многих народов Востока, чему мы были живыми свидетелями.

Как ни странно, но и в наше время при ослаблении разумного пресса хищники способны стихийно возрождаться. Пример тому — бурное размножение волка в нашей стране, борьба с которым становится серьезной проблемой. И даже взятые под охрану тигры Приморья уже обзывают жителей таежных сел — давят коров, лошадей, собак, а недавно мне попалось сообщение: от тракториста тигр оставил на лесосеке один валенок...

Однако то, о чем хочу рассказать я, происходило в довоенной Маньчжурии в конце тридцатых годов.

В извилистой долине, среди невысоких, покрытых старым широколиственным лесом гор, приютился заброшенный, всего в три фанзочки, хуторок. Летом хозяева занимались земледелием, пасли скот и растали свиней, а на зиму выбирались в село, и тогда постройками пользовались только возчики леса да мы, охотники. Возчики-корейцы вместе со своими быками занимали большую фанзу, мы — отец и три брата — маленькую; третьей постройкой был пустовавший зимой свинарник. Домики располагались буквой «П», между ними — глинобитный двор.

Эта зима выдалась на удивление бесснежной. Горы стояли бурыми, даже на северных склонах снежок держался лишь отдельными серыми пятнами, жалкими остатками осенней пороши.

Обильный урожай желудя собрал в сопках много кабана. А как верно гласит старая охотничья

поговорка: где кабан, там и тигры. Об их невидимом присутствии говорили остатки задавленных в лесу зверей, бесследно исчезающий скот и отпечатки больших круглых лап на пыли лесовозных дорог, по которым эти кошки-гиганты любят бродить по ночам. Терроризируя все живое, они витали вокруг, чувствуя полную неуловимость и безнаказанность.

Вечерами хозяева торопились загнать скотину домой, после заката солнца люди боялись задерживаться в лесу. Умоляли избавить их от страшной кары, но выследить тигра без снега — дело безнадежное: вне дорог его лапа не оставляет следов.

В первый вечер отец возвратился позднее всех. Пролез в узкую дверь, снял рюкзак и вытянул из кармана перевязанную шпагатом промерзшую желчь и пучок надерганной с хребта кабана щетины. Отлепил ледышки с усов.

— Почин есть. Чушка, пудов на семь. Укрыл надежно, сделал затески до самой тропы; Поктэги с возчиком должны найти без труда.

Ли Поктэги, один из наших опытных помощников, хорошо ориентировался в лесу. Не помню случая, чтобы он не отыскал спрятанного в тайге зверя по примитивной, на клочке бумаги, схеме и оставленным меткам. Но работы у них с возчиком оказалось так много, что очередь первой отцовской чушки подошла примерно через неделю. Однако возчики вернулись разочарованными. Поктэги разводил руками: под кучей хвороста и тяжелого валежника кабана не оказалось. И никаких следов.

Наутро отец отправился с корейцами и был поражен: выпотрошенный кабан будто воскрес, выбрался из-под кучи и вознесся на небо. Невероятно, но никаких следов!

Юрий Михайлович отпустил возчиков и принял тщательно, кругами обследовать местность. Однако на солнцепечном склоне горы снега не было вовсе, а на усыпанной опавшим листом промерзшей земле не видно никаких отпечатков. Но опыт есть опыт: отыскав сломанные веточки да выпавшие щетинки, отец наконец определил грабителя; постепенно картина прояснилась. Дня три назад семипудовую тушу как кошка мышку, прямо в зубах, унес, нигде не задевая земли, тигр. Причем нес вверх по хребту более километра, где расположился на обед. Тут и жил, пока не закончил пировать. При приближении охотника стая ворон и несколько орлов взлетели и расселись по деревьям, оставив на небольшой площадке возле поваленного дуба начисто обглоданный скелет кабана.

Здесь в лесу сохранилось немного снега, по оставленным следам могучих лап было видно, что отец опоздал всего на несколько часов...

Итак, в нашей долине тигры оставались неуловимыми, а за водораздельным хребтом выпал хороший снег, и там события развивались более драматично. Некрупная, но на редкость кровожадная тигрица за короткий срок прикончила нескольких лесорубов. Одного — на глазах обезумевшего напарника. Пристроившись с поперечной пилой напротив друг друга, они разделявали поваленный кедр, когда что-то мягко сбило с головы пильщика шапку: подкравшаяся сзади тигрица, перемахнув через счастливчика, мгновенно задушила и унесла не успевшего пикнуть товарища!

Вскоре людоедка так обнаглела, что принялась ночью разбирать крышу барака-землянки, где ночевали рабочие. На их счастье, проникнуть внутрь помешали толстые бревна накатника. Однако утром все обитатели в панике бежали на станцию, а руководство лесоучастка обратилось за помощью к властям. Те, имея уже подобный опыт и не веря своей доблестной охране, пригласили группу русских профессионалов-тигрятников. Из деревни Романовки к месту событий приехали со специально натасканной сворой три бородача-старовера: чернобородый, могучего телосложения Петр Калугин, высокий стройный Иван Зубарев и кряжистый, лихой охотник Федор Силитков.

Тигрица, спокойно обгладывая свою последнюю жертву, не думала уходить. По словам охотников,

череп лесоруба напоминал аккуратно очищенное яйцо...

Дружная свора атаковала хищницу возле трупа, заставила вскочить на зависший после бури кедр, с которого она и рухнула замертво в снег, сраженная сразу двумя пулями: Зубарева и Силиткова. Казалось, дело сделано, и утром охотники собрались в обратный путь, как вдруг обнаружили ночной след крупного самца, пересекший их вчерашнюю тропу. Скинув собранные в дорогу котомки, все трое немедленно устремились в погоню...

Подробности я услышал от самих участников следующей осенью, когда заглянул в Романовку в надежде приобрести хотя бы одну из их замечательных собак.

Заметно припадая на левую ногу, Федор ввел меня в просторную горницу и, сказав, что они уже пообедали, усадил в углу за небольшой стол. Дородная хозяйка, приветливо улыбаясь, поставила передо мной миску щей, положила ложку, подала хлеб. Позднее я узнал, что то была специальная, для посторонних гостей посуда, официально именуемая «мирской». Среди своих же звалась попросту — «поганой»... Но как бы то ни было, в гостеприимстве им отказать нельзя.

Пока я ел, забежало несколько светлоголовых подростков, очень послушных и почтительных к старшим. Входя, юные старообрядцы, как по команде, сбрасывали шапки, поспешно, часто крестились в левый угол, кланялись старшим и, получив разрешение, скромно забивались в темный угол избы. Потом пришли Петр Калугин и Иван Зубарев. Иван здоровался левой рукой, правую держал в кармане брюк.

Жена Федора наполнила пахнувшей липовым цветом медовухой большие кружки. Их дружно осушили, и мужики заметно повеселились. Уловив подходящее настроение, я попросил рассказать о встрече с тигром, после которой, как известно, двое долго пролежали в больнице.

— Так чё, — Федор отер широкой ладонью пшеничные усы и бороду, — как увидали след того кота, скинули котомки и айда за ём. Часа через два подняли с лежки, спустили собак, стреляли в воздух, а вскорости слышим — лай. Ясное дело, значит, задержали тигра, надо торопиться, пока собак не порвала. Я бегу впереди, Иван за мной. Снег выше колена. Петро-то у нас чижолый, сразу приотстал. Поспешаю, запыхался, слышу, уже впереди недалеко тигра рычит, мягает, а не вижу. Выскочил на маленькую полянку в кедровнике, увидел всех сразу: тигра присела, шипит, готовится схватить какая поближе, а собаки — словно блохи супротив ее — гавкают издаля да оглядываются, ждут, значит, нас... Не успел вскинуться, а она прыжком по две сажени — аж снег летит — прямо на меня! Приложился, прицелился в голову — тэрь! — а она уже вот она — рядом. Попал я, клик верхний пуля выбила, да не свалила. Второй-то раз стрелить нет времени, — я за кедру, за другую, а она за мной: дотянулась, хвать за ногу позадь колена, гадство... Повалился в снег, она на меня. Лежу, вижу — Иван тоже рядом, целится, только клац, клац — осечки. Арисака у его старая, самоделками ладно била, а он на тигра заложил фабричные — боек тот капсюль и не берет... А котяра меня вертит, как мышонка, за шею норовит схватить, но собаки отбивают, мешают, да я и сам верчусь, не даюсь ухватить замертво. Кричу Ивану: «Хватай мой карабин, бей с него!» Не выпускаю ружье, силюсь ему подать. Он услыхал, руку-то протянул, а тигра оглянулась, хвать его повыше кисти и тоже под себя. Все втроем уже кувыркаемся, а Петра все нет...

— Тут бы, верно, нам и крышка, — философствует поджарый русобородый Зубарев, потирая искалеченную руку, — да собаки...

— Ох и Дружок! — сверкнув зеленоватыми кошачьими глазами, перебивает весельчак Силитков. — Видать, крепко хватил кота за самое слабое место — х-ха! — да в сторону. Больно, поди, прикусил, потому как тигра враз за им подхватилась, нас на минуту бросила... Увидел в снегу свой карабин, поднял, дунул в прорезь, тэрь ей вдогонку — и угодил точно в затылок; тут и растянулась, гадство...

Богатырь Петр Калугин осушил вторую кружку, разгладил каштановую бороду и прогудел, как

контрабас:

— Бегу я, поспешаю вовсю, пот глаза заливает. Слышал лай, как тигра мяргала, выстрелы слышал, а потом вдруг все стихло. Подбегаю — один Дружок на ногах, мне навстречу идет, хвостом мотает, а остальные — все лежат: тигра, собаки и эти двое. Оба без шапок, в крове, а смеются: одолели, мол! Ну, надел им шапки, перевязал мало-мало да и побежал за санями — вывозить всех на станцию...

Иван и Федор пролежали в харбинской больнице до весны. Поправились, но Федор на всю жизнь остался хромым, Иван стал левшой.

Дружба со староверами длилась много лет, и при следующей встрече уже они слушали о том, что произошло в нашей семье в новом году.

А тогда в нашей долине дела шли своим чередом. В большой фанзе на ночлег остановилась целая артель лесовозов. В кухне бывало очень оживленно. Люди ужинали, потом рубили ножной соломорезкой сечку, заваривали с бобовым жмыхом, кормили волов. В корейской фанзе только большая долбленая колода отделяет стойло от жилой части кухни. Быки, привязанные к колоде сквозь прожженные в борту дыры, стоят рядышком, головами к людской половине. Степенно жуют, хлюпают, время от времени шумно вздыхают, облизывая длинными розовыми языками мокрые носы. В основном они очень миролюбивы. Однако порою быки затеваюят опасную при таком могучем телосложении свару. Тогда их разнимают, и зacinщики в наказание ночуют на привязи во дворе.

Мы уже засыпали в своей маленькой избушке, когда рев подравшихся быков и крики хозяев заставили проснуться. Было слышно, как двух разбушевавшихся волов с шумом и бранью выволокли за продетые в носу кольца на улицу, отхлестали и привязали к столбам, вкопанным в угол дворца. Отец тоже успел побывать на улице и, когда все утихло, вернулся в нашу фанзочку. Он был в приподнятом настроении:

— Ох и темно — огромная черная туча надвигается, вот бы снежок! Настоящая тигриная ночь: как бы кот Васька не попробовал нынче корейского бычка! Чем черт не шутит...

Мы в шутку называли тигра котом Васькой, а тигрицу — Василисой Прекрасной. Однако на отцовское предсказание братья только иронически переглянулись, и младший, Юрий, шепнул:

— Тигром еще и не пахнет, а пучин уже делает угодные ему прогнозы. — И громко: — Ладно, папа, давай спать, ты только холода напустил! («Пучин» — по-корейски отец.)

Пользуясь тем, что отец не смотрит в нашу сторону и, шурша соломой, укладывается на нарах в своем углу, остряк Арсений страшно округляет глаза и приглушенно бормочет:

— Цыц, молчать! Что вы понимаете, шантрапа!.. — Мы с Юрием корчимся от сдерживаемого смеха, повышаюя натягиваемое одеяло.

А в это время тигр уже спускался с горы в километре от хутора. Вышел на тележную дорогу и, бесшумно ступая мягкими лапами по пыльному проселку, против ветра неслышно подкрался к жилью. И залег за свинарником, высматривая добычу. Эта черная ветреная, действительно тигриная ночь была ему хорошим союзником: даже наши чуткие зверевые псы, спавшие на улице под стогом соломы, не услышали и не учяяли смертельного врага. И не будь на привязи двух драчунов, мы, несомненно, потеряли бы кого-нибудь из своей своры.

Было уже за полночь, когда дикий рев во дворе заставил всех вскочить на ноги. Время было лихое, не исключалось внезапное нападение хунхузов, а потому заряженные винтовки всегда лежали под боком, стволами к выходу. Схватив оружие, мы гурьбой кинулись к узкой низкой двери и в темноте буквально заклинились в ней. И хотя от толчка дверь со скрипом распахнулась, какое-то время никто не мог

вырваться во двор. А там, в кромешной тьме, творилось что-то жуткое. Сквозь свист штормового ветра истошно ревел бык, что-то нечленораздельно вопил кореец, панически лаяли собаки. Вдруг сквозь невообразимый гам до слуха донеслось:

— Ай-гу! Пеми-я! Пеми-я! (Ой! Тигр! Тигр!)

В этот момент наш затор прорвался. Мы, братья, в наспех накинутой одежде, а отец в короткой замшевой куртке поверх белой почти до пят ночной рубахи вывалились во двор. При свете электрического фонарика и мечущегося пламени факела, вынесенного одним из возчиков, разглядели павшего на колени, хрюпащего, с разодранной шеей быка и бледного растрепанного корейца. В руке его дрожала палка. Кровь из раны животного черной струйкой сбегала на утоптанную серую землю двора.

Человек с палкой несколько раз беззвучно раскрыл рот, на время лишившись дара речи; потом вдруг заголосил. Из сбивчивых и бессвязных фраз все же кое-что разобрали.

Услышав сквозь сон приглушенный хрюп, мычание и возню на улице, он вообразил, что один из забияк, отвязавшись, снова напал на другого. Опасаясь, что бык может быть покалечен, хозяин схватил палку, выбежал в темноту и кинулся к дерущимся. На дворе свистел ветер, лаяли собаки. Подбежав к быкам, он увидел, что один из них сидит на другом. Решив разнять сцепившихся, кореец завопил диким голосом и взмахнул палкой — ударить того, что был сверху. Но к нему обернулась голова с зелеными сверкающими глазами и страшно рыкнула. Мощный метровый хвост хлестнул по щеке. Он понял, на кого поднял руку, и взвыл: «Ай-гу, пеми-я!»

Палка беспомощно опустилась, кореец в ужасе зажмурил глаза, прощаясь с жизнью...

Однако, ошеломленный хором звуков, страшный наездник не сумел выполнить свой классический прием — свернуть шею и утащить жертву. Бросив упавшего на колени вола, тигр мгновенно растворился во мраке. Вся сцена длилась не более минуты.

Следом за нами из большой фанзы высыпали все ее обитатели. Раненого, глухо мычащего быка завели в помещение, перевязали, пытаясь остановить кровь.

С блюжающим, отрешенным взглядом, без кровинки в лице, оглушенный кореец все подносил руку к щеке, едва слышным сорванным голосом вновь и вновь пересказывая все сначала. А наш упрямый отец уговорил второго возчика оставить своего быка на привязи, укутался в длинный монгольский тырлык и просидел в засаде до зари. Но зверь больше не появился.

Утром всем миром осмотрели израненное животное и пришли к выводу, что положение безнадежно. Кореец опустил голову — он лишился кормильца. Отец похлопал его по плечу, обещая помочь купить другого. И верно, через несколько дней на стане появился новый бык.

А тигры продолжали хозяйствничать...

В когтях тигрицы

Январь в восточной Маньчжурии суров. Даже днем, в ясную и солнечную погоду, температура редко поднимается выше 25 градусов, а устойчивые северо-западные ветры жестки и колючи. Они гудят, свистят в вершинах голых деревьев, тревожно шуршат неопавшим листом молодых дубняков и орешников, завивают снежные смерчи в открытых долинах. Через неделю лицо охотника становится почти кирпичным, но пока не отрастет борода, оно едва терпит студеное дыхание далеких монгольских степей. И когда взобравшийся на высокую сопку одинокий таежник обшаривает в бинокль уходящие вдали склоны бескрайних хребтов, до боли стынут руки, и бинокль, кажется, примерзает к глазам.

Но вот призмы выхватят скрытую от неопытного глаза лесную жизнь: настороженные уши залегшей в зарослях косули; ворочающегося в поисках желудей кучи листа и снега горбатого кабана; осторожного, с высокими рогами оленя или проворно пробирающегося хищника, и сразу забыты холод и невзгоды, сразу становится жарко; слышно, как стучит сердце...

А название этим, вероятно, самым первобытным мужским эмоциям — большая охота! В жертву ей приносится все.

В сумерках морозного январского вечера у ворот обнесенного земляным валом селения Чунгоу остановилась живописная группа. Могучий рыжий бык, впряженный в двухколесную арбу, загруженную охотничим скарбом; два корейца в зимних серо-белых ватниках и мохнатых шапках; шесть разношерстных и разномастных собак и два охотника в потрепанных куртках и брюках из самодельной козьей замши, в меховых шапках-ушанках. На ногах обшитые юфтовой кожей легкие японские джикатаби, суконные обмотки. У обоих через одно плечо кобура с биноклем, на втором — английский армейский карабин «Ли-Энфилд» на десять зарядов.

Старшему, коренастому, с усами-стрелками, — шестьдесят два, младшему, стройному и безусому, — двадцать один год. Отец и сын — оба Юрия — начали эту охоту вдвоем.

За воротами, оплетенными колючей проволокой, показались тепло одетые вооруженные люди.

— Кто такие? После заката солнца чужим вход воспрещен!

— Не чужие, — один из корейцев вплотную подошел к заграждению, — это Якосике из Кореи снова приехали к вам на охоту.

— А-а, семейство Четырехглазых?! Проходите, проходите прямо к дому старосты, для вас есть интересные новости!

Ворота со скрипом отворились, и группа оказалась на прямой деревенской улице, делившей на две части сто фанз в прямоугольнике деревни-крепости. Обставленная лесистыми горами, деревня Чунгоу стояла посредине распаханной долины, имея два выхода — на юг и на север.

Сквозь оклеенную бумагой знакомую дверь домика старосты пробивался желтоватый свет. Здесь охотники останавливались не первый раз, а когда вы появляетесь в затерянном в горах селении, где вас знают и ждут, — это большое событие. На дворе то и дело скрипит снег, один за другим прибывают старые знакомые.

— Вассо? (Прибыли?) — поклон, и гость усаживается на теплой циновке, скрестив ноги калачиком. Все терпеливо ждут очереди поделиться лесными новостями. Старики, не торопясь, прикуривают трубки от углей жаровни, попыхивают едким самосадом. Молодым в их присутствии курить не положено.

Но вот появился главный гость. Сняв на крылечке за дверью обувь, через порог ступил маленький, с реденькой, уже седой бородкой старый охотник Пак Тумани. Он прямо из леса, после осмотра своих самодельных плашек на колонков. Подчеркнуто небрежно бросил в угол связку золотисто-коричневых шкурок и на правах старого друга поздоровался с прибывшими за руку. Потом солидно опустился на предусмотрительно освобожденное место. Не нарушая обычая, справился о здоровье, о старших сыновьях, о планах на ближайшие дни. Юрий Михайлович ответил:

— Старшие сыны задержались по делам, прибудут позднее. Завтра думаем шагать дальше, в верховье, а там в Туганзу.

Тумани протестующе поднял коричневую ладонь:

— Слушайте мои слова. Ехать вам дальше нечего. Зверя в горах много, нынче и тигры вокруг Чунгоу. И не один, а четыре. Вам следует заняться ими. Завтра увидите следы.

Загадели все. Тигры одолели, жизни от них нет! Вернулись те, что в прошлом году задрали на лесоповале двух маньчжуков. Только тогда не было снега, вы не смогли их отыскать... На днях при вывозе леса в восточном ключе «кхаро» (тигр) напал на шедшие последними сани, оборвал постремки, уволок коня — пристяжку. Остальные в панике примчались в деревню; с тех пор никто не рискует ездить в лес, даже за дровами. Четверо вооруженных селян ходили на место, нашли неподалеку от тропы только клочья шерсти. Один тигр не мог съесть лошадь за два дня! Да и по следам видно...

Отец колебался, не хотелось нарушать намеченной программы. К тому же прошло уже несколько дней, а тигры, как правило, не живут долго на одном месте. Но Юрий рвался в бой! Заспорили и в конце концов порешили задержаться на день, обследовать окрестности.

И что же? Отец обнаружил в восточных горах хотя и несвежие, но вполне четкие следы трех тигров. Видимо, семью, состоящую из матери и двух взрослых хищников — самца и самки. Очень довольный, он долго распутывал след и уже в темноте вернулся домой. Но Юрия не застал...

Оказалось, тот совсем в противоположной стороне наткнулся на крупного самца-одиночку и, серьезно рискуя, преследовал его целый день. Тигр злился, делал петли, засады и постепенно завел далеко в тайгу. Брат возвратился через четыре часа после захода солнца, в кромешной тьме проринаясь сквозь заросли, только чутьем да по звездам определив обратный путь.

Так подтвердилось, что сведения старого Пака были верны: в горах вокруг Чунгоу обитало сразу

четыре тигра! Случай исключительный; охотники решили с утра гнаться по последнему, самому свежему следу.

Собрались с вечера. Взяли на несколько дней продуктов, палатку с печкой, пилу, топор. Вышли на заре со всей сворой, в сопровождении помощника — корейца Понджуни и старого Тумани. И только миновали место, где брат повернул вечером домой, как остановились пораженные: здесь тигр так долго пролежал за деревом, что глубокий снег протаял до земли. Ясно, что его прыжок в темноте мог быть роковым. Юрий вовремя повернулся обратно...

Не дождавшись человека, тигр отправился на обычную охоту. Проделал по горам более тридцати километров, однако поймать никого не удалось. К вечеру след привел измученных охотников назад в долину Чунгоу.

Погода заметно портилась, поэтому, спрятав в лесу лишний груз, вернулись на ночь домой.

Ночью пошел снег, разразилась буря. Легкую фанзу продувало насквозь, оклеенный бумагой потолок вздрогивал и шелестел, однако, лежа под одеялами на горячем полу, зверобои были довольны, что не заночевали в лесу. Переговариваясь, долго не могли заснуть и едва задремали, как их разбудил возбужденный хозяин.

Старосте приснился странный сон, которым тот не мог не поделиться: он видел двух мертвцевов в полосатых халатах!

— Если гости не боятся шторма, нужно с рассвета продолжать погоню. Сегодня они должны добыть двух тигров!

Отец не верил снам, но заснуть было уже невозможно. Поднялись, умылись, позавтракали, накормили собак. Вышли до восхода. Небо было скрыто облаками, градусник показывал минус 25. И хотя буря слегка утихла, сильный северо-западный ветер продувал до костей. Свитер и легкая замшевая куртка — больше не наденешь, иначе в горах не сможешь двигаться с нужной легкостью и быстротой.

Прикрывая рукавицами стынущие от ветра лица, охотники направлялись старым трактом к оставленным накануне вещам, как вдруг, не доходя до спрятанных вечером мешков, обнаружили свежие следы тигра прямо на дороге! С вечера их здесь не было, значит, зверь прошел после них. Он ходил в разных направлениях. Начали лихорадочно кружить, и наконец узел был распутан. Установили, что это не одиночка, а та тройка, присутствие которой отец обнаружил в первый день.

Обсудили план действий. Старый Тумани отправился в деревню, чтобы вывезти спрятанные в кустах котомки; охотники захватили лишь самое необходимое на случай ночевки в лесу. Собак взяли на сворки, чтобы пустить, когда потребуется.

Тигры свернули с дороги и направились вдоль ключа, поросшего невысоким тальником. Ночью и на заре сюда выходили пасть козы, и семейка, разойдясь, начала охоту. Вскоре одна из тигриц поймала зазевавшуюся косулю, пронесла в зубах, как куропатку, метров сто и съела.

На этом месте группа разделилась. Тигр, не переходя ключа, полез в гору направо, тигрицы, дойдя до вершины распадка, поднялись влево. Вскоре, найдя затишное место, тигрицы залегли отдыхать довольно надолго, ибо, когда встали с лежек, следы выглядели совсем свежими. Отсюда обе поднялись на хребет и, перевалив через него, пошли вдоль скалистого, сильно поросшего гребня.

Обстановка подсказывала: необходимо разделиться. Оставив след на помощников, Юрий Михайлович тронулся по кряжу один, осторожно заглядывая на обе его стороны. Юрий Юрьевич и Понджуни с собаками на поводках двинулись по следам хищников. Видимость была скверной. Серые камни и скалы, темные и красноватые стволы деревьев, сетка кустарника, желто-коричневые заросли

молодого дубняка и орешника — все это очень удобный фон для маскировки тигра. Местами заросли мешали видеть в нескольких шагах. Ветер дул в лицо с большой силой, и хотя относил запахи и шум, производимый пятнадцатью парами собачьих и человеческих ног, но жестко сек по глазам, мешая смотреть вперед.

Прошло более получаса, расстояние между охотниками сократилось, и Юрий с Понджуни увидели Юрия Михайловича справа над собой. Он стоял, прислонившись к скале, внимательно разглядывая что-то в бинокль. Вдруг опустил его, сорвал с плеча карабин и прицелился! Заросли мешали видеть цель, стоявшие под скалой застыли в напряжении. Но целился он недолго. Выстрелил, передернул патрон, опустил ружье и снова поднес к глазам бинокль. Псы взвыли хором!

По странному поведению отца Юрий решил, что тот по ошибке выстрелил в похожую на тигра колоду или пень, и собак не спускал. Но отец, заметив Юрия с Понджуни, подал знак травить. Однако, не видя никакой цели, свора начала лихорадочно кружить между деревьями. Бросив стоявшего в нерешительности Понджуни, Юрий быстро вскарабкался на хребет.

— Кого стрелял? Где? Что? — он сильно запыхался.

— Во-он, видишь, за вторым хребтиком на косогоре небольшая скала, а под ней прогалинка? На ней стоял тигр. После выстрела прыгнул в кусты и не появляется...

Чтобы лучше разглядеть, они продвинулись вперед. Сильные порывы ветра вышибали слезы, мешали смотреть, оба во весь рост ступили на самый край скалы. И вдруг оттуда, куда указывал отец, донесся громкий рык, а вслед за ним выскоцил тигр! Он мчался прыжками вниз по косогору, как бы навстречу охотникам. Однако между ними лежал еще один поперечный хребет, а разделявшее расстояние — шагов триста. Вскинув винтовки, они успели сделать по два выстрела, и хищник скрылся. Не имея времени добавить патронов, оба бегом пересекли вершину оврага и, взбежав на разделявший их и тигра кряж, устремились по нему влево вниз, в надежде увидеть хищника на противоположном склоне.

Отец бежал правее, осматривая свою сторону, сын — вдоль кряжа. Расстояние между ними было шагов десять. Где-то сзади поспевал Понджуни. Внезапно Юрий запнулся и упал. Вскочив, быстро проверил ствол: не набилось ли снега? Это опасно: туга забитый ствол при выстреле может разорвать. Из-за этой задержки он отстал на несколько шагов, а тут заросли колючей аралии и лианы лимонника накрепко преградили им путь.

Отец начал огибать это препятствие справа, а сын, в надежде выиграть время, пошел напролом и по уши влез в колючую поросьль. Это вынудило его повесить винтовку на плечо. Пыхтя, он обеими руками раздирал лианы и заросли чертова дерева, как вдруг прямо перед собой услышал оглушительный рев! Это потрясающий звук. Его можно сравнить с гудком парохода, когда пар начинают травить над самым ухом. Он оглушает, заставляет цепенеть!

Юрий вскинул голову и увидел перед собой тигра. В первое мгновение померещилось, будто в воздухе летит растянувшаяся в длину оранжевая автомобильная камера. В последующий момент он рассмотрел зверя четко, как на фотографии. Тигр как бы повис в воздухе, вытянув передние лапы, оскалив пасть и изогнув змеей хвост — как на классической китайской гравюре. Казалось, он парит в пространстве, в двух метрах над кустами!

«Пока я сдерну с плеча винтовку, первый акт драмы был окончен», — писал он позднее.

Тигр оказался в выигрышном положении. Юрий Михайлович стоял на краю большого, покрытого снегом камня, значительно ниже кинувшегося сверху зверя, а сын как раз забрался в самую гущу колючих переплетенных растений и физически не мог вскинуть ружья. Он видел, как отец поднял винтовку, направив ее в голову «летящего дракона». Раздался выстрел.

От страшного удара огромной головы карабин отца, кружась пропеллером, взмыл в небо и исчез за деревьями. Сбив с ног и подмяв под себя отца, тигр, как кошка с мышью, пролетел еще несколько метров вдоль склона, завершая траекторию прыжка. Комок тел грохнулся в глубокий сугроб, что, конечно, несколько смягчило удар. Они стремительно катились по откосу шагов тридцать, где наскочили на лежавшую поперек обгоревшую валежину. Дальше шел более крутой склон, заканчивавшийся высоким каменистым обрывом. Сорвясь они туда — конец пришел бы обоим.

В непролазной чащне, с ружьем на ремне, Юрий, естественно, выстрелить не успел. Но за время, пока отец и тигр столкнулись и катились, он не потерял их из виду; наконец прорвался сквозь колючки и выскочил на то место, где был сбит отец. Прыгнув на камень, он увидел оранжево-полосатую спину тигра и ноги отца под животом едущего на нем хищника. Но эти пассивно катившиеся по снегу ноги казались уже безжизненными...

Вся сцена длилась секунды. Стрелять в могучую спину тигра было безрассудно: боевая пуля калибра 303, пробив зверя, неминуемо настигла бы отца. И надо отдать должное: юноша проявил редкие для его возраста хладнокровие и выдержку. Только тогда, когда оба тела ударились о валежину и лишь передние лапы зверя остались на плечах жертвы, Юрий, улучив момент, выстрелил... Тигр бросил распластертое тело, перепрыгнул через колоду и остановился в вызывающей позе. Его страшная морда все еще находилась в метре от головы отца. Щелкнул второй выстрел. Разъяренный тигр с ревом бросился в гору, прямо на стрелявшего. Перебросив патрон, Юрий вновь поймал хищника на мушку, но тот вдруг скорчился и упал набок в десятке метров от него.

Казалось, все кончено, но зверь вдруг вскочил на ноги и, глядя в упор, оглушительно заревел! Еще выстрел — он упал и затих. В этот момент из кустов выскочил пес Вори и с ходу вцепился в поверженного хищника. Следом за ним появилась овчарка Ральф и полуборзой Парис; оба тоже насыли на врага. Брат спрыгнул с камня и бросился к отцу, но не успел сделать нескольких шагов, как тигр вдруг сбросил собак, встал на все четыре лапы и заревел в последний раз! Две собаки кубарем полетели в стороны, только Вори продолжал висеть у него на загривке. Поистине потрясающей и, казалось, неиссякаемой была жизненная сила этой гигантской кошки! Прошибшая пятью пулями в разных направлениях, она продолжала угрожать. И как бы в ответ на этот последний рев безжизненное тело отца зашевелилось. Сделав усилие, он приподнял голову и крикнул хриплым, чужим голосом: «Стреляй!»

Юрий был в пяти шагах, винтовка в руках, он не медля всадил еще одну, последнюю пурпурную пулю прямо в оранжевую голову. Тигр рухнул. Собаки снова вцепились в него, уже мертвого.

Позднее отец рассказывал, что после выстрела он ощутил удар тяжелого тела и почти не помнит, как катился. А открыв глаза, увидел рядом страшную морду: один глаз залит кровью — пуля прошила тигра в последнее мгновение прыжка... Исход схватки еще не был решен, а двигаться отец уже не мог: жестоко помят, поцарапан, оглушен. На какое-то время он потерял сознание и не слышал первых выстрелов сына. Очнувшись, не мигая, смотрел в зрячий глаз стоявшего над ним зверя...

— Папа! — подбежав вплотную, Юрий побледнел: отец выглядел ужасно. Из ран на лбу и голове кровь заливала грудь и руки, сосульками намерзая на небритых щеках и подбородке, заросших полуседой щетиной. Кроме того, все лицо было измазано сажей горелой валежины, о которую он ударился. Большой сгусток крови на щеке Юрий принял за вырванный висящий глаз...

«Если представить, что я две недели не брился, а зверь, проехавший на мне через несколько головешек, помог измазать все лицо кровью и сажей, интересно, на что была похожа моя улыбка, которой я пытался встретить и подбодрить сына... — рассказывал позднее Юрий Михайлович в своем дневнике. — Руки отказывались повиноватьсяся. Правое плечо было разбито и совсем не действовало, а левая слушалась лишь в плече и пальцах... Всего на мне оказалось двадцать ранений, но ни одного от зубов. Моя пуля, в

последний момент прострелив глаз, повредила хищнику челюсть, иначе...»

Да, иначе Юрий мог опоздать.

Развели костер. Кое-как, при помощи подбежавшего Понджуни, перевязали раны, помогли подняться. И отец, взяв палку, пошел!

В этот момент за бугром раздался бешеный лай. Юрий кинулся вперед, кореец за ним, позади ковылял отец. Перед ними открылась неожиданная картина. На противоположном косогоре под скалой, где исчез первый зверь, они увидели сползающего под уклон мертвого тигра и сидящего на нем полукровку Севера, который все не появлялся и его уже считали погибшим. Оказалось, этот тигр был убит наповал самой первой пулей отца прямо в сердце, а пес, найдя его, теребил до тех пор, пока не отцепил от какого-то куста, и они вместе стали съезжать в овраг. Это зрелище повергло в трепет старого черного Кому, и он поднял истерический лай.

Итак, добытыми оказались два тигра — обе тигрицы. На отца напала старшая.

Вернувшись к месту столкновения, охотники нашли шапку и с большим трудом, далеко в стороне, в снегу, отыскали кавалерийский карабин с невыброшенной гильзой в патроннике...

Спустившись в распадок, встретили несколько саней, вывозивших лес. Корейцы скинули бревна, посадили раненого и повезли в деревню. С двумя волами и возчиками Юрий и Понджуни вернулись к своим трофеям. Завязав волам глаза, взвалили туши тигриц на сани и крепко их привязали. Однако, как только ветер донес запах страшного груза, быки пришли в неописуемую панику. Они вырвались и, задрав хвосты, мчались карьером без погонщиков до самой деревни, обогнав весь обоз. Жители Чунгоу были потрясены, увидев обезумевших волов, ворвавшихся в ворота с «мертвецами волосатых халатах»!

Ликовали освобожденные от страха лесорубы, хлопали в ладоши бабы и дети, счастлив был старый Пак Тумани. Но больше всех был горд прорицатель, хозяин фанзы,уважаемый староста — бракчан. Этот удивительный сон принес ему огромную популярность среди суеверных сородичей, он стал одним из героев охоты.

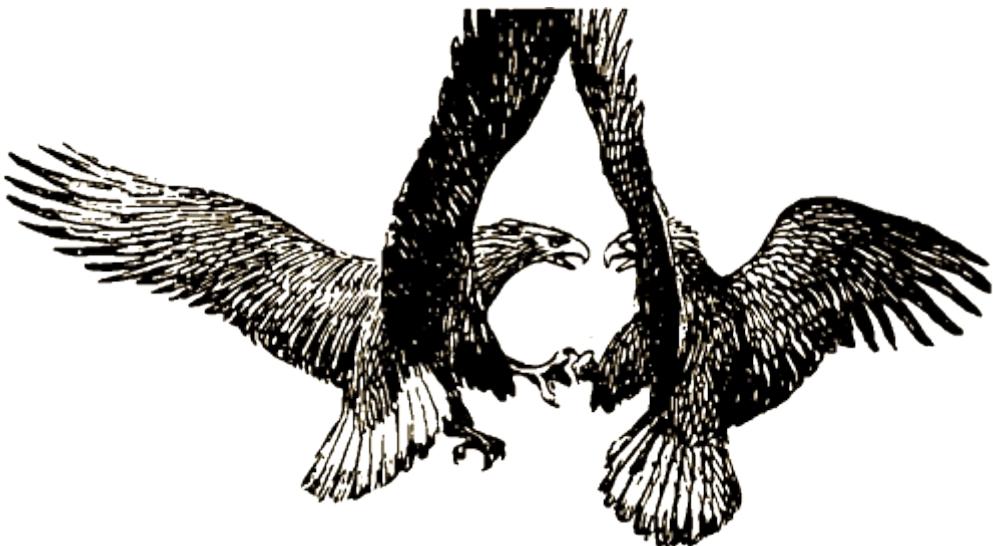
А отец пролежал всего несколько дней и встал. Первую неделю он спал только сидя, обложившись мягкими мешками. Все раны на удивление быстро затянулись, несмотря на малоподходящую обстановку — пыль и копоть бедной фанзы. Из лекарств, кроме перекиси водорода, риванола, йода и бинтов, в походной аптечке ничего не было. Для защиты от прямой инфекции Юрий Михайлович сам сшил себе колпак.

Несмотря на почтенный возраст, богатырский организм поборол все. Через четыре дня после объятий тигрицы, распаривая больные руки в корейском кotle, он начал тренировку: превозмогая боль, стал поднимать свой карабин, прицеливаться.

На восьмой день они нашли по следу третьего тигра, который приходил к месту событий. Преследовали целый день и нагнали в сумерках при помощи своры, обретшей полезный навык в день схватки. Последние два часа почти бежали, то скатываясь, то взираясь на кручи. На последних секундах отец поскользнулся и упал. Тигра-самца уложил Юрий.

Корейцы очень образно умеют выражать свои впечатления о человеке. Об отце они говорили:
«Тело медведя, голова и сердце — тигра».

Пяктусан

Кореец Поктэги и Валентин Вальков, скрючившись, лежали на увядших березовых ветках возле тлеющего костра. Не было сил подняться набрать хвороста, хотя здесь, на высоте двух тысяч метров, и в середине июня к утру иней густо серебрил траву. Поктэги с трудом разлепил один глаз, покосился на Валентина: «Серый, совсем мертвец, один нос торчит; кажется, ему еще хуже, чем мне...»

И кой черт нас сюда принес? Весь май мотались в тайге на плоскогорье, дважды чуть не погибли в наводнении, и хотя там было порядочно рыбы и вдоволь черемши, вусмерть наголодались.

Ну ладно, не повезло — бывает; однако выбрались в деревню и пора бы домой, так нет, подвернулся этот старый болтун Чу, Чу-ёнгам. Наплел сказок про этот Пяктусан, век бы его не видел!

И все Юрий. Мальчишка, а такой же упрямый, как отец — „старый тигр“. Только тот настойчивый, но голову в петлю не сунет. А у этого в двадцать лет что? Ветер в голове: пойдем да пойдем, Чу, мол, уверяет: на северо-западной покати — рай для пантовки! И уломал дураков.

Старику-то что — довел, ткнул палкой на запад: во-о-он, где туман клубится, — теплые ключи, а неподалеку солонцы. Весной там первая трава, весь зверь тут как тут, только не ленитесь... Сказал и ушел, что с него возьмешь? Ясно, проверил свои ловушки и давно в деревне, покуриивает на теплом кане. Он летает эти сто верст. А как устанет, старый хрен — Поктэги видел много раз, — вытряхнет из сумочки на поясе две-три коричневые горошины опия — и в рот. Посидит, прикрыв глаза, и снова несется в свои семьдесят пять, как олень!

А мы теперь подыхай. Разве мыслимо было идти в этакую даль с тем запасом муки и чумизы, что могли унести на плечах? Половину съели в пути, остальное за эту неделю здесь. Ясно, рассчитывали добыть мяса, но это не зима, когда зверя можно брать по снегу, как привязанного. Ведь мы с Вальковым еще позавчера доказывали, что удачи не видать, и, пока харчей хватит на обратный путь, нужно уходить. Но Юрий опять уперся: струсили — проваливайте, а я дал зарок — еще три дня! Вот и доплыли: не только на охоту, а и за дровами ползти нет сил. Еще бы, на жидкой похлебке да травке — пусть ее козы жуют!

Уж когда и вчерашний день ничего не дал, думал, он образумится: отварим этих опостылевших горьких побегов аралии и — в обратный путь, пока ноги еще как-то несут. Так нет, этот внук Четырехглазого поднялся до света и снова поперся куда-то. Откуда только берутся силы у мальчишки? Но ведь все

напрасно, добьет и себя, и нас. И сколько его еще ждать? А...»

Вдруг чуткое ухо корейца уловило отдаленный звук треснувшей под ногой сухой ветки: кто-то спускался с горы к их костру. «Уж не темные ли, не хунхузы ли разыскали по дыму табор? Только этого не хватало!» Крупный, угловатый, с шапкой сильно отросших черных волос, Поктэги с трудом поднялся на ноги. Родничок, у которого они коротали эти голодные дни, лежал между холмами, поросшими низкорослым и корявым, как всегда на границе гольцов, едва распустившимся березняком. Кореец прикрылся ладонью от брызнувших из-за сопки ярких лучей и с облегчением узнал знакомую стройную фигуру. «Юрий, наконец-то! И смотри, еще нашел силы, тащит за плечами целую связку хвороста для костра. Все-таки молодец, хороший товарищ. Ох, как ни тяжело, а нужно помочь...»

Восточные традиции обязывают встретить идущего издалека, помочь освободиться от груза, выразить сочувствие перенесшему тяготы пути.

Юрий, опираясь на палку, зигзагами сбегал по крутым склонам, а Поктэги, едва волоча ноги, тащился навстречу. Когда оставалось несколько шагов, кореец поднял голову и чуть не упал: из-за спины охотника торчал не хворост, а роскошные панты! Юрий пытался сохранить невозмутимый вид, но улыбка на потном искусанном мошкой утомленном лице расцветала помимо воли.

Поктэги ахнул и молитвенно сложил ладони:

— Юри-сан!!!

Он помог стащить сетку с огромной рыжей головой, украшенной розовато-серыми, слегка раздвоившимися на четвертом отростке, как налитыми, в девичью руку толщиной, первосортными пантами. Валентин услышал возглас корейца, сел, протер глаза и вдруг вскочил, шагнул к Юрию. Они обнялись. А Поктэги развязал сплетенную из сыромятных ремешков сетку, освободил панты и вынул полурудовый кусок розового мяса, с которым не сравнялся ни один сорт говядины.

Этот кусок мяса вернул их к жизни.

А за панты андохёнские аптекари выложили столько, что обеспечили охотников на полгода и позволили прекрасно провести лето: принимать на источниках Омпо горячие ванны, купаться с веселой компанией в синем Японском море, танцевать до утра, играть в теннис и волейбол. Выражаясь языком Джека Лондона, Юрий рискнул в покере последним долларом — и сорвал банк!

Успех авантюры вскружил не одну голову. Следующей весной собрались в шестером: старый соратник отца, кореец Алексей Петрович Шин, мы, три брата — Юрий, Арсений и я, Валентин Вальков и всегда жизнерадостный и веселый помощник кореец Василий Пак.

Наш старейшина, выученик уссурийского охотниччьего племени тазов, Алексей Петрович Шин, заслуживает особой характеристики. Сын легендарного в Корее Син Сolle родился и вырос в русском Приморье, свободно, хотя и несколько своеобразно говорил по-русски. Православный кореец посещал церковь, истово крестился, а в тайге приносил жертву языческому богу и скороговоркой читал заклинания у выбранного им же старого, обожженного молнией дерева. Непоколебимо верил в сны и разного рода одному ему известные приметы.

За все эти выходки остроумный Арсений наделил его прозвищем Старый Таза, которое, как и все крылатые братовы определения, пристало к Шину на долгие годы.

Мы выехали из Кореи, когда там уже отцвели сакура и абрикос, яблоня и груша. Поезд пересек спокойную реку Туманган, границу Маньчжурии со всеми ее нудными формальностями — проверкой документов и багажа, таможней и полицией — и под вечер доставил на знакомую станцию Меергоу. А на следующий день со всем снаряжением и собаками мы катили в кузове грузовика в колонне машин под

охраной пулеметной команды. Преодолели три высоких перевала с укреплениями и сигнальными вышками; колонна останавливалась на последнем вираже и могла следовать дальше только по сигналу белого флага с вышки: корейские партизаны и маньчжурские хунхузы не давали хозяевам Маньчжоу-Го спокойно спать.

Однако к вечеру второго дня все благополучно прибыли в районный центр Андохён — маленькую крепость, обнесенную древней каменной стеной с изображением страшного дракона на въездных воротах.

Два дня ушло на оформление пропусков, покупку вьючного коня и продуктов. Гостиница была тесная, бедная, но, готовясь к трудному лету, мы отдали должное китайским харчевням, где фирменный обед состоял минимум из восьми мясных, рыбных, грибных и овощных блюд, множества соусов и закусок; дружно поднимали за грядущий успех чашечки с шестидесятиградусной китайской водкой пей-дю.

Наконец, исполненные радужных надежд, свежим майским утром мы выступили в поход. Здесь, в грех днях пути до Пяктусана, уже лезла зелеными гофрированными кольями чемерица, покрылись листом кустарник и березы, изумрудно горели первой хвоей стройные лиственницы. Попадавшиеся навстречу китайцы тащили из леса в корзинках на коромысле пучки ароматной с бело-розовыми ножками черемши; корейские поселенцы несли связки коричневых побегов папоротника: мужики — на рогульках за спиной, бабы — в больших долбленах корытах на голове.

Наш небольшой отряд с завьюченной тюками лошадкой тянулся вдоль совсем уже неширокой Сунгари. Шли против течения, переходя с берега на берег то вброд, то по упавшим лесинам. Ночевали у костра, почти всегда с ухой: Шин вырезал удилище, извлекал из шапки леску, крючки и артистически выводил упитанных ленков, обманутых самодельной мушкой из шерсти барсука.

А белоснежная голова Пяктусана все росла. Днем в бинокль была отчетливо видна сверкающая нитка главного сунгarianского водопада, а по ночам покрытая снегом вершина казалась висящим в звездном небе венцом гигантского тюльпана.

Пяктусан — этот дальневосточный Килиманджаро — центр древней границы. Южная его часть принадлежит Корее, северная — Маньчжурии. Он — отец трех рек. Рождающаяся на западном склоне Ялу, пробивая горные хребты, мчит свои воды в Желтое море; из родничка на восточном течет в Японское море спокойный Туманган. А заполнившее потухший кратер невыразимо прекрасное высокогорное озеро рождает самую крупную реку Маньчжурии — Сунгари. Серебристая струйка, проточив темный с белыми зернами базальтовый берег озера, подкравшись к обрыву, обрушивается с отвесной стены сверкающим кружевным водопадом.

Далеко на севере, соединившись с Амуром, Сунгари уходит в студеное Охотское море. Так три рожденные Пяктусаном реки питают три моря.

А там, где низвергается кружевной водопад, поднимаются клубы пара: из недр вулкана бьет целебный горячий источник, в который страшно сунуть палец. Здесь источник образует небольшой бассейн, а ниже смешивается с холодной сунгarianской водой. Далеко отсюда, в сердце Маньчжурии, на Сунгари стоят большие города — Гирин, Харбин, Сансин, плывут крупные суда. И жителям этих городов трудно представить свою плавную могучую реку бурным сверкающим потоком, который местами так зажат гранитными скалами, что взрослый мужчина может стать на обоих берегах, пропуская Сунгари между ног...

Воспетая в легендах седая вершина, словно одинокий атолл, высится в центре океана девственной тайги. Из-за большой высоты над уровнем моря испокон веков не было в этом крае ни поселений, ни дорог. Власти наведывались редко, больше для проформы, шли проторенными тропами, а потому этот «необитаемый остров» оставался для них «белым пятном»; и истинные хозяева непроходимых джунглей продолжали жить по веками укоренившимся законам и традициям.

Здесь скрывались от преследования японцев небольшие отряды хорошо организованных, пользовавшихся популярностью у сельских жителей корейских партизан. Охотники всех мастей промышляли зимой пушнину и мясо, весной — эмбрион изюбра лутай, а летом самое дорогое — панты. Макосеи раскорчевывали глухие уголки, засевали опийный мак. Когда среди тайги отцветали дивные поля белых и красных цветов, с круглых головок собирали белесый сок, готовили коричневые кирпичики опия. Самые отчаянные подавались в контрабандисты. Хоронясь от каждого встречного, летом, в жару и дождь, облепленные гнусом, а зимой вообще неведомо как сквозь глубокие сугнины тащили на плечах тяжелые котомки: в Китай — акцизную соль, в Корею — водку и повсюду — запретный, грозящий кандалльной тюрьмой наркотик. А за всеми праведными и неправедными тружениками тайги незримо охотились, безжалостно отнимая ценный груз, а порою и жизнь, профессиональные лесные разбойники — хунхузы.

Но, несмотря ни на какие невзгоды и опасности, с первой травкой, с первым распустившимся листом этот самостийный край начинал жить своей особой лихорадочной и романтической жизнью. В каждом селении, приютившемся на окраине великого зеленого моря «шухай», главной темой дискуссий и споров становилось: кто, какой батоу — какой старшина, на какую речку, на какие солонцы увел свою партию? Кто уже прислал в Андохён первые панты или лутай? На сколько фунтов, какие, почем?

И нетерпеливее всех таежные ценности ждали внешне бесстрастные, с каменными лицами и запрятанным в рысьих глазах огоньком прожженные купцы-аптекари. Сидя, как паук в центре раскинутой на сотни верст невидимой паутины, в пропахшей чесноком и тибетскими снадобьями полутемной лавке, аптекарь задумчиво сипел опийной или булькал фильтрующей никотин табачной трубкой, либо, обжигаясь, тянул зеленый чай и... ждал все с большей тревогой, опасаясь ловких конкурентов. Он твердо знал: какими бы потом и кровью не были добыты панты, лутай, меха, женьшень или пуп кабарги — все это и даже то, что побывало в лапах хунхузов, все равно неизменно приплывает в холеные, с длинными ногтями руки самого дальновидного и хитрого коммерсанта. А уже от него, разумеется в тридорога, отправится морем в Южный Китай, Гонконг, Сингапур, Тибет, Таиланд, Бирму и даже Индию. Ибо во все времена всемогущие магнаты Востока жаждали владеть вырванными у природы эликсирами здоровья, молодости и даже красоты — и никогда не жалели и не жалеют на это золота...

Когда наша узкая тропа, вынырнув из тайги, начала взбираться высоким правым берегом, вдруг, как по волшебству, возникла аллея стройной розовокорой сосны. Ее нет на сотни верст кругом, и существует легенда, что давным-давно, во времена междоусобных войн, один маньчжурский император Цинской династии прятал здесь то ли любимую жену, то ли наложницу. И, желая уладить ее вынужденное заточение, приказал привезти и насадить аллею пекинской сосны. Та же легенда рассказывает, что неподалеку есть озеро, в котором восточная красавица, распустив, как крылья, черные волосы, купалась в голубой воде нагая под бдительной охраной покорных и равнодушных к женской красоте императорских евнухов...

Мы отдыхали на кромке прекрасной сосновой аллеи. Ветер шумел в высоких кронах, будто аккомпанируя красивой сказке, которую поведал провожавший нас от последней деревни старец Чу. Умолкнув, он поправил лямки своей ноши, быстро, привычным жестом забросил в рот пару опийных шариков и уже готов был подняться, когда неважко владевший корейским Вальков спросил:

— Что это он про озеро, я толком не понял?

— Голая царица скучалась, — лаконично прокомментировал Шин.

Мы расхохотались и наперебой бросились объяснять содержание легенды, навеянной удивительной аллеей.

...Зеленая, с часто встречающимися полянками зацветающих ландышей весна провожала нас до небольшого, но отвесного водопада, который уже не может преодолеть ни ленок, ни даже таймень. Рядом, в стороне от тропы, спряталось низкое, потемневшее от непогоды зимовье Чу-ёнгама. Здесь мы устроили двухдневный привал.

Сухонький, согнутый ревматизмом старик был не просто охотником, но опытным лекарем и занимательным рассказчиком. Три его бородатых компаньона вели хозяйство, проверяли ловушки, ямы и петли, а старик больше собирал корни и травы да иногда отправлялся вверх по ущелью к большому сунгариjsкому водопаду, выуживал из горячего источника целебные пенки и окаменелости; готовил из них порошки, зимой в деревне врачевал. Своими травами он быстро поставил на ноги после сильной простуды и меня, а целебными пенками вылечил от укуса зловредной мухи Юрия. За два вечера, проведенных под низким кровом его гостеприимной избушки, мы, братья, понимавшие корейский язык как родной, услышали немало занимательных легенд и былей.

Приглушенно урчал за стеной водопад, шумели кронами обступившие зимовье деревья, хозяева и гости тесно сидели на теплом кане. В центре, скрестив ноги калачиком, Чу-ёнгам неторопливо набивал металлический чубчик длинной тростниковой трубы самосадом, прикуривал от уголька стоящей перед ним жаровни, выпускал едкую струю дыма и рассказывал. О том, что главный хозяин Пяктусана, его горный дух Сан-Син, — страшный дракон, живущий в бездонном озере. Хозяин строг и требователен ко всем, кто посещает его владения, он не прощает предательства: трус, не сдержавший слова, покинувший в беде товарища, обрекается им на мучение и гибель. Вьющиеся над озером стрижи со скоростью пущенной стрелы доносят приказы дракона во все уголки царства, а волю его выполняют тигры, медведи, стаи красных волков и слуги... в образе человека. В глубине кратера стоит монастырь-часовня, там обитают люди-духи. Они в облике страшного монаха вдруг, среди ясного неба обрушаются на виновного: ливнем, градом и молнией разят насмерть.

Однако Сан-Син справедлив: к безвинно, по ошибке пострадавшему он шлет седого благочестивого старца, который наставляет и указывает путь к спасению...

* * *

О Пяктусане в Корее знают миллионы, это одно из семи чудес страны. Но побывали на нем немногие. И тем не менее наша семья познакомилась с вулканом, озером и таинственным монастырем уже несколько лет назад. А дело обстояло так.

Отец долго строил планы экспедиции и наконец осуществил их. Взял с собой дочь — поэтессу Викторию, меня, тринадцатилетнего тогда еще Юрия и двух помощников.

В первый день я вез отца, брата и сестру на стареньком «шевроле» из дачного поселка Новина через Сейсин, от моря и до конца автомобильного пути.

На полдороге застала нас безлунная сентябрьская ночь. В свете фар грунтовая дорога побежала вперед желтовато-серой лентой: прямая, серпантин, перевал, спуск, речка, мост и снова вираж на подъем, Корея — горная страна.

Шел одиннадцатый час ночи, десять часов в пути, все устали. Виктория и Юра откровенно хрюкали среди рюкзаков, мешков и тюков на заднем сиденье. Отец сидел рядом со мной, неотрывно глядел в ветровое стекло и тоже начинал клевать носом. Но он не желал и думать о ночевке: решил хоть заполночь, но добраться до селения Енса, где живут Соломахин и Иван с лошадьми, отправленные из Новины по прямой через становой хребет Хван-Серен пять дней назад.

...Очередной с крутыми виражами спуск. Наш фаэтон вырвался в пойму, впереди показался довольно высокий въезд на мост; я газанул, чтобы с ходу преодолеть этот подъем, но, когда взлетел, в неярких лучах фар увидел, что... моста нет! Его начисто срезало летнее наводнение.

До конца выжал ножной тормоз, изо всей силы натянул ручной. Покрышки взвизгнули, «шевроле» прополз немного, клюнул носом и замер. Мотор заглох, фары осветили широкую темную речку, и в тишине стало отчетливо слышно журчание воды среди валунов. Отец очнулся и по привычке управлять лошадьми негромко скомандовал: «Бери на себя!» — но мы уже стояли. А сестра и брат лениво кряхтели, не раскрывая глаз: «Чего стали, приехали?» Я чувствовал: сейчас довольно легкого толчка, и мы кувыркнемся носом в реку. Не дыша открыл дверку, осторожно вылез и заглянул под передние колеса. В запасе оставалось два дюйма.

Оказалось, я проскочил едва заметный знак — пыльную цепочку кем-то сдвинутых камней, откуда дорога уходила влево, в обход на временный мост. Соломахин и Иван могли не дождаться нас в эту ночь вообще...

Однако на следующий день все дружно шагали до последней деревни Нонсадон рядом с запряженным в арбу быком, а потом три дня с выючными лошадками по плоскогорью сквозь леса и поля, усыпанные спелой голубицей, — старинной тропой. По ней в конце прошлого века прошли мимо Пяктусана на Ялу наши знаменитые путешественники: Н. Г. Гарин-Михайловский, Аннерт и В. Л. Комаров, тогда еще молодой ученый, в будущем президент АН СССР.

На шестой день пути мы достигли цели. Вершина кратера оставляет неизгладимое впечатление. Когда после утомительного серого фона голых вулканических пород вдруг глубоко под ногами в обрамлении черных, желтых и почти бордовых скал открывается величественное озеро с опрокинутым в нем синим небом и плывущими, словно в зеркале, белыми облаками — это чудо на время лишает дара речи! Мы как зачарованные стояли на одном из зубцов, а вокруг черными стрелами со свистом проносились тысячи стрижей. Наконец у самой воды приметили в бинокль крохотный домик, но так и не смогли понять — как можно доставить в эту пропасть материал да еще построить там обитель?

А вторую загадку загадали вороны. Они каркали и взлетали над чем-то белым. Мы приблизились и увидели лежавшего на спине, казалось, спящего человека. Глаза были полуоткрыты, ветер играл в седой бороде, трепал легкое байковое одеяло. При нем не было ни сумки, ни посоха, только на поясе висел большой кованый ключ. Он был мертв.

Ошеломленные, все какое-то время молчали. Особенно потрясенным выглядел Юрий, возможно, он видел смерть совсем рядом впервые. Бледный, он растерянно озирался, словно ища ответа. Обстановку разрядил балагур Иван Чхон. Он хрюпло рассмеялся, сверкнув золотой коронкой, которой очень гордился, и заявил, что пяктусанский бог позаботился о своих медведях, насыщил им больших сухарей...

И все же мы решили не оставлять этот «сухарь» на съедение зверям и птицам, перенесли очень легкое тело на небольшой взлобок, обложили крупными валунами, соорудив подобие кургана. Очевидно, ключ на поясе мертвеца был от прятавшегося в кратере монастыря, однако кем был сам «монах» — осталось загадкой. Думается, какой-то паломник выполнял обет поклонения священной обители и, возвращаясь обессиленным после длительного поста, укрылся от холодной сентябрьской грозы, но уже не встал...

Сестра позднее написала:

В красках всех небесных и земных стихий
Утопают мягкие овраги,
Лиловато-желто-голубые мхи

Допотопные рассказывают саги.
Балаганы из березовой коры
Не согреют ночью человека,
Нашептав о неприступности горы,
Грохотавшей прежде век от века.
Неприступность не считаю за врага,
Перед высотой не знаю страха.
И последнею угрозою вулкан
Мне подбросил мертвого монаха!

* * *

Старый Чу от мистики переходил к событиям из своей жизни. С гордостью рассказывал о встречах с корейскими партизанами, об их молодом вожде... Говоря о хунхузах, стариk переходил на шепот и оглядывался, словно те могли его услышать.

История Маньчжурии знает немало трагических встреч охотников с хунхузами и жуткими фанатиками-боевиками из числа самоохраны таежных поселков. Мы с Арсением однажды чуть не стали их жертвами. Едва выбрались из тайги к незнакомому поселку, как вдруг на повороте узкой санной дороги из-за кустов вынырнули меховые шапки-ушанки, раздались истошные крики. Группа чумазых юнцов, щелкая затворами и целясь из старых маузерских винтовок, требовала сложить оружие. Каждый миг мог стать последним... Но мы с братом поняли друг друга с полуслова: оружия не сдаем, идем, не прибавляя шага дальше, локоть к локтю. Галдя и угрожающе тыча пальцами себе в глотки, но не рискуя сунуться под руку, дикая свора прыгала по сугробам справа и слева, пока группа не втянулась в поселок.

Начальник поста позвонил в район, разобрался, принес извинения. Потом, криво улыбнувшись, заявил, что дружинники ошиблись, приняли нас за «других людей».

— Каких других?

— А вот. — Старший чин выложил на стол какой-то снимок. — Смотрите!

С крупноформатной фотографии смотрели прищуренными глазами установленные рядом на толстой плахе четыре мертвых головы. Хмурые лица заросли многодневной щетиной, было видно, что люди давно не мылись. Но больше всего поражало то, что, несмотря на грязь, копоть, небритую щетину и отросшие волосы, все четыре лица отчетливо сохраняли славянские черты...

— Кто они, откуда? Почему, за что?

Хозяева переглянулись, пробурчали что-то невразумительное. Нас проводили до околицы, пожелали счастливого пути, но тягостного впечатления это не рассеяло: загадочная трагедия, возможно, безвинно казненных людей так и осталась тайной; было ясно, что и наши головы только случайно не угодили на подобную фотографию.

Два дня и две ночи в зимовье Чу-ёнгама мы отдыхали, чинились и готовились к дальнейшему походу. Погожим июньским утром снова выбрались на тропу, петляющую высоким берегом, и часа через два достигли перекрестка. Здесь главная тропа уходит вверх, к истокам Сунгари, к водопаду и горячему источнику, а вторая пересекает ее с востока на запад. Это скорее звериный лаз, дальше из ущелья выхода нет. Тут, на довольно широком плесе, Сунгари по колено. Переходим ее и начинаем взбираться на западный склон. Тропка вьется серпантином, страшно смотреть, как карабкается по ней наша лошадка с громоздким выуком. Даже люди местами лезут на четвереньках.

Наконец выползли на холмистую западную покать Пяктусаны и показалось, что возвратились в весну: робкая травка, поля ноздреватого снега. А среди этих полей, «по пояс» в снегу, уже цветущий желтым, белым и фиолетовым цветом дурманно-душистый рододендрон! Теперь слева высилась громада кратера, а справа внизу, теряясь в далекой дымке, простиралось безбрежное Пяктусанское плоскогорье. Встречный западный ветер нес запахи просыпающейся тайги, заставляя тревожно биться охотничье сердце: мы находились в заповедных девственных местах, где не ступала нога европейца; лишь в прошлом году их «открыли» Юрий и Валентин.

За симметричным, как сырная пасха, холмом открылось пересохшее глинистое озерко — дивный природный солонец. Берега вытоптаны множеством копыт, выбиты и вылизаны языками изюбров. Со всех сторон, как ручейки, стекаются сюда тропки следов. Вот он, знаменитый Хвантожкам!

Мы, чтобы не оставлять следов, обошли солонец стороной, прошли еще километра два, и, найдя ручеек на дне небольшого оврага, остановились. Поставили большую полосатую палатку, из окружающего корявого березняка наготовили дров. Установили жестянную печку: ночами здесь выпадает иней.

В первое утро разошлись до света, но успеха не добились ни в это, ни в следующее. И тогда поняли свою непоправимую ошибку: мы встали с наветренной от солнца стороны. Поняли, но поздно. Самый чуткий и осторожный из всех копытных — изюбр — таких ошибок не прощает. Дорогие первые дни оказались потерянными. Правда, Юрий высledил по росе и убил медведя. Арсений добыл молодого бычка. Но это лишь мясо да шкуры на подстилку, а весеннее мясо медведя такое, что, когда Василий наготовил из него пельменей с диким луком, Шин только понюхал, плюнул и демонстративно отвернулся, пихая в рот пустую кашу:

— Псиной воняет, понимаете, лучше голодным ходить...

Состоялось совещание. Порешили сделать две дальние вылазки. Сначала на запад, потом на восток. В первую, к истокам Ялу, по жребию отправились Шин, Арсений и Валентин. Для охраны табора взяли Василия и собак. Верховья Ялу пользуются дурной славой, это вотчина атамана хунхузов страшного Ма-Фора. Чу-ёнгам рассказывал, что в прошлом году, после ухода наших ребят с пантами, люди Ма-Фора едва не убили старого охотника Югая, указавшего чужестранцам знаменитый солонец.

Однако такой риск в Маньчжурии был не в новинку, и четверо ушли. На следующий день я добрался до одной из северо-западных вершин кратера и второй раз в жизни любовался прекрасным голубым озером среди разноцветных скал, окружающих это чудо природы. А наш младший, но едва ли не самый энергичный участник экспедиции — Юрий сквозь непролазную чащу обошел в темноте солонец и, приблизившись против ветра, добыл-таки первый настоящий трофей — крупную изюбриху с пудовым лутаем. Уже один этот лутай окупал все наши расходы!

Мы вдвоем перетаскали к палатке эмбрион, шкуру и мясо, наварили целое ведро мяса, ждали своих до позднего вечера, но тщетно. Не пришли они и на следующий день.

В темноте забрались в палатку, легли, но сон не шел. Мне мерещились картины одна ужаснее другой. Сквозь дрему казалось — вижу, как бандиты подползли к спящим у костра, перебили, раздели, забрали оружие. Под утро снился кошмар: окровавленные трупы, по которым уже ползают зеленые мухи...

Было, конечно, не до охоты. Завтракали перед палаткой, оборачиваясь на каждый шорох. Где, как искать? Прошел дождь, смыл почти все следы. Но все равно уже собрались на поиски, когда из кустов неожиданно выскоцил пестрый корейский пес Падуга, а за ним черный сеттер Валькова — Чиф. Собаки радостно виляли хвостами. Мы вскочили, бросились к ним, но как спросить — где люди? И тут на опушке березняка появились все четверо. Потные, усталые, но улыбающиеся. У Василия за плечами скрученная черная медвежья шкура. Скинули котомки, расселись вокруг костра, потянулись с кружками к чайнику.

— Привет... здорово... пить!

— Где же вас носило, черт побери?! Мы вторую ночь не спим, сейчас собирались идти искать!

Арсений опорожнил большую кружку, согнул ногу, вытер о колено губы. Он считал, что это — самая чистая часть охотничьей одежды: брюки на коленях постоянно «стерилизуются» о траву и кустарник.

— Понимаешь, перли к главному притоку Ялу, а там такая пропасть — за сутки не обойти. Нужно подниматься к самому кратеру. Заночевали, решили разведать местность. На второй день Алексей Петрович убил медведя. Изюбриных следов не густо, но шайка Ма-Фора вертелась недавно. Наткнулись на свежие костища.

Шин, скривившись, как от зубной боли, перебил брата:

— Я как увидел следы в улах,[\[6\]](#) понимаете, сразу понял, кто тут был. Говорю Арсению Юричу — поворачиваем назад. Только не хватало с ними встречаться. Уже было. Раньше молчал, теперь скажу...

Характерным, ему одному свойственным жестом Старый Таза поднимает кружку, высоко задирая локоть, скашивает куда-то в сторону узкие коричневые глаза, с шумом втягивает дымящийся чай. Он никогда не торопится.

— Помните, три года назад мы с японцем Погони — у которого кореянка жена — ходили на Пяктусан? Не сюда, с восточной стороны, из Кореи. Остановились в зимовье у корейских ловушечников, а они говорят: «Лучше уходите обратно, тут где-то шайка: у одних уже забрали панты, других прибили...» Мы подумали — врут, боятся, что мы ихнего зверя распугаем. В общем не поверили, пошли утром на охоту. Я дал большой круг, вышел к тропе, присел на пень, сижу, курю. Смотрю, мелькают двое, прямо на меня направление держат. Двое по тропе, а третий стороной шагает. Все трое в синем, винтовки под мышкой, ясно — хунхузы. Что делать? Убегать уже поздно, спрятаться некуда, понимаете. Сейчас увидят, стукнут. Раздумывать некогда. Снял арисаку с предохранителя, жду. Шагают прямо на меня, один за другим. Так точно сцелил первого — р-раз! — и надел обоих на одну пулью: друг на друга повалились, понимаете...

Мы переглянулись:

— Н-да-а...

Кто-то спросил:

— А третий что, Алексей Петрович, убежал?

Шин глянул куда-то вдаль, затянулся сигаретой, прищурился.

— Третьего я отпускать не стал. Убежит к своим, расскажет, понимаете...

Опытный маньчжурский промысловик безошибочно отличал друга от врага. Промысловики одевались в защитного цвета пару, хунхузы — в синее. Охотники бродят поодиночке, бандиты — по двадцати, чаще цепочкой в несколько человек. Цепочкой, чтобы никто не мог пересчитать по следам. Зверобой носит винтовку стволом вверх или вперед, «темные люди» — дулом вниз, а чаще под мышкой.

На следующий день отправились в разведку на восток втроем: Шин, Юрий и я. Вернулись к сунгариjsкому броду; перебрали и, показалось, уперлись в отвесную стенку. Взобраться здесь можно лишь по-обезьяньи — хватаясь за стволы и ветки кустарника и подтягиваясь. Шин кряхтел и ругался на всех языках, мы с Юркой чертыхались и шипели, но выбрались. Открылись пологие, покрытые альпийской растительностью северо-восточные склоны вулкана.

Пересекли три распадка, три пологих хребта, нашли маленький ключик и запрятали свою походную коричневую палаточку возле самой границы подступавшей слева тайги.

Первый день результатов не принес. На второе утро я осторожно шагал кромкой леса на восход. Солнце едва осветило кусты и траву, когда вдруг заметил четкий отпечаток крупного копыта. Бык! Прошел недавно, направляясь к вершине вулкана. Я обошел низкорослые заросли, поднялся на бугор, осмотрелся. Вдалеке, на склоне горы, привлекла внимание какая-то очень яркая точка. Что за гигантский цветок распустился в вершине оврага? Цветок, который видно простым глазом за пятьсот метров?

Вынул из кобуры бинокль, навел и осталбенел: «цветок» оказался «салфеткой» — оранжевым пятном вокруг хвоста изюбра! Пантач, великолепный пантач, вожделенная цель нашей экспедиции! Он лежал среди мелких рододендронов пониже группы невысоких лиственниц. Лежал ко мне полубоком и медленно поводил головой с темными роскошными пантами...

Задохнувшись, отнял от глаз бинокль, и великолепный бык снова обратился в едва различимый бугорок с ярким, как далекая звездочка, пятнышком «салфетки». Я медленно опустился на землю: любое резкое движение может спугнуть этого необыкновенно сторожкого зверя. Попытался рассуждать. Подползти ближе по открытой травянистой поляне? Нереально. Заметит, прыгнет и растает в одно мгновение. Стрелять? Дистанция, конечно, очень большая, но мой длинный ли-энфилд разил много раз и дальше, на шестьсот, семьсот, лишь бы точно выцелить...

Я сел, оперев оба локтя на колени, винтовка лежала, как в станке. Набежало облачко, я терпеливо переждал, покуда оно не проплыло мимо. Утопил в прорези прицела шарик мушки, навел на цель. И тут нашло какое-то затмение. Целясь в изюбра, я вообразил его размером с козла. Вероятно, потому, что совсем недавно, в конце зимы, именно так на лежке был косуль. И, как ни странно, глаз, видимо, привык к такой цели, привык выцеливать козла под брюхо. Но козел видится таким на двести, а тут целых пятьсот метров, траектория пули совсем иная. Здесь требовалось выцеливать по спине или соразмерно «увеличить» мушку. Конечно, мое объяснение может понять только очень опытный зверобой, пользовавшийся нарезным оружием... В общем психологический, а отсюда и оптический обман: как будто кто-то умышленно застелил, затмил сознание.

Целился спокойно и точно, но пуля взрыла фонтанчик земли под брюхом пантача! Он вскочил. Тут бы и откорректировать прицел, но я — как в трансе — повторил свою ошибку. Он прыгнул и скрылся в овраге. Желтое пятнышко появилось среди лиственниц на вершине дальнего холма. Хлопнул далекий выстрел Шина, пятно растаяло, сказка кончилась.

Я добежал до вершины холма, увидел, что крови нет. Все потеряно! Оцепенел. Закрыл глаза. Показалось — вижу поверженного, еще горячего изюбра, чью его особый, дразнящий запах, кладу ладонь на теплые, бархатные, налитые эликсиром жизни панты... Вижу сияющие глаза ребят, слышу радостные приветствия. Но — открываю глаза: пусто, тихо, никого и ничего. Вокруг слегка раскачиваются молчаливые розоватые стволы деревьев. В голове проносится: сегодня седьмое июля, самая пора, панты вот-вот начнут перерастать. И вдруг осеняет: седьмое июля — день ведьмы! А я о ней и не вспомнил...

Год назад я недолго квартировал в маньчжурском городке Муданьцзяне, в доме бывшего белого полковника и его жены, странной, загадочной женщины. Она сама называла себя колдуньей. Мне было тридцать, ей, верно, под пятьдесят, и я просто не видел в ней женщину, а она, боюсь, была ко мне неравнодушна. По делу и без дела наведывалась в комнату, настойчиво поила козьим молоком. Когда я уезжал, глянула мне в самые зрачки пронзительно светлыми, какими-то прозрачными глазами и очень четко, с расстановкой произнося каждое слово, отчеканила: «Запомните, седьмого июля — мой день рождения. Если в этот день вы не вспомните, не подумаете обо мне — вас постигнет несчастье!»

Тогда я не принял этого напутствия всерьез, но сейчас ее глаза и голос вдруг всплыли необыкновенно ярко. Да, не вспомнил, черт побери! И я трижды боднул лбом розовый ствол лиственницы, бормоча:

— Чертова ведьма, чертова ведьма! — быть может, искал повод свалить на кого-то свой провал?

На следующий день мы не солоно хлебавши возвратились на главный табор и сообща решили до конца лета перекочевать на восток. Все-таки зверь там не распуган и меньше шансов столкнуться с шайкой Ма-Фора.

Сняли табор, навьючили коня, пошли. И вот опять сунгариjsкое ущелье. День жаркий, оводы жалят немилосердно. Конь в крови, не стоит на месте, а нужно спускаться по жуткому серпантину. Кто сведет его вниз? Все мнутся. Вдруг Арсений сбрасывает свой груз на землю, хватает под уздцы завьюченного коня, и они, как два горала, скачут вниз по серпантину! Невероятно, но бегут, бегут, все уменьшаясь в размерах, и, превратившись в малюсеньких букашек, наконец останавливаются возле брода через Сунгари. Общий вздох облегчения. Вея группа, сгибаясь под тяжестью котомок, сползает черепахами следом.

Переходим обмелевшую реку и расстаемся. Арсений с лошадкой возвращается в зимовье Чу-ёнгама, а оттуда уйдет в Андохён, чтобы купить и отправить нам продукты. Сам он, увы, возвращается домой: обещал жене прибыть ко дню ее рождения...

Лишь много позже мы узнали, что перед отходом в Андохён он осуществил замечательную операцию. С одним из помощников Чу-ёнгама поднялся по зажатому бордовыми скалами сунгариjsкому ущелью до горячего источника и главного водопада. Нашел древний, сглаженный дождями и ветром многовековой лаз. Кореец дальше идти не решился, а брат взобрался по каньону, достиг берега озера и приблизился к загадочной часовне. Проник в полутемную молельную комнату и в первый момент обомлел: из угла глядели два сверкающих зеленых глаза и оскаленная огнедышащая пасть дракона! Когда освоился в полумраке, разглядел всю прекрасную скульптуру дракона — символ Пяктусана.

Рядом с монастырем-часовней на берегу озера увидел выбитые, на плоской базальтовой скале две шахматные доски. И тут же подобрал выточенную из обломка этой же породы шахматную фигурку с иероглифом «чхари» — одну из ведущих в корейских шахматах. Арсений привез эту поистине археологическую находку домой...

Но об этой вылазке брата мы узнали много позже, а в тот жаркий полдень вновь, как стадо орангутанов, хватаясь за стволики корявых кустов и подтягиваясь, карабкаемся вверх, сопим, передыхаем, держась за ветки, и наконец выбираемся на восточную покат.

Шагаем на восток, минуем злополучное место, где я упустил пантача, уходим дальше. Впереди слышен гул. Из черного, как вход в туннель, грота, из отвесной стены с шумом вырывается мощный поток. Но, разбиваясь в водяную пыль, снова прячется в каменной россыпи. Минуем его и вскоре обнаруживаем хорошую травянистую площадку. Рядом, в низкорослом березнячке, прячем свою маленькую палатку.

Назавтра решаем предпринять рекогносцировку еще дальше, обогнуть подножие Пяктусана по часовой стрелке, попробовать добраться до границы с Кореей. Отправляемся втроем: Шин, Василий и я. Берем с собой всех собак. Безоружный повар Василий с вожделением смотрит на мой пистолет браунинг 32-го калибра: «Валери-сан...»

В восторге вешает его на пояс и, сияя, каждую минуту без дела поглаживает светло-коричневую кобуру.

Пошли, рассыпавшись цепью, огибая восточный склон Пяктусана по часовой стрелке: Шин с собаками ниже, Василий выше меня. Вдруг я увидел его мелькающим между деревьями с пистолетом в вытянутой руке и вскоре услышал дикий вопль. Я ринулся наперерез и стал свидетелем странной сцены: наш всегда улыбающийся Пак, грозно насупив брови и картинно отставив ножку, держал на мушке стоявшего на коленях с воздетыми руками человека. Как разворачивает случайно оказавшееся в руках оружие!

Бледный оборванец трясясь как в лихорадке. Я рявкнул на Василия, приказал опустить оружие, и бродяга как сноп повалился лицом в траву. Призвав в нем корейца, я обратился к бедняге на его языке, велел встать, угостил сигаретой, спросил — кто, откуда? Все еще перепуганный, вздрагивающий, он наконец рассказал, что они с напарником живут неподалеку в балагане, настораживают петли и ямы на пантачай, но пока ничего путного не добыли. Все стало ясно. Дав пару сигарет, я с миром отпустил незадачливого охотника. Василий прятал глаза.

Под вечер на кромке зеленого распадка, на ключе, который родит реку Туманган, среди низкорослых лиственниц поставили палатку. А на заре, оставив Василия с собаками сторожить табор, разошлись. Когда первые лучи осветили вершину распадка, я заметил плывущее между березками рыжее пятно. Козел. Подкрался к нему против ветра и уложил первым выстрелом. Выпотрошил, укрыл ветками от ворон, а рядом на березке повесил белый лоскут, чтобы было приметно издали. Вдруг где-то внизу прокатился негромкий хлопок шиновской арисаки. Я огляделся, не бежит ли зверь, однако ничего не заметил.

Поднялся на длинную каменистую гряду и тут сообразил, что стою уже на границе Кореи, у тропы, по которой правительственные экспедиции раз в лето посещают вершину вулкана. И вот совпадение — экспедиция только что прошла: заметны оттиски конских копыт, оковок солдатских ботинок. Глянул вправо вверх — далеко под вершиной вставали дымы костров значит, колонна остановилась на привал.

Некоторое время я задумчиво глядел на кучи камней, цепочкой сбегавшие от вершины к востоку. Эти невысокие усеянные пирамиды привлекли наше внимание еще во время первого похода. Сложененные много веков назад пограничные знаки покрылись зеленовато-серым лишайником, но, простояв столетия, почти не разрушились, продолжая нести теперь уже никому не нужную службу. Глядя на них, я почему-то ярко представил вереницы оборванных рабов, по приказу какого-то далекого императора сооружающих эти монументы под надзором вооруженных луками и стрелами, копьями и кривыми мечами узкоглазых и скуластых безжалостных воинов...

«А ведь камни и валуны не связаны никаким раствором. Интересно бы разобрать такую кладку, может, где-нибудь внутри оставлены какие-то знаки, мемориальные записи...»

Я смотрел на уходящие к подножию горы древние сооружения, как вдруг заметил ползущие на подъем сутульые фигурки и инстинктивно отступил за выступ большого вулканического обломка: когда ты один против нескольких, до поры всегда надежнее оставаться в роли наблюдающего.

Но вот из-за скалы появился темно-серый капюшон, за ним второй, третий. Люди были совсем близко, когда я с удивлением понял, что передо мной — женщины. Три японки! Глядя под ноги и что-то бормоча, они подходили все ближе. Я сделал шаг вперед и громко поздоровался:

— Конничива!

Они вздрогнули, остановились; хором пискнули «Ара!» — по-нашему «ой» — и, округлив глаза, обратились в изваяния.

Мы молча смотрели друг на друга. Совсем рядом — три серых капюшона, три пары черных глаз, три одинаковые — как капли воды — фигурки в накидках и шароварах, ноги в черных японских таби с торчащим отдельно большим пальцем. Несколько секунд я не мог отделаться от впечатления, что передо мной повисли готовящиеся ко сну летучие мыши, только почему-то не вниз, а вверх головами... В их глазах светился невыразимый ужас, но — и я это невольно отметил — ни одна не закричала, не упала, не сделала панической попытки бежать. Истинные представительницы самурайского рода! А я прекрасно сознавал, какое впечатление должен произвести возникший как из-под земли бородатый дядя в потрепанном френче и золотанных брюках, перепоясанный кожаным с медными застежками патронташем, с биноклем через плечо и длинной винтовкой в руках! Бандит! Было от чего и в обморок упасть.

Я понял еще одно. Им, конечно, внушали, что Пяктусан — страшное место, где не исключена встреча с маньчжурскими хунхузами или корейскими партизанами, не говоря о тиграх, медведях, волках и прочей напасти. И вот, пожалуйста! Что же должны были испытать сердца беззащитных, отставших от своего отряда женщин? Оценив сцену их глазами, я почувствовал что-то вроде раскаяния и поторопился добавить по-японски:

— Не пугайтесь, я охотник. Здесь неподалеку наша палатка. А вы откуда?

— О-о-о!!! — Думаю, им показалось, что они возвращаются с того света. Все трое заулыбались и затрещали.

Ой, как они испугались! Думали — конец! Они из города Ранана; все давно хотели увидеть знаменитую гору и озеро, попросились пойти с отрядом, но сегодня, на третий день пешего пути, очень устали, присели отдохнуть и вот не заметили, как отстали.

Почему-то захотелось чем-нибудь их порадовать, и я обещал прислать в подарок добытого утром козла. Японки пришли в восторг и посулили взамен разные приправы: сою, мисо, перец, соль, сахар. Несколько раз низко, в пояс, поклонились и, часто оглядываясь, гуськом отправились дальше по тропе.

Вернувшись, я объяснил Василию, как найти козла, которого следует вручить трем японкам, единственным представительницам прекрасного пола в отряде.

Пак вернулся под вечер очень довольный. Фальцетом, жестикулируя, в лицах изображал, как его благодарили, как восхищались красивыми рожками, как ему улыбались, угощали. Разложил кульки с подарками.

Раздавшийся утром выстрел оказался не пустым. Одной шестимиллиметровой пули хватило Шину, чтобы свалить на месте пасшегося на голубице крупного бурого медведя. Наутро решили его разделать и на этом завершить разведку — свежих следов пантачей нигде не обнаружили.

Обдирать жирного зверя нелегко; мы много раз правили ножи о жесткие медвежьи пятки, пока сняли и отскребли тяжелую шкуру. Отделили от печени зеленоватый пузырек желчи. Шин аккуратно вырезал лечащие от ревматизма коленные чашечки. Взяли немного медвежатины — все что могли унести по горам на плечах.

Под конец решили накормить впрок собак. Алексей Петрович отрезал темно-бордовый жирный кусок филе и бросил в сторону распустивших слюни псов:

— Возьми, пиль!

Раздался странный звук, и кусок растаял в воздухе. Любимец Валентина, полукровка черный сеттер Чиф проглотил его на лету. Две другие собаки взяли свои порции, отбежали в сторону, легли и принялись неторопливо есть, а Чиф снова приблизился к Шину и уставился на мясо.

— О, черт, какой жадный, понимаете! — Алексей Петрович сделал ужасающую гримасу, он презирал способного кабанятника за непомерную прожорливость. — На, глотай сколько хочешь, хоть подавись!

Пес невозмутимо и так же стремительно проглотил второй кусок, придвинулся ближе и снова посмотрел в глаза. Я редко видел Шина таким возмущенным. Вне себя он отхватывал от жирной туши кусок за куском и щедро свое любимое ругательство:

— Жри, пока не лопнешь, собачье мясо! Хуже этого нет, понимаете!

Чиф сначала стоял, потом сел. Наконец передние лапы разъехались, он опустился на вздутый живот, но... продолжал глотать. Таким, словно бочка, уже не способным подняться, его и остались, уверенные, что патологическая жадность неизбежно приведет к завороту кишок. И были нескованно удивлены, когда, все

еще несуразно толстый, пес догнал нас на следующий день по следу...

* * *

Запасы провизии подходили к концу. Василия отправили в Андохён за продуктами. Прошло несколько дней, не принесших успеха.

Вечерело. Вся оставшаяся компания сидела у небольшого костра. День опять прошел безрезультатно, хотя все еще затемно рассыпались по склонам и кручам, исходили десятки километров, просмотрели в бинокль все глаза. Шел второй месяц лета, было ясно, что панты перерастают, сезон на исходе. Пожалуй, не столько угнетали материальные соображения, сколько уязвленное самолюбие. Ведь мы не скрывали своих честолюбивых планов и еще задолго до выезда порядочно наболтали. И теперь многочисленные друзья и знакомые, не говоря о родных, ждали от нас победных реляций, а Пяктусанский Сан-Син накладывал свое вето.

Настроение, естественно, было подавленное, открывавшееся с высоты птичьего полета чудесная панорама бескрайних плоскогорий и сам легендарный Пяктусан уже не радовали глаз. Мы с Шином о чем-то беседовали, Юра и Валентин вполголоса мурлыкали одну из любимых песенок:

Люблю тебя, гусар беспутный,
Когда ты, словно ураган,
Несешься с саблей обнаженной,
В крови залит твой доломан!..

Алексей Петрович пошуровал в костре концом обгорелой ветки, подул, прикурил от зардевшегося уголька и, скривившись то ли от дыма, то ли от скрытого раздражения, проворчал:

— Песни, конечно, хорошо, но когда жрать нечего — худо. Я сейчас проверял мешок: чумизы и крошки сухарей, если экономно расходовать, остается на один день, понимаете. Я так предпочитаю: сегодня Васька должен воротиться в зимовье Чу-ёngама, значил, завтра кому-то надо идти встречать. Новый лагерь он сам не найдет. Давайте тянуть жребий — кому идти.

Старик был прав. Но кому охота тащиться за тридевять земель, спускаться с отвесного обрыва в долину Сунгари, шагать до зимовья, а на следующий день проделать то же в обратном направлении да еще с грузом? Потерять два дня, наломать ноги и плечи. Но — что делать!

Шин по давней, еще дедовской, традиции отломил четыре палочки разной длины, повернулся к нам спиной, зажал в кулаке и обернулся:

— Ну, тяните по одному. Самая длинная идет.

Мы переглянулись. Я вытянул ближайший к себе сучок, ребята выбрали свои, Шин раскрыл ладонь и показал оставшийся. И без примерки стало ясно, что самый длинный — мой. Я чертыхнулся и зашвырнул подальше несчастливую веточку. Но жребий есть жребий, тут споров быть не может. Ребята ехидно хихикали.

Всегда громко хранивший, но спавший вполглаза Шин разбудил, когда на небе еще ярко горели звезды. Все быстро оделись, взяли бинокли и ружья, выползли из палатки. Старый Таза, глядя куда-то на восток, с минуту стоял молча. Потом буркнул: «Ну, я пошел», — ткнул рукой в темноту, зашуршал травой и сразу растаял на фоне ближайших кустов. Юрий фыркнул:

— Кажется, опять видел вещий сон, да боится, как бы не подслушал Сан-Син, решил его обмануть! — Мы уже привыкли к этим чудачествам старика.

Юра и Валентин что-то негромко обсуждали, а мне договариваться было не о чем: знай шагай на запад, пока не доберешься до проклятого спуска в долину реки. Я махнул им рукой и зашагал напрямую.

Начало слегка светать, слева на склоне горы засеребрился шумный, ныряющий под землю водопад, от его близости стало свежо. Я перешел сухое русло, выбрался на широкую поляну, начал пересекать ее. Первые лучи еще невидимого солнца осветили далекие вершины, бросили рассеянный свет на луг. И вдруг впереди, в поникшей под крупной росой траве, поперек пролегла темная стежка. След! Судя по наклону травы кто-то вышел из тайги и направился вверх на гольцы. Но кто? Медведи, охотники, а может быть, хунхузы? Или?..

Я двинулся параллельно стежке, чтобы не затоптать, не нарушить след. Какая обильная роса, быть жаре, хотя пока здорово прохладно. Так кто же все-таки? Черт, при таком освещении никак не определишь. Я пригибался ниже, еще ниже и наконец разглядел то, о чем мог только мечтать в глубине души: довольно четкий в сумеречной полутьме отпечаток крупного копыта. Не поверил глазам, прошел еще немногого, и вдруг бросило в жар: стало абсолютно ясно, что здесь совсем недавно прошел не один, а два крупных быка-пантача!

Они направлялись в большую, расположенную амфитеатром впадину на северо-восточном склоне вулкана, которую я раньше окрестил «Долина Синдбада Морехода». Обследуя эту впадину неделю назад, я был так восхищен волшебно сверкающими на солнце разноцветными слюдянистыми камнями, что невольно сравнил с долиной из далекой детской сказки. Тогда же видел два крупных, хотя и несвежих следа, которые, исчертив впадину вдоль и поперек, задолго до моего появления ушли вниз в тайгу. И вот сегодня перед рассветом вынырнули вновь!

Продолжая шагать вдоль стежки, я уже рисовал себе могучих быков с огромными ветвистыми, еще не окостеневшими рогами и шептал под нос: «Так, так, так, ясно, ясно. Ну, брат, какой тут жребий, какой Василий! Ради такого случая не грех и поголодать...» Я ни минуты не сомневался — любой из компаний поступил бы так же. Нужно быть круглым идиотом, чтобы упустить подобный шанс.

По травянистой поляне следить было совсем просто, но как только изюбры начали подниматься на каменистый, едва покрытый редкой травкой склон гольцов, дело крайне затруднилось, стало по плечу только посвященному. Летняя слежка по твердой земле — великая школа, азы которой нам преподали потомственные корейские следопыты. Здесь требуется особый глаз, особое умение видеть, второе чутье, котороедается большим опытом и далеко не каждому. Глаз следопыта должен замечать все: сломанную былинку, потревоженный на камне лишайник, опрокинутую каменную плитку. Надо угадать, почему ее побуревшая от непогоды и солнца спинка вдруг повернута к земле, а светлый животик смотрит в небо? Их очень много, казалось бы, совсем неприметных деталей, которые острый глаз кавандо, как кличут в Корее профессиональных следопытов, ловит на расстоянии. Нам, конечно, было далеко до легендарных выходцев из провинции Канвондо. Однако я, казалось бы безнадежно потеряв след, пригнувшись к земле, описывал круг, другой и все-таки находил продолжение. А нужно еще и вперед, и вокруг смотреть, чтобы вовремя приметить зверя!

От длительного напряжения в глазах начинает темнеть. Чтобы вернуть зоркость, нужно сесть, а лучше лечь, смежив веки, стараясь думать о чем-то постороннем. Я растянулся навзничь на уже слегка прогретой солнцем каменистой земле и временно отключился. Думалось о доме, о море, о той, чьи глаза я сравнивал с пяктусанским озером: помнит ли?

...В том далеком сентябре, когда мы впервые отправились на Пяктусан, я уже сидел за рулем, готовясь выехать из каменных ворот нашей Новины, а она стояла и смотрела на меня своими необыкновенными синими глазами, не произнося ни слова. И мне захотелось бросить все, выскочить из машины, кинуться к ней! Но я поборол этот порыв, нажал на акселератор и выскочил на шоссе. А когда на шестой день пути мы

выбрались на вершину кратера и я увидел необыкновенное озеро, невольно прошептал: «Где же вы, мои голубые озера?» Нашел в нагрудном кармане листок бумаги, написал эти слова, приподнял тяжелую плиту, покрывавшую один из древних монументов, просунул записку и опустил на старое место. Кто знает, быть может, этот крик о первой любви до сих пор сохраняется там, под серой замшелой плитой?..

Полежал, сел, вынул бинокль. Тщательно осмотрел всю Долину Синдбада, повел вдоль раскинувшихся внизу бескрайних холмистых плоскогорий. Пасмурный рассвет незаметно обернулся голубым солнечным утром, четко осветились дали, горизонт расширился, перед стеклами плыли необозримые леса, редкие светлые прогалины, голубые пятна крохотных издали озер. И нигде на сотнях квадратных километров не было видно признаков человеческого жилья: ни клочка возделанной земли, ни дороги, ни просеки. Но вдруг далеко-далеко, в самом центре темно-зеленого плато, линзы восьмикратного зумса уловили тонкую струйку голубоватого, медленно тянувшегося к небу дыма. Люди! Обычно дымов не видно, таежник знает, как разводить бездымные костры, да и ветерок развеивает струйку, маскирует хозяина. А в это тихое утро выдал.

Кого же, однако, обнаружил этот едва приметный дымок? Стан хунхузов? Табор охотников? Спрятавшееся в чаще леса опийное поле? Или это тайная база неуловимых корейских партизан во главе с их легендарным предводителем? И, глядя на загадочную струйку, я вспомнил необычный эпизод. Прошлой осенью я сидел в просторном кабинете начальства, от которого зависело — дать или не дать разрешение на охоту в районе Пяктусана. Наконец вопрос решился положительно, начальник выдал пропуск — белый с большой красной квадратной печатью лоскут материи и свою визитную карточку с рекомендательной надписью и личной круглой печаткой.

Я рвался на телеграф дать ребятам радостную телеграмму, намеревался благодарить и откланиваться, когда упитанный чиновник в мундире цвета хаки с золочеными погонами сделал предупреждающий жест и, доверительно улыбнувшись, понизил голос:

— Одну минутку. У меня еще вопрос: сколько вам приносит самый большой тигр?

Помнится, я ответил не сразу. Что это — напрашивается на взятку или какая иная цель? Однако секрета в этом вопросе быть не должно.

— Как вам сказать? В общем крупный экземпляр может дать до трех тысяч.

Сановный чин радостно сверкнул золотым мостиком:

— Ага, значит, самый большой тигр — три тысячи, да? А что вы скажете, если я покажу вам хищника, за которого мы, не торгаясь, уплатим — ичи ман эн — десять тысяч золотых иен?!

Я смотрел на него в недоумении, а он из ящика стола вынул небольшую, вроде паспортной, карточку, положил передо мной.

— Вот, смотрите внимательно, запомните как следует. Это тот самый тигр!

Волевое, энергичное лицо юноши в студенческой тужурке, с короткими, зачесанными назад черными волосами. «Э-э, так вот он каков!» Слышать об этом человеке приходилось, разумеется, не раз, чаще всего шепотом от корейцев, которые, считая нас друзьями, безусловно, доверяли. Но что же ответить нацелившемуся изучающим взглядом самураю? Во всяком случае никаких сомнений порождать нельзя. И я ответил как мог равнодушнее:

— Ясно, господин начальник отдела, я хорошо запомнил. Правда, мы охотимся на четвероногих...

— Это не имеет значения. Важно, что запомнили. Но имейте в виду — кроме самых близких и надежных друзей, никому ни слова! — Чиновник встал, давая понять, что аудиенция окончена. Мы обменялись церемонными поклонами.

Но это произошло много раньше. А сейчас я чувствовал себя как до конца закрученная пружина — на карту был поставлен общий престиж и успех всего предприятия, стоявшего немалых усилий и жертв. В самом деле, одержимые охотники отказались от моря, золотистого бархатного пляжа, загорелых очаровательных девушек, от танцев, дальних прогулок по морю и по горам — от всех радостей этого неповторимого возраста. И все ради встречи, которая теперь могла состояться с минуты на минуту. Сейчас один удачный выстрел оправдал бы почти потерянное лето!

Однако уже позднее утро, а звери лезут все выше, совсем близки серые венцы кратера. Наверное, предчувствуют жаркий день и хотят залечь на обдуваемой высокой террасе, где не тревожит овод и слепень. Но куда же, черт побери, они прут? Может быть, спустятся к озеру?

На счастье, потянулась песчаная осыпь, следы стали отчетливее. Но вдруг повеяло холодом, я поднял голову и замер: с леденящим порывом ветра на меня катилось что-то белое и, странно извиваясь, принимало форму человека.

«Вот он, седой монах, посланец хозяина гор, о котором поминал Чу-ёнгам!» — мелькнуло против воли, и я на мгновение зажмурился. Конечно, галлюцинация длилась секунды — «монах» налетел, и я оказался в центре свистящего головокружительного смерча, крупный град скрыл все вокруг. Но смерч пронесся, а град перешел в холодный дождь. Я вытащил и натянул прорезиненный плащ, с которым не расставался все лето. «Монах» умчался на восток, по черным камням катились серые градины, вокруг стояла водяная пыль.

Беспрерывно сверкали молнии, гром грохотал так, что, казалось, рушились скалы. Я боялся, что потоки воды смоют все отпечатки, и, борясь с ветром, продолжал разбирать следы, как вдруг понял: при частых вспышках мой мокрый плащ сверкает, как электрический разряд. Окажись я в поле зрения зорких пантачей — прощай все надежды! Сцепив зубы, стянул спасительный дождевик и как будто окунулся в холодный омут. Прибавил шаг, но вдруг — о ужас! — след оборвался! Впереди на чистом склоне ни одной вмятины, словно мои быки вознеслись на небо. Вынул бинокль и, защищая линзы от дождя ладонью, обшарил все вокруг. Нет. Ничего.

В полном отчаяния опустил глаза и понял: иззубры постояли, круто повернулись и устремились вниз, в открывавшееся там ущелье.

Пошли на лежку! Так поступает зверь перед тем, как залечь. Я глянул вдоль взрыхленной четырьмя парами копыт борозды и сквозь пелену дождя разглядел какое-то рыжеватое пятно. Оно высывалось из-за выступа скалы, а над выступом маячило что-то похожее на корявый куст. Панты! Он лег под скалой, оставил на виду часть крупка. Из-за шума дождя и ветра не слышал моих шагов, но чутко поворачивал голову, а с ней и свою роскошную корону.

Я замер; одно неосторожное движение, и видение растает. Мелькнула мысль: отступить, спрятаться, описать дугу и кошкой влезть на скалу. Но тогда я окажусь в десяти метрах, чуткий зверь может услышать даже дыхание. Да и второй где-то рядом, быть может, он уже рассматривает меня? Нет, рисковать — безумие. Я поднял к плечу винтовку.

Сотня метров — пустяк для армейского ли-энфилда, я легко снимал на этой дистанции фазанов, но завеса дождя заслоняла мишень как мутное стекло. Однако я был уверен — остроконечная, в никелевой оболочке пуля была направлена в центр рыжего пятна. Оно вздрогнуло, «куст» мотнулся, и все исчезло.

Прыгая с камня на камень, я интуитивно ринулся к обрыву в Долину Синдбада и не ошибся. Серый бок мелькнул над самым изломом, но пока я затормозил и вскинул винтовку, он уже скрывался за грядой камней, и запоздавшая на мгновение пуля высекла лишь фонтанчик гранитной пыли!

Масштабы Пяктусана колоссальны: пока я достиг края амфитеатра, пантачи, уже почти вне

досягаемости, поднимались на противоположный склон, а я после сумасшедшей гонки все не мог усмирить дыхания. Рыжий мчался огромными прыжками, серый в стороне несколько отставал, но я безрезультатно разрядил все оставшиеся в магазине патроны.

На таком расстоянии быки напоминали пару блох. Эти две блохи остановились на холме над водопадом, будто что-то обдумывая, а затем скрылись в направлении нашего табора, где сейчас, конечно, никого не было!

Теперь я на одном дыхании обежал поверху всю долину менее чем за час. Там, где быки останавливались, заметил на траве кровь. Один ранен, но что толку, до кромки тайги рукой подать, они давно в чаще и уходят все дальше. А небо снова голубое, солнце печет, травы и кусты, высыхая, испаряют запахи, и даже собакам не под силу будет настичь раненого зверя...

Что делать? Как я посмотрю в глаза товарищам? Выследил, нашел, стрелял и — отпустил! Ужас, хоть стреляйся!

Я тупо смотрел вниз, на ту поляну, где впервые на заре перехватил след. И вдруг на дне зеленой впадины заметил сизый дымок и темную фигурку охотника. А рядом что-то рыжее... Что такое? Кто-то из ребят добил пантача и развел дымокур? Или мне мерещится? Я свистнул. Фигурка приподнялась, помахала рукой, а я, не веря глазам, покатился с горы. Не глядя под ноги, прыжками, чтобы не зацепиться за камень или куст, достиг подножия холма и тут сразу потерял и пятно и силуэт человека, оказавшись с ними на одном уровне. Но легкий дымок подсказал направление: я добежал до края впадины и в нескольких шагах увидел опухшее, искусанное мошкой лицо Юрия, полулежа раздувавшего костерок. А рядом — цель наших скитаний, причину всех мук и разочарований — огромного рыжего быка с метровыми пятиконечными пантами! Бык лежал, как живой, подобрав ноги, уронив могучую голову на высокую кочку; серебристые с розовым оттенком, покрытые нежным бархатом панты, казалось, приглашали художника или фотографа. Как я раскаялся, что второпях во время сборов забыл дома аппарат! Шагнул к брату:

— Ты добил?

— Нет, Валентин. Он услышал твою пальбу, кинулся наперевес и здесь столкнулся. Первого уложил, второго вроде ранил. Или тот и есть твой раненый? На следу кровь. Валентин побежал на табор за собаками, но вряд ли что выйдет, это не по снегу, сам понимаешь. Но хоть один-то есть! Поздравляю!

Мы крепко пожали друг другу руки.

— А где Старый Таза, он знает?

— Откуда! Как сорвался в темноте, так и след простыл. Ясно, видел сон, поперся бог знает куда. Ищи его теперь. Да ладно, давай начнем.

Вдвоем с большим трудом перевернули тяжеленную, еще горячую машину. Отделили великолепную голову, поставили на камень; сняли золотистую шкуру, разделали по частям розоватую жирную тушу. Провозились часа три. Ну и бык! Живой вес, верно, пудов пятнадцать, вдвоем за два раза не перенести. На первый рейс под завязку загрузили сплетенные Шином из летней шкуры косули рюкзаки-сетки. Опираясь на палки, едва поднялись и медленно направились к палатке. До нее оставалось уже недалеко, когда заметили шагавшего навстречу Валентина. Небольшого роста, слегка сутулый, он тащился, едва волоча ноги: лицо серое, глаза в землю, на губах скорбная гримаса. Умотался, конечно, до предела, а о результатах можно и не спрашивать. Меня, правда, несколько удивило, как равнодушно обнююхали нас подбежавшие собаки, но это впечатление не дошло до сознания, потому что все равно волновал главный вопрос. И я не удержался, задал его:

— Что, не догнал? Может, стоит после завтрака пойти всем вместе?

Вальков безнадежно помотал головой.

— Бесполезно. Спустился в ключ, пошел водой, кровь оборвалась. И собаки, и я окончательно потеряли след. А дальше — такой бурелом, черт ногу сломит. Нет, не взять. Да и шут с ним: один есть и то слава богу!

Он шагал рядом и ворчал, пока не добрались до палатки. Мы с Юрой тяжело опустились на землю, освободили затекшие плечи, вытянули гудевшие ноги. Вход в палатку почему-то оказался зашнурованным, и теперь Вальков, стоя на коленях, торопливо развязывал петли. Потом разом откинул обе половинки, забросил наверх и каким-то звенящим голосом произнес:

— А теперь смотрите сюда!

Мы обернулись и едва не приросли к земле. Посреди палатки, освещенная пробивавшимися сквозь бязевую кровлю матовыми лучами солнца стояла... вторая голова с пантами.

Валентин расстался со скорбной миной и нервно рассмеялся:

— Ну, как вам нравится?

Снова, конечно, жали руки, обнимались, а он рассказывал, как все происходило на самом деле.

— Собаки — орлы, без них бы нечего и думать. Бегу, слышу — подняли, поставили, лают на месте; жму из последних сил, сердце вот-вот выскочит, а он оторвался, снова уходит, уже в бурелом. Ну, думаю, еще сто шагов — упаду. Вдруг впереди узкий ключ, гавкают где-то в русле. Откуда сила взялась, ноги подкашиваются, но бегу. Скатился, гляжу — положили в воду, держат! Я их потом всех перецеловал...

Юрий предостерегающе поднял руку — послышались шаги. Шин! И сразу стихийно возникло решение разыграть его так же, как и нас.

— Давайте спрячем в палатку обе головы, послушаем, что он скажет!

Быстро втащили внутрь, поставили рядом, опустили полог. Из-за кустов выросла высокая прямая фигура. Алексей Петрович подошел не торопясь, прислонил к кусту длинную арисаку, сел и потянулся в нагрудный карман за сигаретой. С кривой усмешкой оглядел наши постные физиономии.

— Н-но, палили, понимаете. Что, промазали, отпустили, да?

Дурачить дальше стало неловко. Валентин буркнулся:

— Да нет... — И откинул полог палатки. Шин стрельнул узким коричневым глазом и смолк. Какой же выдержанкой обладал наш неповторимый Старый Таза! Широкоскулое бронзовое лицо восточного идола дрогнуло на едва приметное мгновение, и тут же рот сложился в привычную равнодушно-скептическую гримасу:

— Переросшие, понимаете. Надо было убивать две недели раньше, тогда — да. А такие — полценены. — Он сделал паузу, видимо почувствовав, что перегнул; погасил заготовленную гримасу и улыбнулся, показав крупные бежевые зубы. — Но все равно спасибо, молодцы. Ничего, что, немного поздно, за второй сорт пойдут, важно — не пустые, не стыдно будет ворочаться. — И он ткнул всем по очереди узкую смуглую ладонь. Очевидно, мысль — только бы не вернуться пустыми — преследовала каждого.

Теперь уже все вместе дружно перетащили остатки мяса, разожгли костер. Думаю, этот день — шестнадцатое июля — запомнился участникам на всю жизнь.

А сейчас командовал Шин:

— Строим шалаш-коптилку. Столько мяса... надо сохранить, понимаете. Кто-нибудь варите суп, я буду

вырубать панты, сделаю как удобно нести. После обеда надо быстро шагать, хоть ночью добраться зимовьё Чу-ёнгама, а утром рано в Андохён бегом. Такая жара, середина июля, понимаете, на третьи сутки панты могут спортироваться.

Это понимали все, работа кипела. Под руководством старика соорудили невысокий, по грудь, крытый корой лиственницы шалашик, внутри на прутьях развесили нарезанное длинными пластами аloe мясо; под ним из ветвей корявой горной ольхи разложили небольшой костер. Вскоре мясо начало шипеть, корежиться, испускать сок, постепенно превращаясь в коричневый сухарь. На втором костре варились мясная похлебка: для заправки нарывали дикого лука.

Тем временем ученик уссурийского охотничьего племени тазов ворожил над пантами. Вырубил их с куском черепа на уровне глаз, вынул мозг; задрав шкуру, тщательно очистил ее и череп от мяса и мездры; чтобы не проникла муха, стянул толстой ниткой под скальпом края кожи и наконец укрепил обе пары драгоценных рогов на вытесанные из сухого пня плашки. Теперь панты были готовы к длительному путешествию.

За это время мясо в кастрюле почти дошло, из-под крышки валил ароматный пар. Шеф-повар Валентин заправил похлебку поджаренным на изюбином сале луком.

— Все готово, давайте обедать, — распоряжался Шин. — Давайте, давайте, садитесь, надо торопиться, солнце уже вон где! До темноты нужно по крайней мере успеть свалиться с чертова обрыва к Сунгари. Если запоздаете, сломаете панты и свои шеи, так и знайте. Кто пойдет? Я думаю — кто стрелял: Валерий Юрьевич и Валентин Николаевич, верно говорю?

На этот раз жеребьевки не требовалось, мы согласно кивнули. Все четверо, наполнив миски, расселись на валежинах вокруг костра. После нескольких дней, проведенных на жидкой чумизной каше и остатках сухарей, мясная похлебка казалась пищей богов. Все азартно дули в ложки и торопились управляться с едой.

Я хлебнул раз, другой, как вдруг почувствовал диковинную резь в желудке, будто его раздирают на части. К горлу подошел комок, в глазах помутилось. Показалось, что умираю. Видимо, издал какой-то звук, потому что компании обернулись в мою сторону, на их лицах отразилось недоумение. А я только нашел силы отставить в сторону миску, подняться вопросительным знаком и, держась за живот, сделать несколько шагов в сторону. Тут силы остались окончательно, я упал на руки лицом вперед, только что проглоченный суп хлынул на траву и — о чудо! — боль мгновенно прекратилась. Я открыл глаза и сквозь слезы увидел в траве еле передвигавшую лапы большую зеленую муху! Очевидно, она села в ложку, я принял ее за кусочек дикого лука, а вернее, просто не заметил и пережил муки ада...

Солнце перевалило за полдень, нужно было спешить. Шин и Юрий помогли укрепить за спиной панты, мы попрощались и тронулись в путь. Миновали шумящий слева водопад, место, где утром разделявали быка, утренний след пантачей. Увал за увалом, ключ за ключом, прошагали час, другой, третий, и я с тревогой почувствовал, что Валентин начал сдавать. Набегался за раненым изюбром, переутомился, но, главное, давала знать старая рана, полученная от хунхузов. Он начинал горбиться, лицо становилось землистым, глаза проваливались...

Уже совсем красное солнце неумолимо спускалось к горизонту, до страшного спуска к Сунгари оставалось около часа ходу, а Вальков все чаще садился передохнуть, и я видел — теряет последние силы. Он отставал все дальше, фигурка цвета хаки начинала растворяться среди тронутых желтизной трав и кустарников. Что делать? Я скинул свою ношу и неохотно вернулся назад. Валентин выглядел смущенным и подавленным, не смотрел в глаза.

— Давай твою винтовку, рюкзак, бинокль. Оставь только панты. Иначе пропали — в темноте с обрыва

не спустимся.

И вот наконец этот «обезьяний» спуск. Но уже темно, старые следы и спасительные редкие кусты едва различимы. Я сползаю первым, качусь, действительно по-обезьяньи хватаюсь за какие-то корни, ветки. Упасть на спину недопустимо: поломаешь или повредишь хрупкие нежные панты.

К счастью, на спуске, где не так ощущается тяжесть, Валентин приходит в себя. Он ведь хороший гимнаст, цепкий, жилистый малый.

— Не торопись, осторожнее, теперь как-нибудь доползем, — слышу я позади. Съезжаю, съезжаю и с облегчением чувствую под ногами более ровный склон, по пояс погружаюсь в ароматные пойменные травы. Валентин сопит в трех шагах. Пока спускались, наступила безлунная кромешная ночь, но в конце концов нога нашупала спасительную узкую тропку, что тянется берегом Сунгари от горячих ключей мимо избушки старого Чу.

— Знаешь, оставим панты и вещи здесь; спустимся к речке налегке, напьемся, умоемся, передохнем, — сипит Валентин, — теперь все равно идти в ночь.

— Ладно, только не надо бросать их у самой тропы, — советую я, — оставим в стороне под кустами. Не дай бог, кто пройдет, заметит.

Мы возвращаемся шагов на двадцать, садимся в траву, стягиваем опостылевший груз, ставим котомки рядом и, захватив только винтовки, поворачиваем к реке.

Как прекрасно после такого напряженного дня у реки! Одна из крупнейших попутчиц Амура, Сунгари, здесь, на мелком плесе, всего два десятка шагов в ширину, а глубина — по колено. Но сейчас она кажется сказочным зеркалом, в котором отразились все звезды пяктусанского неба. Они сверкают бенгальскими огоньками, а речка тихо журчит среди окатанных, кажущихся ночью совсем белыми валунов и гальки. И как дивно пахнет свежестью эта июльская ночь!

Мы ложимся на берегу лицом в воду и пьем; умываемся и снова пьем. Эта прибежавшая из высокогорного озера вода кажется лучше любого вина. Мы выбираем крупные и гладкие, еще не остывшие камни, садимся, расправляем ноги и закуриваем самую душистую сигарету в мире...

Но как ни хорошо, нужно подниматься и идти, никто, увы, по воздуху не перенесет. До зимовья Чу отсюда по тропинке верст пять: днем — час, а сколько мыкаться ночью? Смотрю на часы со светящимся циферблатом — уже девять. Тяжело, неохотно встаем, поднимаемся от берега к тропке, пересекаем ее, идем туда, где оставили под кустами панты и вещи, но... их нет! Правее, левее — пусто. Начинаем лихорадочно, на ощупь разгребать траву, натыкаемся на кусты низкорослого ольховника, какие-то коряги, но ни пантов, ни котомок. Останавливаемся и в смятении смотрим друг на друга, не видя глаз, тень против тени. Начинает знобить. Что происходит? Кто мог унести из-под носа две котомки с такими рожищами и вещами? Людей мы услышали бы. Медведь? А вообще шум воды мог вполне помешать расслышать легкие шорохи.

Вспоминаю о маленьком электрическом фонарике, который все лето ношу в кармане куртки. Включаю, но, увы, батарейка так села, что красный глазок только скользит по поверхности травы, ничуть не помогая. Стоп! Может, мы спутали место, прошли куда-то в сторону? Решаем кружить и шарить наугад обеими руками почти на четвереньках. Сопим, кряхтим, чертыхаемся и кружим, кружим, кружим...

Не помню, кто первый наткнулся на панты и тут же рядом на другие. Просто-напросто, возвращаясь с речки, мы взяли на десяток шагов в сторону. Вот что значит спешка, жажда напиться и отдохнуть: пошли к реке, не оглянувшись, не сделав заломок, не взяв четких ориентиров. Казалось все слишком просто и близко.

Нет смысла описывать ночной путь до зимовья. Я шагал впереди, иногда включая фонарик, пытаясь посветить Валентину. Но энергии для накала лампочки хватало лишь на секунду-две, двигались, угадывая петляющую среди травы, валежин, кустов и камней тропку руками, ногами да палкой. Ноги держали плохо, шел первый час ночи, и мне казалось, что уже миновали поворот, когда слева у реки тявкнула собака. Мы присели, отыскали хитрый спуск к зимовью по свисающим корням деревьев: таежники не любят посторонних глаз — пусть, кому не следует, пройдет мимо, а свой должен найти.

И только обнаружили засекреченный лаз, как внизу, в зарослях, вспыхнул факел, послышались голоса, и среди них — нашего Василия.

Через несколько минут мы уже стояли у низкой двери таежного барака, видели освещенные коптящими смоляными факелами бронзовые бородатые лица хозяев и гладкое лунообразное — Василия Пака, их сверкающие глаза, белозубые улыбки. Мы, как по команде, поворачивались направо, налево, даже кругом, чтобы восхищенные зрители могли лучше разглядеть драгоценную ношу. Не скрою, эти минуты подарили нашему щеславию незабываемое и, наверно, заслуженное удовлетворение!

По восточному обычанию несколько дружеских рук освободили нас от груза, ружей, биноклей. Все внесли в зимовье, разложили на циновке. Чу-ёнгам торжественно засветил керосиновую лампочку, и при ее желтом свете зверобои еще долго со всех сторон рассматривали мощные многоконцовые короны. Налюбовавшись, вынесли в прохладу ночи и установили на крыше.

Василий вздул в топке кана огонь, поставил чайник, начал вытаскивать из сумки привезенную почту: газеты за две недели, несколько писем. Я расположился у лампы, прочитал одно, второе. Василий позвал пить чай, окликнул Валентина, но тот не отозвался. Он пристроился позади меня, и я был уверен, что великий сердцеед и донжуан зачитался посланием очередной «единственной и неповторимой», когда услышал странное посапывание и обернулся. Нет, он не читал. Зажав в руке долгожданное письмо нераспечатанным, мой друг, опрокинувшись навзничь на теплом кане, спал мертвцким сном! Ни письмо, ни ужин не могли заставить его проснуться. В этот момент я понял, что он действительно шел из последних сил.

Солнце едва взошло, но еще не заглянуло в узкую долину Сунгари, когда Валентин и Василий с пантами и выючной лошадкой отбыли в далекий Андохён. А чуть позже, в сопровождении Чу-ёнгама и его товарищей, выступил в обратный путь на Пяктусан и я.

И вот все позади, как сон. За свежевымытыми зеркальными окнами стремительно бегущего на север экспресса проносятся поля созревающей кукурузы и гигантского, способного скрыть всадника с конем гаоляна. А поодаль проплывают начавшие золотиться пологие сопки Маньчжурии. Ранняя осень — лучшая пора на Дальнем Востоке.

В белоснежной накрахмаленной курточке и сорочке с черной бабочкой вышколенный японец-бой ставит на столик вагона-ресторана запотевшую бутылку пива и учтиво, с приподыханием кланяется:

— Что будет угодно к завтраку? Омлет, кофе, тосты? Кари-райс?..

А я не могу оторваться от бегущих навстречу полей, лугов, речек, полотна виляющего параллельно шоссе и далеких гор на фоне бирюзового неба. Не покидает чувство нереальности и изумления: не нужно никуда шагать, тащить за плечами груз; ты в потоке цивилизации, которая увлекает в необыкновенно интригующее завтра, не заставляя тебя тратить силы. Одновременно где-то глубоко, подсознательно тешит мысль: нет, это не чей-то случайный великодушный подарок, это награда, закономерный результат твоей же с толком затраченной энергии.

Всей кожей ощущаю чистую рубашку и сшитый годом раньше в Шанхае «палмбичевый» летний костюм, невесомые, с дырочками прохладные ботинки. Рука все еще робко, но с удовольствием

поглаживает гладкую щеку: непривычно прикосновение к бритому лицу. Двухмесячная пяктусанская борода осталась на пропахшей горячими компрессами, кремами и пудрой простыне китайской парикмахерской, истрапанная охотничья «шкура» — в давно знакомой корейской гостинице «Пуксон-ёган». В бумажнике, во внутреннем кармане пиджака, — солидная пачка аккредитивов...

Такая резкая перемена места, одежды и мироощущения — одно из самых ярких, незабываемых впечатлений, которые дарует зверобоям «биг гейм» — крупная игра, как называют серьезную охоту англичан.

Кто видел, как змея, забравшись под камень, с наслаждением закатив глаза, сдирает старую кожу? Я не был змеей, но мне кажется, что в подобные минуты мы переживаем нечто схожее...

Мысли обгоняют скорый поезд Тумынь — Синьцзин, спешащий в новую столицу Маньчжуо-Го. Завтра буду гостить в комфортабельном коттедже у сестры Виктории: ее муж, старый друг Георгий Гусаковский, служит управляющим известной в Маньчжурии фирмы «Бриннер и К°» в Синьцзине. То-то будет рассказов и разговоров!

Но это только первый этап, главные события впереди. Уже послана телеграмма в Харбин; там, на вокзале, встретит важный, в фирменном мундире и фуражке с галунами, портье самого фешенебельного отеля «Модерн» на их модерновском лимузине. Номер в гостинице уже ждет. В регистратуре навстречу улыбнется прелестная девушка Таня:

«На сегодняшний вечер я вас похищаю. Едем танцевать в „Иверию“...» А на следующее утро — уютный яхт-клуб на берегу широкой многоводной Сунгари. Рядом у пирса — катера, белоснежные яхты, лодки, на одной из которых веселый «ходя»-перевозчик — доставит на поистине Солнечный остров, где знакомые загорелые девушки и ребята с утра до вечера режутся в волейбол, теннис, купаются, катаются на яхтах.

Пока все это еще впереди...

Хван-посу

На высокогорном Намсанском плато зацветали черемуха и голубика, легкий ветер приносил разлитые над каньонами запахи весны. Здесь было уже совсем тепло. Однако на западе, окаймляя эту горную область, в дымке мерцал еще совсем белый становой хребт Серен.

Мы с братом и Алексеем Петровичем Шин кропотливо укладывали рюкзаки для дальнего похода. Вьючные лошадки стояла во дворе уже заседланная. Известный на всю округу корейский охотник Хван сидел на высоком пороге своей фанзы, болтая с домочадцами о каких-то пустяках, будто его эти сборы совершенно не касались. Но ведь он тоже идет с нами и так же надолго... О чем он думает?

Старый скептик и брюзга Шин не выдерживает и с гримасой, полной нескрываемого презрения, цедит:

— Хозяин, солнца уже много, мы почти готовы. А когда ты начнешь собираться?

Хван живо оборачивается, запрокидывает голову и хохочет:

— Эх вы, охотники! Да я давно жду вас. Я готов!

В недоумении переглядываемся: а где его вещи?

Ведь мы не на день идем... Не думает ли он покинуть нас с полдороги?

— Вот они, мои вещи! — Он снова заливается заразительным смехом. — Разве у таежника может быть много барахла в походе?

Он вскакивает на короткие крепкие ноги и демонстрирует готовность. Закидывает за плечи карабин, завязывает на шее маленькое, серое от старости полотенце и сует в карман неразлучную трубочку. Кисет с табаком у него на поясе. Он готов!

Мы ошеломлены такой беспечностью, и мой занозистый брат не сдается:

— А одеяло у тебя где, как ты спать будешь?

— Как?

Хван, не задумываясь, падает на спину посреди утоптанного глинобитного двора, раскидывает в стороны руки и ноги, зажмуривает глаза и издает громкий храп. Потом открывает один глаз, серьезно смотрит на нас и спрашивает:

— Ясно?

Но вдруг хлопает себя по лбу, высовывает язык, вскакивает и кидается на кухню. Появляется оттуда с бронзовой корейской ложкой в руке. Сует ее в карман и бормочет:

— Вот это я правда чуть не забыл. Ну, теперь все. Пошли!

Так произошло наше первое знакомство.

Талантливый следопыт, прямой и честный, всегда жизнерадостный, энергичный, с большим чувством юмора, Хван оказался отличным товарищем. Небольшого роста, почти квадратный, с узкими глазками на бронзовом лице и копной жестких черных волос, он чем-то напоминал медвежонка; поражал силой, ловкостью и удивительной сообразительностью.

В первом же переходе подошли к бурной речке, мчавшейся по дну глубокого каньона. Все стали искать брод, рубить шесты, а Хван крикнул: «Смотрите, как надо!» — разбежался и, распластав, как ножницы, короткие ноги, летел с камня на камень — причем большинство камней лежало ниже уровня воды — и за несколько секунд пересекнул поток! Потом стоял и смеялся, глядя, как мы, по пояс в ледяной воде, с шестами пересекали коварную речку.

Позднее, когда строили зимовье, он брал на плечо, казалось, неподъемные сырье бревна и бежал с ними, словно танцуя.

Пожалуй, единственным недостатком этого незаурядного человека была его поразительная беспечность. Впрочем, это никому особенно не вредило. С годами мы крепко сдружились; много больших охот связало нас.

...Снова шла весна, мы готовились к широко задуманной экспедиции за пантами в район легендарного в Корее потухшего вулкана Пяктусан. И вдруг, как всегда неожиданно, появился наш старый приятель. Я привык видеть его в охотничьих доспехах, но сегодня он предстал в шляпе и парадном белом национальном халате с бантом на груди. Сделал церемонный поклон, пытался выглядеть важным, но верхняя губа знакомо сморщилась, он рассмеялся и стал трясти мою руку. Я обрадовался:

— Хван-посу! Вот кстати! Мы собираемся на Пяктусан, на пантовку. Заезжаем к истокам Сунгари, с маньчжурской стороны; поехали с нами на все лето: все три брата, Шин, Вальков, ты...

Он сделал протестующий жест:

— Нет, брат, не уговаривай. Мы тоже собираемся на Пяктусан, но с востока, с корейской стороны. На маньчжурской и вода темная, и люди темные — хунхузы. Там неспокойно. Ну их... я уже договорился с одним стариком. А сегодня — к старшему брату с большой просьбой.

Он был лет на десять старше меня, но в торжественных случаях любил прибегать к высокопарным, принятым в корейском языке оборотам.

— Просьба немалая: одолжи на лето свою вторую винтовку. Мой карабин совсем расстрелялся, да и патронов к нему мало.

Одалживать нарезное оружие строго воспрещалось, он это знал не хуже меня, но смотрел в упор и ждал. Мог ли я отказать после всего, что было вместе пережито?

Снял со стены пятизарядный спрингфилд и вручил вместе с патронами. Он принял оружие двумя руками, как подобает по старым корейским правилам вежливости, и низко поклонился:

— Спасибо, хенним. Ты не беспокойся, у Хван-посу оно бу детв порядке. И никакие ищёйки не пронюхают...

Он подмигну л, распахну лхалат, у крепилру жье под мышкой стволом вниз и снова пышно завязал бант. Мне стало ясно, что этот маскарад продуман заранее.

— Ну ,мне пора. Может, и встретимся где-нибу дьна Пякту сане,хотя горы там широкие... Много убивайте! (У корейцев нет русского «ни пуха ни пера».)

Вскоре выехала и наша гру ппа. Больше двух месяцев провели мы на склонах альпийских лугов и отрогах поту хшего ву лкана. Пякту сан был милостив — выдал пару могу чих пантачей. Измотанные, но удовлетворенные, в начале августа вернулись в Корею.

Я сидел на веранде своего домика в блаженном состоянии отмытого, побритого и переодетого после долгих скитаний человека, когда на дорожке показалась высокая фигура Шина. Алексей Петрович тоже преобразился: чисто выбритый, в легком летнем костюме, однако бросилось в глаза — чем-то сильно встревожен.

— Слыхали? Хвана привезли... Медведь подрал... Говорят — плохо! Он сейчас в фанзе на станции Шюоцу. Едем проведать, а?

Мы застали Хvana сидящим на высоком пороге фанзы, всего в бинтах, с неизменной короткой тру бочкой в руке. Он пытался встать, но его удержали. Сильный запах йодоформа, карболки и чего-то гниющего повис в воздухе. Хван силился у лыбну тьсяи пошу тить: об этом можно было догадаться по привычно искривившейся верхней губе — только рот и один глаз не были закрыты повязками. На перевязи забинтованная рука; шея и плечи укутаны, под распахнувшимся халатом пластыри и бинты на животе и ноге.

Потрясенные, смотрели мы на старого друга Хван-посу — Большого охотника, как уважительно звали его односельчане, несмотря на малый рост. А он, издав звук, отдаленно напоминавший привычный смех, довольно внятно произнес:

— Что, красивый? Теперь у ж ничего. А видели бы недели две назад, когда меня в госпиталь привезли... Валери-сан, не беспокойся, винтовка твоя цела — вон там в углу, спрятана в плаще. Чего стоите? Садитесь поудобнее, я расскажу, как мы боролись! Честно говоря, стоит послушать...

Мы сели, закурили, а Хван, слегка запинаясь, заговорил.

Взяв у меня винтовку, он через несколько дней добрался до последней деревушки и полицейского поста Нонсадон на восточной границе обширного Пякту санского плоскогорья. Местный охотник Ким, шустрой старикан, уже поджидал компаньона.

У Кима в тайге несколько надежно запрятанных избушек — он панически боялся хунхузов. И не без основания. Еще молодым его захватили в плен, требовали выку п.Назначенной су ммыне было, хоть продай фанзу, быка и даже жену... Клялся, но те разве поверят? Отрезали ухо, ночью голым привязали к дереву — на съедение комарам. Этой пытки никто не выдерживал, но пленник перетер веревки и бежал сквозь тайгу в чём мать родила.

Случай был далеко не единственным, старик предупреждал, что в этих местах нужно быть готовым к встрече с темными людьми. Однако беда пришла с другой стороны.

Начался сезон медвежьих свадеб. Это время страшных хороводов, когда возле одной самки

собирается по несколько самцов, часты кровопролитные драки. Даже хорошо вооруженному охотнику не следует опрометчиво открывать огонь по такой группе.

Утомленные самцы заваливаются спать и спят очень крепко. Нередки случаи, когда охотник, ничего не подозревая, подходит к спящему в густой траве медведю вплотную, и обычно убегающий от человека разбуженный зверь стремительно набрасывается на первого встречного...

Старик предупреждал о повадках пяктусанских медведей, но беспечный Хван, как всегда, отшучивался. Ружье носил на ремне за плечами, вместо кинжала на поясе — складной нож на веревочке в кармане брюк. Все ему ни почем!

С раннего утра обойдя настороженные ямы и петли, они возвращались в зимовье. Солнце поднялось высоко, стало жарко. Усталый и голодный, дед сильно отставал. Хван решил не ждать, поскорее добраться до табора и начать готовить завтрак. Оставив старика позади, он подошел к упавшему через ручей стволу лиственницы, служившему мостом. Невдалеке за ключом маячила избушка. Хван-посу с ходу вспрыгнул на вывернутый из земли корень и обомлел: из-под корня поднялся огромный бурый медведь! Они столкнулись нос к носу, стащить из-за спины оружие охотник не успел. Ударом лапы дальневосточный «гризли» сбил человека с ног и оборвал ремень винтовки, отлетевшей в сторону. Но Хван вывернулся и вскочил на ноги. Бежать? Он понял — это бесполезно: нагонит в два прыжка, схватит сзади и задавит, как мышонка. Одна надежда — кричать и бороться сколько хватит сил до подхода деда. Может быть, зверь испугается и убежит.

И он бросился не назад, а вперед, обхватил руками поднявшегося на дыбы гиганта, спрятал голову ему под мышку. Что есть мочи, упираясь, чтобы не быть опрокинутым, закричал во всю глотку: «Ким-ёнгам! Комиге таргетта! Сальгва чу!» (Ким-старец! Медведь напал! Выручай!)

Он понимал, что, подбежав, старый охотник должен увидеть лежащий в траве Спрингфилд и прикончить зверя. В крайнем случае у него с собой топор на длинной ручке — грозное оружие в опытных руках: трахнет сзади по черепу — никакой колосс не выдержит. Вспомнил о ноже, но если одной рукой довольно просто выхватить из-за пояса кинжал, то вытянуть из кармана складной нож и раскрыть его в таком положении невозможно.

Они боролись стоя, топчась на месте. Сам как дубовый пень, Хван-посу все же не мог долго сопротивляться. Всему есть предел: он оступился и упал, угодив головой между задних ног медведя.

— Вот где смрад! Думал задохнусь, ха-ха...

И все-таки, не сдавшись, стал брыкаться, как вдруг почувствовал сильную боль выше колена, потом внизу живота. Собрав все силы, вырвался на мгновение, вскочил, снова закричал, но тут обрушился страшный удар лапой по голове.

— Упал я, ничего не вижу, только слышу: «уду-ду, уду-ду, уду-ду!» — ухо мне отрывает и шею рвет...

Глаза уже ничего не видели, кожа на лбу разорвана, кровь залила лицо. Чувствуя конец, Хван снова закричал диким голосом:

«Старик! Дед! Погибаю! Выручай!!!»

И на этот раз где-то далеко тот отозвался: «А-ууу...»

Этот звук услышали оба. Зверь бросил охотника, приподнялся на дыбы, фыркнул и кинулся на голос деда! Хван использовал передышку. Обтер рукавом глаза, осмотрелся. Заметил под корнем лиственницы углубление вроде норы, подполз на четвереньках и влез туда до половины: голову и плечи спрятал. Может быть, не вернется? Но вскоре услышал, что зверь возвращается. Вспомнил, что медведь убитых сразу не ест, — и замер. Упал лицом в землю, стараясь не дышать. А тот, подойдя вплотную, поставил лапу охотнику

на поясницу и долго обнюхивал спину. Хвану казалось, что ребра и позвоночник не выдержат этой тяжести. Собрав все душевые силы, молчал, стараясь не шелохнуться. Мыслей не было.

Но вдруг лапа ушла, он смог осторожно вздохнуть. Услышал шорох: полетела земля, трава, листья... Раненый понял: зарывает. Значит, рвать больше не станет, вернется, когда добыча протухнет. И застыл, действительно как мертвец. Услышав удаляющиеся шаги, осторожно вытянул шею, выглянул. Огромный лоснящийся медведь уходил вразвалочку, не торопясь. Эх, сейчас бы под рукой ружье!

Все было мокро под ним от крови. Стал понимать, что может обессилеть и не встать. Кое-как поднялся, взял палку, перебрался через ручей. Добрел до зимовья. Надеялся, что старики уже там, поможет, но его в избушке не оказалось.

Порвал зубами рубаху и полотенце, кое-как обмотал раны, упал на нары и потерял сознание. Когда очнулся, уже вечерело. А старики все нет. Нашел сухую крупу, пожевал, напился воды и опять упал.

...Совсем под утро, когда слегка светало, услышал голос: «Хван-посу, Хван-посу! Вставай!» С трудом сел.

Посреди зимовья стоял старики. Но не Ким-ёнгам, а совсем незнакомый. Высокий, длинная седая борода. В руках палка. Гость тихо, но внятно произнес:

— Ты Кима-охотника не жди. Он не придет. Хочешь оставаться жить — вставай и иди на восход солнца. Иди сколько сил хватит. Дойдешь — жить будешь.

Сказал и вышел — как растаял...

Светает в окошке. Попытался встать. Боль во всем теле невыносимая, тряпки присохли, все тянет, жжет... Сцепил зубы, решил идти, как указал старец. Большое доверие к нему почувствовал.

Выбрался наружу, подобрал крепкую палку, заковылял. А на восход солнца — как раз мимо того места, где медведь калечил. Снова перебрел ручей, поровнялся с корнем. Вокруг вся трава измята, в крови. Глядь, в трех шагах и винтовка с оборванным ремнем! И, как ни тяжело, связал ремень, повесил на плечо Спрингфилд. «Эх, был бы он вчера не за плечами...»

Всего сотню шагов отошел, увидел стаю сорок. Что-то долбят, копошатся в траве. Приблизился — взлетели, застrekотали, расселились по кустам. Подошел, смотрит — в кустах, скорчившись, старый Ким сидит. Дремлет. И сумочка плетеная за спиной, и топор на длинной ручке в ней, как был. Только кусты рядом примяты.

Хотел было окликнуть, нагнулся, тронул за плечо, а он окоченел... мертвый. И тут заметил сзади на шее рваную царапину, а из нее согнутый крючком обрывок белой жилы торчит. Догнал, значит, вчера деда медведь, когда тот откликнулся. Сбил с ног, хватил когтем по шее и... вырвал жизнь вместе с этой белой жилой.

Хван перевел дух, забросал, как мог, напарника травой и ветками, чтобы птицы совсем не склевали, двинулся дальше.

Долго, ой долго тащился навстречу солнцу! Садиться боялся — можно не встать. Отыхал, прислонившись к дереву, закрыв глаза. Уже совсем высоко поднялось солнце, и день такой погожий, а жизнь с каждым шагом уходит, в глазах темнеет. Но где-то вроде слышится голос ночного странника: «Иди на восход, пока сил хватит: дойдешь — жить будешь...» И брел дальше. А когда показалось, что все, нет больше сил шагать, вдруг почувствовал твердое и гладкое под ступней. Глянул под ноги — он на тропе!

Понял, что куда-то выбрался, и сразу обмяк, съехал на землю под огромной лиственницей, оперся о ствол спиной, поднял глаза к небу. Плыют по нему белые облака; потекли за ними смутные мысли: «Вот

тропа, а дальше что? Это длинная дорога, конца края ей нет... С запада на восток пересекает все огромное плоскогорье среди бесконечного леса и полей, усыпанных синей голубицей. Порой по ней неделями не проходит ни один человек...»

Опустил отяжелевшие веки.

Сколько просидел — сам не знает. Только вдруг — то ли в самом деле, то ли в ушах зазвенело: дзинь-дзинь, дзинь-дзинь! Подумал — смерть приближается; открыл глаза: движется по тропе выночная лошадка, а за ней два человека. «Хунхузы!» — хотел по привычке взяться за винтовку, но она сползла с плеча, лежит рядом на дорожке, а поднять сил нет... «Убьют! Из-за этой же винтовки и убьют!» От отчаяния и бессилия впервые за много лет выкатилась слеза. А те приближаются, приближаются, уже совсем близко. Снова поднял глаза — корейцы! Остановились, смотрят в растерянности: больно ужасен вид обвязанного кровавыми тряпками человека.

Подбежали: «Кто, откуда? Что случилось?»

Едва объяснил, что напал медведь, что погиб старик, что пробирается в Нонсадон, и вот...

Незнакомые люди сбросили свои выюки, спрятали в зарослях, приторочили к выночному седлу почти бесчувственное тело и, придерживая, довезли до поселка. Оттуда, уже грузовиком, доставили в госпиталь в Мусан.

— Сильно все гноилось... Запах стоял — врачи отворачивались! Потом удивлялись — крепкий, говорят, организм: девять из десяти отправились бы на небо, ха-ха... Что, и сейчас пахнет нехорошо? Я-то уже привык. Давайте закурим. Валери-сан, дай сигарету, трубку одной рукой набивать неловко...

Мы только головами покачивали во время его рассказа.

— Хван-посу, а как со стариком? Так и остался в лесу на съедение зверям и птицам?

— Нет, родственникам я сумел сообщить, где его искать. Слышал, нашли, похоронили в деревне. Жаль, хороший был дед. А впрочем, сам виноват: струсил. Кабы не стал удирать, как заяц, кинул бы сразу на выручку, мы этого бурого вдвоем запросто уложили бы, без потерь. А он бросил товарища в беде и поплатился. За такое Сан-Син всегда наказывает...

— А тот, с белой бородой, кто?

— Того, друзья, совсем не знаю, но век не забуду. Если б не он, гнил бы Хван сейчас под Пяктусаном.

Пришла зима, и снова мы все вместе оказались на охоте. Только на этот раз на любительской, неподалеку от дома. А поэтому с нами прибыли все наши охотницы: жены, невесты, сестры. После дня ходьбы по крутым горам и глубокому снегу все приятно утомлены. Умылись и поужинали. Чудесно развалившись на циновках теплого кана в просторной и гостеприимной фанзе. Настроение отличное. Наши амazonки горды результатами дня: при их участии взят кабан и пара коз. Лица горят после морозного дня.

Это час чаепития и охотничих историй — так заведено отцами и дедами. Сегодня большая компания слушает Хvana. Попросили рассказать о поединке с медведем, а рассказчик он бесподобный. С лоснящимся после ужина лицом, он сидит на высоком пороге, отделяющем нашу гостиную от кухни, битком набитую жадными деревенскими слушателями.

Вытирая неизменным полотенчиком потное бронзовое лицо и темпераментно жестикулируя, Большой охотник с непередаваемым юмором в лицах повествует:

— Схватились мы, как два борца на празднике Танэ. Только руки у меня короткие, а он очень толстый — не мог его обхватить как следует. Но, честное слово, я долго боролся! Упираюсь и ору: «Старик, медведь

давит, выручай!» — а тот не является. Потом нога попала в ямку, я упал... Угодил меж задних ног... — Хван делает ужасную гримасу. — А как схватил меня за ухо, будто водопад обрушился: уду-ду! уду-ду!!! Ха-ха-ха!..

Смеялись все, и веселее всех сам Хван. Однако мистика и суеверие — неизменные спутники всех азиатских таежников: вдруг стал серьезным.

— Я много думал об этом и скажу так: Ким-посу погиб не случайно, была за ним большая вина. Еще в начале охоты говорил, что имеет поручение доставить какое-то важное письмо в монастырь, что стоит на берегу священного пяктусанского озера. Взялся, а не выполнил. Далеко, конечно, несколько дней ходьбы, но главная причина не в этом: уж больно старый хунхузов боялся! Не доставил — сжег письмо. Сказал: «Никто не узнает». А я так и думал — худо будет.

Пяктусанский Сан-Син рассердился, послал медведя. Я же случайно попал, поэтому дух меня пожалел, в лице белобородого научил, куда идти. И с людьми свел. Но чтоб не забывал, что человек, особенно в тайге, должен держать слово, посланец — медведь — оставил эти метки. Вот, смотрите...

И, засучив со свойственной ему непосредственностью штанину, а потом рубаху, Хван с гордостью показал рваные бело-розовые шрамы на ноге, шее, руке и животе. Пятый наискосок пересекал широкий лоб.

Эльдорадо

На эту весенне-летнюю охоту, в основном на изюбра, мы отправились вчетвером: родившийся в России, большой друг нашей семьи, пожилой кореец Алексей Петрович Шин (в шутку мы звали его Старый Таза), мой товарищ Валентин Вальков, я и подряженный нами помощник, корейский поселенец Пак.

Нам повезло. Не успели перебраться на новое место, как Валентин свалил крупную матку с лутаем, и мы окрестили эту долину «Эльдорадо». Он отправился на лесоучасток просить вагонетку, на которой повезет добычу на станцию, а мы с Шином решили обследовать сопки вниз по течению главной пяди. Вышли до рассвета, ощупью добрались до полотна узкоколейки и зашагали по обочине. Начало слегка светать. Вдруг, как всегда неожиданно, Старый Таза махнул рукой:

— Ну, я пошел! — и раскорячкой сполз с насыпи. Я улыбнулся, уже зная, что это означает: «Если сказать заранее, он может услышать, понимаете ли...» Кто он — горный дух или зверь? На такой вопрос ответа не было. Этого суеверный старик не объяснял.

Продолжая идти вдоль рельсов, я чуть не перешагнул через следы двух изюбрей, пересекших полотно слева направо. Присмотрелся: срезанная копытами на спуске земля была сырой и рыхлой — значит, прошли совсем недавно. Пригибаясь, я разыскивал следы все дальше и дальше. Звери начали подниматься на поросший сочной травой склон горы, покрытой кустарником и куртинками дуба.

Патроны к английской винтовке оказались на исходе, в это утро я взял свой шестизарядный маузер. Держа его в руках и медленно распутывая следы, едва достиг половины склона, как из-за кустов выскочила серо-рыжая изюбриха. Прицелился уверенно, но в волнении забыл, что маузер бьет выше. Пуля взрыла землю над спиной зверя, он прыгнул и скрылся. Я стоял разочарованный, когда появился второй изубр. Учтя первый промах, взял пониже и уложил на месте. То оказался молодой бык с тонкими, неправильной формы пантами. Но все-таки удача.

И тут вспомнилось: вскоре по узкоколейке должен проехать Валентин, надо отдать добычу ему, пусть

везет все вместе. Отхватил хвост, отрезал голову с пантами, уложил в сетчатый рюкзак и запрыгал с горы. До полотна оставалось еще сотни две шагов, когда послышался звук катящейся вагонетки, и она вынырнула из-за поворота. Валентин с мешком сидел на открытой платформе, возница примостился сзади, придерживая палку-тормоз.

— Ого-го! Валентин!

Нет, не слышит: вагонетка сильно стучит колесами на стыках рельсов. Они миновали меня и начали удаляться. Что делать, не ехать же завтра следом в этакую даль?

Выстрелил в небо — безрезультатно; они все дальше. И вдруг поровнялись с канавой, заполненной стоячей, как в болоте, водой. Последний шанс: вторая пуля ударила в зеркало болотистой жижи, взметнув брызги рядом с платформой!

Валентин вырвал у китайца тормозной рычаг, застопорил, скатился в кювет и щелкнул затвором: он принял мой сигнал за нападение. Я расхохотался, закричал, чтобы подождали, и бегом настиг вагонетку.

Он, уже улыбаясь, показал кулак:

— Черт, думал хунхузы. Ого! Что это? Когда ты успел?

Я передал свои трофеи, и мы расстались.

Первая половина мая прошла, а главная цель — полноценные панты — все не была достигнута. Теперь наш день был разбит по летнему расписанию. Майские ночи коротки, вставать приходится в три утра. Захватить пасущимся такого хитрого и осторожного зверя, как изюбр, можно только на утренней или вечерней заре. Поэтому возвращались с утренника часам к десяти, умывались, завтракали и снова ложились спать. Потом обедали и уходили на вечернюю зарю. И все равно пантачи оставались неуловимыми.

Завершив утренник, я обходил разведкой вершину так приглянувшейся Долины Эльдорадо, когда неожиданно наткнулся на очень старое брошенное жилье. Много лет назад здесь был маленький укрепленный поселок. Прилепившись у подножия сбегающего в долину горного кряжа, стояло несколько полуслгнивших построек, окруженных неглубоким рвом и глинобитной стеной. На прилегающую к этой крохотной крепости высотку зигзагами вела размытая тропинка; наверху сохранились остатки сторожевой вышки. Маленький лесной поселок-форт выгорел и был давно брошен неизвестными обитателями. Черные, полуразрушенные, с провалившимися крышами постройки казались скелетами, кругом поднимались заросли сухой прошлогодней и свежей полыни.

За годы отсутствия человека ветер услужливо нанес пушинки-семена душистого горного тополя, вся площадь поселка успела покрыться зарослями молодняка. Деревца заполнили дворы, кое-где проткнули полуобрушенные кровли.

Меня всегда волнует заброшенное человеческое жилье. Не вековые развалины — из них давно выветрилось все живое, но такое, где жили люди одного со мной поколения и еще видны следы разрушения. Когда брошено жилье, можно определить по выросшим во дворах деревьям. Мне кажется, среди этих руин еще живы души тех, которые любили, радовались, надеялись, горевали и плакали. Мужчины сидели вечерами на завалинках, дымили трубками, женщины выводили гулять детей, судачили. И все это происходило тогда, когда и ты жил где-то, далеко или близко...

И бьется вопрос: почему, зачем, что заставило их покинуть насажденное гнездо? Вырубили лес? Нет, он совсем рядом. В реке полно рыбы, в горах — зверя.

Пожар, землетрясение, наводнение? Нет, следов катастрофы не видно. Вероятно, все-таки хунхузы...

Я задумчиво бродил среди развалин и внезапно остановился: на глинистой почве одного из двориков след изюбра! Потом второй, третий... Следы были разной давности, это говорило, что они не случайны, что-то привлекало сюда осторожных зверей. И это «что-то» — оставленная человеком соль, запасы золы и пропитанная всем этим земля — мощные искусственные солонцы, которые всегда так манят к себе копытных.

Стал осматривать все уголки руин и в нескольких местах нашел вырытые копытами ямки и обсосанные губами края саманных стен. Отдельные следы приводили в полуразрушенные помещения: звери уже считали развалины своей кладовой. Следы ручейками стекались к проломам в крепостной стене, служившим входом для лесных посетителей. Рвы оплыли от времени, преодолеть их уже не составляло труда.

Тщательно обследуя местность, убедился, что здесь хозяйничало несколько самцов-изюбров, несомненно взрослых пантачей. Понял, что открыл золотую жилу в Долине Эльдорадо! Сердце забилось, рисовались картины встреч...

Поднялся по заросшей дорожке к остаткам караульного поста. С этого места, где когда-то, наверное, стоял таинственный часовой, между кромкой тайги и глинобитной стеной, опоясывавшей мертвый поселок, изумрудная болотистая низменность просматривалась на несколько сот метров. Здесь я и решил устроить свой наблюдательный пост.

Через два часа был на таборе. Шин и Вальков уже позавтракали и легли спать. Пак возился по хозяйству. Я рассказал о своей находке, мы взяли топор, пилу и отправились к разрушенному поселку. Из остатков сохранившихся досок быстро соорудили низенький двухскатный шалаш на одного человека. После наступления темноты я мог там спать до утренней зари, спастись от дождя.

Закончив работу, закурили, — Пак долго осматривался.

— Хорошее место. Кто-нибудь непременно придет на солонец вечером или утром. Я буду слушать: выстрел должен донестись к нам по долине. Сейчас пойду, чтобы запах успел выветриться до вечера. Сонзами, мани чабусио! (Учитель, много убивайте!) — Он собрал инструмент и скрылся за кустами, спускаясь по размытой тропинке.

Наступил вечер. Прекрасный ясный вечер с розовыми облаками на западе, сквозь которые багровый диск солнца опускался за щетинистый горизонт далеких гор. Я сидел в трех шагах от входа в спрятанный в кустах балаганчик, у высокого пня, на который облокотил хорошо пристрелянный маузер.

Как всегда на закате, начал злобствовать гнус. Комары и мошка огнем жгли руки и лицо, патентованное зеленое мыльце помогало не надолго. Опустить накомарник я не решался — видимость и без того становилась все хуже. В засаде резких движений делать нельзя; мысленно шепча проклятия, я давил комаров вежливо и деликатно, однако через несколько минут ладони стали липкими от собственной крови.

Наконец выносить пытку стало невмоготу, я спрятался за пень, накинул накомарник на затылок и шею. Сжал зубы: «Терпи, скоро наступит ночь, можно будет скрыться в балагане до утренней зари...»

Хорошо, что мысли и мошка не мешают слушать. Далеко внизу ухо уловило какой-то звук: то ли переломилась ветка, то ли под чьей-то ногой чавкнуло болото. Я осторожно выставил голову и... увидел ЕГО!

Огромный рыжий бык уверенно шагал через болото, направляясь к одному из проломов в старой стене. Он был еще метрах в двухстах, но шел прямо, как по шнуре, не оглядываясь по сторонам. Над ушами едва различимы невысокие темные панты.

Воодушевленная моим внезапным равнодушием, моска с остервенением впилась в уши, шею, лоб. Я чувствовал ее прикосновение, но боли уже не ощущал. Берег только глаза, они теперь были нужнее всего.

Тихо потянулся и взял в руки маузер: «Не подведи!» Я предусмотрительно с вечера подкрасил белой эмалевой краской мушку винтовки, это сейчас очень пригодилось. Бык проходил мимо моего поста, внизу, метрах в полуторастах. Я свистнул. Он остановился и прислушался. С темно-зеленого фона сумеречного болота беленькая мушка маузера переползла на рыжебурый бок изюбра. Трах! — еле заметный язычок пламени, как из пасти змеи, на мгновение выплеснулся из кончика ствола, слегка ослепив. Бук! — явственно для тренированного уха донесся звук удара пули в бок животного. Бык дрогнул, но продолжал стоять, чуть шире расставив ноги и слегка пригнув голову. Вторая пуля нашла точку левее, ближе к лопатке. Он подпрыгнул, сделал несколько больших скачков, описывая дугу слева направо, и рухнул на правый бок. Я вскочил на ноги, схватил лежавшие в стороне веревку, сетчатый рюкзак и прямо сквозь кусты ринулся с горы.

Оказывается, немного поторопился. Сзади первого в зарослях речушки стоял второй. Вероятно, еще немного, и он тоже вышел бы на поле. Сейчас он издал глухой низкий лай — «боу-боу-боу!» — стали слышны его удаляющиеся прыжки. Но это не так уж огорчило. Я кубарем скатился с горки к рыжему пятну, замершему среди высоких кочек.

Приподнял огромную рыжую голову и с минуту любовался сочными драгоценными пантами. Розовато-серые, покрытые нежным пухом, они грели ладони и учащенно бившееся сердце... Вот они, панты, у меня в руках!

Широкий и острый, как бритва, охотничий нож делает глубокий надрез. Резкий поворот, сухой треск — и лезвие легко отделяет величественную голову... Она уже стоит на высокой кочке!

Укрывать посреди болота тушу нечем; ничего, до утра может полежать неприкрытой; вороны уже спят, лишь бы не учゅял хищник. Да это и не главное. Бережно ставлю голову в раскрытую сетку, привязываю к уху, чтобы не потерять в темноте, хвост. Осторожно затягиваю сетку, выпуская мягкие панты через ячейки наружу, чтобы не терлись, продеваю в лямки руки и встаю. Ноги слегка дрожат от возбуждения, слышу, как что-то теплое катится по пояснице, но это нисколько не страшно, не противно, — сейчас и вес головы приятен.

Смотрю на часы. Часа два придется шагать в темноте, но это тоже не беда: помню невдалеке старую тропу. Сейчас волнует другое, немного, конечно, мальчишеское тщеславие: вдруг, когда дойду, все уже будут спать и никакого эффекта не получится? Только бы еще не спали... А может слышали выстрелы?..

Ни кочки, ни рытвины, ни предательские в темноте лужи не раздражают, кажется, за спиной не тяжелая голова, а мощные орлиные крылья!

Шагаю, шагаю... Перехожу на ощупь выше колена студеную речку, преодолеваю последний маленький подъем и прибрежные тальники: светится красноватым светом маленькое окошко барака! Я совсем не устал, прошагав в темноте несколько километров с тяжелой ношей за плечами. Перевожу дух и тихо открываю дверь...

Пак сдержал слово. Он готовил ужин на улице, слышал на закате два выстрела, и теперь, конечно, никто не мог заснуть.

Первым увидел меня маленький китаец по кличке Краб, прибывший недавно с Валентином. Войдя, я сделал полный поворот так, что голова с пантами оказалась перед зрителями. Китаец вскочил, потом упал на колени, сложил молитвенно руки, поклонился в медвежьи и изюбринные шкуры, на которых все сидели, и забормотал: «А-я, фацай, фацай, фацай!» (Прибыль, прибыль, прибыль!) Пак и Валентин машинально сделали то же и так же прошипели: «Фацай, фацай...»

Непробиваемый Старый Таза — Алексей Петрович Шин — несколько секунд молчал, но потом и он не выдержал: сделал жест приветствия и тоже поклонился.

— Фацай, фацай... молодец! Вот это понимаю — панты, понимаете ли... Чудно-прекрасный, в самый раз...

Он любовно, осторожно провел пальцами по тугим мягким отросткам. Пак и Краб наперебой старались снять с меня ношу.

Красивыми ловкими пальцами Шин нащупал внутренний перелом у одного из трех отростков правого панта и артистически вогнал в поврежденное место длинную стальную иглу. Нежная кожа сошлась, поглотив протез, отросток встал на свое место. Налюбовавшись пантами, вынесли голову в прохладный тамбур и на всякий случай задвинули ржавый засов.

Утром открытая вагонетка, постукивая по узеньким рельсам, катила меня вниз по сказочно прекрасной долине. Луга утопали в желтых и красных лилиях, болота — в ирисах, от густо-лилового до сине-фиолетового; склоны гор осыпаны ландышами с вкраплениями орхидей; буквально некуда ступить, чтобы не растоптать эту красоту. Навстречу бегущей вагонетке легкий ветер нес незримое облако ароматов весны. Невольно подумалось: если люди ищут где-то рай, то сегодня он, конечно, здесь, в цветущей долине Сахаджана...

Сахаджанский тигр

Май выдался на редкость удачливым.

Ведь даже зимой, при снеге, случается немало пустых дней, а тут успех сопутствовал нам: среди распустившейся зелени мы добыли уже более десятка изюбров и медведей.

Неожиданно явилась делегация от лесоучастка. Лесорубы просили защитить от тигров, уверяли, что недалеко от поселка появились три хищника. За два дня задавили двух лошадей и быка, люди боятся выходить в лес на работу. Посланцы рассказали, что тигры избрали своей резиденцией большой распадок за поселком, никто не рискует к нему приближаться.

Выследить тигра летом — дело немыслимое, но не откликнуться мы не могли. Специально присланный трактор с вагончиком доставил нас на знакомый таежный участок, все высыпали встречать. Передохнув, мы двинулись в тот «самый страшный распадок» и поставили палатку на небольшой полянке среди роскошного пойменного леса в нескольких километрах от поселка.

На тропинке и на песчаных берегах речки еще по пути к стоянке обнаружили следы, действительно разной величины: определили присутствие не менее трех зверей. Один был огромен и держался отдельно от других.

Прошло несколько дней. По просьбе лесорубов добыли несколько кабанов, которых в это время года без необходимости вообще не стреляли. Возможно, в результате стрельбы нападения на поселок прекратились, но круглые следы различных размеров на грязи и песке встречались по-прежнему часто.

Валентин за чем-то ушел на участок и там заночевал. Пак всегда оставался сторожить палатку, а мы с Шином вышли на утренник вдвоем еще в темноте. Договорились идти параллельно друг другу на запад, держась против ветра. При этом направлении утренние лучи солнца не бьют в глаза.

Мне выпало идти правее, по возвышенности; Шин должен был держаться слева, пересекая мелкие распадки. Трава уже стояла в полколена. По пояс в росе, сыпавшейся с кустов, я тихонько шагал в

предрассветном лесу, стараясь обходить поля мерцающих под ногами ландышей. На хребтике лес поредел, стало светло. Первые солнечные лучи окрасили палевым светом вершины высоких гор.

Меня удивило поведение ворон, пикировавших с горы в такой ранний час. Они не каркали, но одна за другой бесшумно опускались в распадок, следя в одном направлении. Подошел ближе и остановился. Странный шум донесся со дна оврага: треск, похожий на тот, что возникает при сдирании древесной коры. Я замер, вытянув шею. Звук повторился более явственно, он шел снизу, от ствола черного обгорелого дерева, торчавшего среди зелени высоких кустов шагах в ста ниже меня. Показалось, что большой куст прикрывавший основание дерева, шевелится... Тихо вынул и навел бинокль. Да, куст дергался, шум исходил именно оттуда.

В этих горах мы часто встречали деревья, разодраные медведями в поисках меда диких пчел. «Медведь нашел улей в этом старом дереве и отдирает когтями щепу, подбираясь к меду... Рано или поздно он где-нибудь покажется, лишь бы не учゅял», — подумал я.

Между зеленью мелькнуло что-то черное. Маузер у плеча, на боевом, жду. Медленно всплыла черная ушастая голова на фоне яркой зелени: очевидно, зверь тоже прислушивался, но смотрел куда-то вниз распадка. Я тщательно прицелился и выстрелил.

Раненый обычно прыгает, бьется или убегает, а медведь еще громко ревет. Но этот не шелохнулся, не пискнул. Просто исчез, как провалился куда-то.

Я постоял минуту, две, три — никто не шевелился, не бежал. Это было подозрительно. Однако ничего не оставалось, как спуститься вниз, выяснить, что произошло.

Тихо-тихо, палец на спуске, раздвигая концом ствола росистые ветки кустов, приблизился вплотную к обгорелому дереву, но ничего не увидел. Постояв и прислушавшись, мягко отклонил последний куст и вздрогнул: прямо передо мной торчало крупное кабанье копыто!

Галлюцинация? Стрелял в черную голову медведя, откуда кабан?

Шаг — и я поражен еще больше: поперек секача-кабана, придавив его могучим телом, лежал большой гималайский медведь! Но тут я увидел разодранный, развороченный бок вепря и все понял. Медведь только что драл крепчайшую шкуру секача: вот что я принял за треск древесной коры.

Взял за мохнатое ухо и повернул набок большую лобастую голову. Пуля вошла в затылок и вышла ниже подбородка. Она оборвала жизнь мгновенно, видимо, он не вздрогнул...

До сих пор я полагал, что на копытных нападают только бурые медведи. Странно. И тут вспомнил: Валентин говорил недавно о раненом секаче; возможно, этот прожорливый «гималаец» нашел его издыхающим или уже мертвым. Но факт — он ел кабана уже не первый день. Все брюхо и заднее стегно съедены. Медведь спал тут же рядом, отпечатав в траве свою лежку, и часто ходил пить на ключ, выдавив на косогоре целую лесенку.

Я услышал долетевший по распадку легкий свист. Дал в ответ два коротких: «Иди сюда». Скоро над кустами замаячил поднятый на фуражку темный накомарник Шина.

— Кого стрелял? А-а, медведь? Ну и здоровый! Давайте сразу обдирать.

Как часто бывает в это время года, самое дорогое — желчь оказалась небольшой, но шкура была очень хороша и сам зверь упитан, несмотря на голодное для медведей время — начало лета.

Нелегко обдирать большого жирного медведя. Солнце вышло из-за горы, нещадно жгло затылок. Когда сняли шкуру и разделили тушу, мне вдруг стало плохо, очевидно, получил солнечный удар. Шин велел лечь в тень, принес воды, а сам пошел на участок за носильщиками. Я пластом пролежал часа три-

четыре, но к приходу людей отошел настолько, что мог идти самостоятельно. Пять здоровенных лесорубов едва унесли сложенные в мешки ярко-красное мясо и шкуру. Мы взяли только небольшой кусок мякоти, желчь и коленные чашечки — ценное азиатское средство против ревматизма. Под вечер вернулись в палатку.

Все эти дни стояла отличная погода, а утро девятого июня было особенно тихим и ясным; в такое утро звуки долетают издалека очень четко. Накануне Шин рассказал, что разглядел в бинокль на поляне в горах большого пантача, но подойти на выстрел не сумел. Изюбр скрылся.

Охотились мы всегда в одиночку, но выходили одновременно. Сегодня же старик, поднявшись до рассвета, никого не дожидаясь, не сказав ни слова, исчез в темноте. Однако к его чудачествам все давно привыкли: не иначе видел веющий сон...

Описав по горам большую дугу, я спускался в направлении палатки, считая утренник законченным. Первые лучи окрасили вершины деревьев, переползли на траву и цветы: я с сожалением топтал сплошные ковры ландышей. Где-то закукала кукушка... И вдруг — пак-ххх! — перепрыгивая из оврага в овраг, длинно раскатился одиночный выстрел.

Шин? В его стороне... Неужели нашел вчерашнего пантача? Долго стоял, прислушиваясь, однако ни звука больше не родили примолкшие горы, и я сбежал в падь.

Среди зелени перед палаткой вился сизый дымок, на таганке парили чайник и кастрюля, приглашая к завтраку. Пак и Валентин тоже слышали далекий выстрел.

Обычно садились есть, когда собираются все. Мы умылись, протерли и смазали после утренней сырости винтовки. Ждали около часа. Наконец из-за деревьев показалась высокая фигура в куртке цвета хаки. Наш компаньон ничего не нес за плечами, но приближался с таким выражением, которое говорит лучше слов: мы сразу поняли — случилось что-то необычное...

— Как? Что? Кого стреляли? — три вопроса обрушились почти одновременно. Но невозмутимый сын славного Син Солле молча прислонил к дереву винтовку, опустился на валежину и закурил. Он не удостоил нас ответом... Потом повернул голову в сторону и, глядя в пространство, сказал без выражения, ни к кому не обращаясь, всего два слова: «Тигра ранил...»

Летом, среди такой чащи — тигра?

— Где? Когда? Как? — все вскочили на ноги.

Наконец Шин заговорил.

Он уже шел к табору, спускаясь по длинной стрелке, упирающейся в поляну, поросшую высокой травой. Прямо посередине поляны увидел рыжий предмет, который сначала принял за лежащего изюбра, но потом в бинокль различил черные полосы и решил, что это обломок упавшего толстого дерева с выгоревшими во время весеннего пала черными пятнами. Однако по многолетней привычке еще раз навел бинокль и поразился удивительной симметричности этих черных полос...

Шин не мог поверить своим глазам. Он не допускал мысли, что такой дьявольски хитрый и осторожный зверь может лежать при свете дня на совершенно открытой травянистой поляне, как кот на ковре гостиной. Но слишком уж ярки были краски, правильны интервалы и направление полос...

Длинная японская арисака была у плеча, предохранитель сдвинут на боевой взвод. Не спуская глаз со странного предмета, Шин нащупал под ногой сухой сук и надавил. Раздался треск переломленной ветки, и вдруг бревно ожило: огромная рыже-черная голова поднялась из травы и медленно повернулась в его сторону: «Кто посмел нарушить дрему повелителя дальневосточных джунглей?»

Хищник был настолько самоуверен, так привык к трепету любого зверя и человека, что не счел нужным подняться. Он грозно смотрел на застывшую вдалеке фигуру, но не видел маленькой круглой дырочки, нашупавшей его крутой бок. Он был сыт, и ему было лень даже рыком напугать это легкомысленное двуногое существо...

Но тонкая шестимиллиметровая пуля вдруг прожгла бок слева направо!

Шин говорит: тигр оглушительно рявкнул, опрокинулся, но моментально вскочил и, в три прыжка достигнув леса, исчез, растворился в нем. Некоторое время доносился шум прыжков, ломаемых кустов, потом все стихло. На месте лежки Шин обнаружил кровь, рядом — крупную голову и остаток медвежьей лапы: видимо, властелин отдыхал после обильного завтрака.

— Такого следа, понимаете, за всю жизнь не видел... Как моя шапка! Лезть за ним в лес один не рискнул. Если ранен смертельно, пусть сам кончится; в общем надо идти теперь всем втроем...

На этот счет иного мнения быть не могло. Раненого, даже небольшого тигра и зимой, когда на белом снегу все относительно хорошо и далеко видно, очень опасно преследовать в одиночку. А летом, в густой и непролазной чаще, равносильно самоубийству.

Мы быстро позавтракали и стали собираться, но неожиданно возникло непредвиденное препятствие: Пак в панике категорически отказался оставаться в палатке. До чего велик ужас лесных людей при одном упоминании о раненом тигре! До этого он спокойно наблюдал следы на тропе и на берегу речки, но теперь стал неузнаваем.

— Вам хорошо, вы все с оружием, а я? Он разгневан, придет без вас сюда и отомстит за свою рану — сожрет меня!.. Валери-сан, дайте ваш пистолет, пойду вместе с вами...

У меня действительно был восьмизарядный браунинг калибра 32, который держали заряженным в условленном месте, ибо пистолет для обороны может оказаться полезнее винтовки. Но как дать его Паку? Что, если в момент нападения хищника он с перепугу откроет беспорядочную стрельбу, стоя позади охотников? Тогда пред назначенная тигру пуля неминуемо попадет в спину кого-либо из нас.

Что делать? И я придумал — дам ему незаряженный.

Мои товарищи одобрительно кивают, а я влезаю под каким-то предлогом в палатку, быстро вынимаю патроны из ствола и обоймы, ставлю ее пустую со звоном на место и, выползая, серьезно говорю:

— Ну вот, готово, теперь заряжен. Только смотрите, будьте осторожны. Вот предохранитель, он так действует...

Наш добрый легковерный Пак в восторге. Теперь все готовы. Идем.

Отпечаток лапы мог заставить похолодеть любого тигрятника. Подобных никто из нас еще не видел. Мы стояли на кромке поляны у высокой стены леса и совсем не торопились идти дальше. Черная кровь крупными брызгами загустела на листьях дикого винограда, полуоборванного и смятого гигантским телом.

Было одиннадцать утра. На открытой поляне солнце палило вовсю, крупные зеленые мухи уже облепили кровавые пятна, а мы всё в нерешительности стояли у края мрачного леса.

Наконец двинулись рядом, плечом к плечу. Винтовки в руках, на взводе. Слева Валентин, в центре на следу я, справа Шин. Пак с браунингом в руке позади. Лес до того густ, так переплетен лианами, что местами в нескольких шагах ничего не видно. Худшего, более неблагоприятного места трудно найти. Небо не просвечивало совсем, мы вступили в сырой полумрак. Ноги путались в зарослях хвоща и папоротника, цеплялись за валежник, в глаза лезла мошка, лица залепляла паутина...

«Внезапным прыжком это чудовище может сразу смыть всю нашу кучку. Мы просто не успеем

развернуться в такой чаще...» Такие мысли волновали меня, и, вероятно, так думали все. Но шли молча, шаг за шагом пробираясь сквозь подлесок, кусты и лианы. То опускались к земле, стараясь рассмотреть подозрительную тень, то заглядывали в кусты, то просто останавливались, напряженно прислушиваясь. К чему? А вдруг он выдаст себя шорохом, готовясь к прыжку?.. Но главное — все твердо верили друг в друга и знали: как бы ни сложилась встреча, никто не побежит, не бросит в беде.

Двести шагов мы шли полчаса.

— Вон он! — выдохнул Валентин. Он заметил зверя первым. У нас перед глазами свисала разлапистая темная ветка ели. Невысокий Валентин не нагибаясь мог смотреть под нее.

— Где? Бей! Стреляй! — просипели мы в два голоса. Пак молча замер позади.

В последний момент, нагнувшись по направлению поднятой к плечу винтовки Валентина, я различил в зелени рыжий контур, и в этот момент треснул выстрел. Мы с Шином держали пальцы на спуске, но стрелять не пришлось, зверь не шелохнулся. Не опуская ружей, подошли вплотную. Пуля Валентина прострелила могучую шею, развернув небольшое выходное отверстие, но кровь не появилась, ранка была бледной: тигр уже окоченел...

Здесь он сделал свой последний прыжок и рухнул, подогнув к широкой груди громадную голову и передние лапы. И так оставался лежать до нашего прихода. Тонкая пуля шиновской арисаки прошила навылет смертельно.

Мы повидали немало тигров на своем веку, но подобного не встречали никогда. Старый могучий самец предельных размеров. Вчетвером свободно рассевшись, как на диване, на широченной спине, мы благородно поглаживали чудесный мех на голове, боках и мощных колоннах-лапах; мех был летний, короткий, но отлично пролинявший, яркий и лоснящийся. На оранжевом фоне широкого лба, словно выведенной кистью искусного каллиграфа, красовался черный иерогlyph «Ван» — князь, владыка. Седые усы поражали длиной и толщиной каждого отдельного волоса. Огромные, конической формы клыки вызывали невольный трепет...

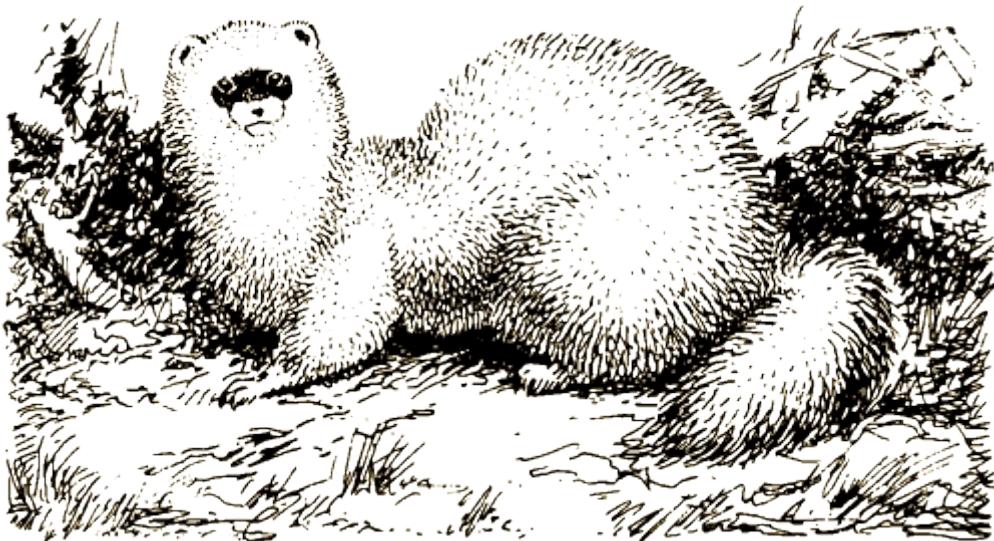
Пак был направлен в поселок за носильщиками. Он вернул мне пистолет и, сияя, с одной палкой в руках бодро зашагал через лес, счастливый и гордый, так никогда и не узнав, что сжимал в руках незаряженное оружие. Куда делись недавние страхи? Глядя на него, можно было подумать, что сегодня уничтожены все опасные звери Маньчжурии...

Освежеванного тигра выносили вдевятером. Мне досталась необезжиренная шкура, которая показалась свинцовой, на пути к палатке пришлось не раз отдыхать. Взвесить груз целиком не удалось, однако, по общему подсчету, он тянул не менее 350 килограммов. Но что удивительно — розовое жирное мясо хищника оказалось на редкость вкусным. Мы натопили несколько литров янтарного жира, на котором жарили лепешки. А мясо, законсервированное начальником лесоучастка по-японски, со специями, было просто превосходным!

Расстелив шкуру посреди чисто выметенного двора, японец скрупулезно измерил ее длину от носа до хвоста. Вышло одиннадцать с половиной футов — более чем три и три четверти метра!

Очищенные кости, почти по цене пантов, взяли китайские аптекари; шкура украсила роскошную гостиную семейства Бринер в Харбине. А огромный череп с желтоватыми клыками — с большой палец каждый — Шин подарил другу юности — моему отцу. В его богатой коллекции рогов, клыков и черепов этот занял самое почетное место.

Секачиха

За тонкой стенкой брезентовой палатки монотонно ворчала морозная ночь. Тайга шелестела неопавшим листом орешника, ветер скрипел поврежденным деревом, гудел в вершинах сухостоя. Но в железнной печурке мирно потрескивали дрова, и было так тепло, что охотники отдыхали в рубашках. При желтоватом свете надетой на прутик свечи обветренные небритые лица казались бронзовыми, а шеи неправдоподобно белыми.

Мы с братом, сидя на шкурах, чистили сплетенными из конопли шомполами винтовки, кашевар Чигони копошился над кастрюлей. Снаружи тихо ворчали и взвизгивали во сне в устроенных для них гнездах набегавшиеся за день собаки.

Вдруг они затянули на разные голоса. Но издали донесся низкий окрик, псы смолкли, послышался скрип приближающихся шагов. Ближе, ближе. Приподнялась полосатая пола брезента, в проеме сверкнули очки и багрово-красный от мороза нос.

— Здорово, ребята!

— Жорка! Ай да молодец! Как разыскал нас в этакой тьме?

Он вполз, стянул винчестер, протер сразу запотевшие в тепле очки, показал в улыбке золотые вперемежку со стальными зубы.

— Как? Это вам со света кажется, что темно, а на деле звезды и Млечный путь добро освещают. Да и тропинка набита, нога чувствует, когда собьешься. Кабы не мороз, эта прогулка — одно удовольствие. Ну, всем доброй охоты, кто джунглей законы хранит! — То была его любимейшая цитата из Киплинга.

Шустрой Чигони подбросил дубовых дров, поставил на печурку сковородку. Жестяная походная печка вмиг порозовела, на кабаньем нутряном сале зашипело белое мясо годовалого поросенка. Зажгли вторую свечу, освободили место. Устраивая свою постель на запасной шкуре косули, Георгий выложил все последние новости и сообщил, что «удрал в отпуск» на всю неделю.

— Как хотите, ребята, а без кабана я отсюда возвращаться не намерен. Ясно? Как, есть зверь? Хорошо разведали сопки? Добре, а вот и коньчик к чаю.

Мы стали табором за несколько дней до его приезда. На дне извилистого распадка облюбовали старую дубовую рощу и назвали свой новый табор Дубовым.

— Зверь есть: и коза, и кабан, и тигры шатаются.

— Ну, этих оставьте себе, мне с ними не по пути. Когда натыкаюсь на след полосатого, предпочитаю двигаться в обратном направлении.

— Как же, помним твою привычку. А Арсений недавно следил крупного «кота» целый день и к вечеру нашел — знаешь что? В дупле липы берлогу медведя-муравьятника. И остатки самого мишки: тигр его вытащил из дупла и сожрал почти целиком.

— О, черт! Ну и что же ты, Арс?

— Да что. Заночевал в тайге, думал завтра нагнать. Но не получилось: тигр вышел на вытаявшие крутые склоны и затерялся. Валерий и Чигони ждали меня, ночь не спали, а я вернулся на второй день уже в темноте — далеко завел!

Я невольно снова пережил эту тревожную ночь.

— Ох и ругал я его! Ведь чего только не передумал. То ли ногу сломал, то ли под зверя попал, то ли на хунхузов напоролся...

— Ну ладно, от встречи с тиграми и хунхузами, надеюсь, бог милует. Мне бы хоть немудрящего кабана. Слушай, Валерка, возьми завтра с собой, я в здешних сопках впервые...

Утром Арсений ушел на восток, а мы с Георгием отправились в западном направлении. Чигони, как всегда, занимался хозяйственными делами, свору в тот день оставили с ним.

День выдался морозный и ветреный. Мы не торопясь пересекали длинные, поросшие дубовым редколесьем гривки, сбегавшие с покрытой густым кедровником огромной горы Татудинзы.

Урожай желудя был таким, что на крутых, выдутых ветрами склонах нога буквально катилась по ковру потемневших за зиму плодов. Чертыкаясь, мы старались обходить такие участки.

Богатый желудь привлек много зверя. То и дело встречались ровные стежки чуть заметенных снегом кабаньих следов, лежки и перепаханные замысловатые узоры на месте их пастьбы. Козы исследовали лес вдоль и поперек.

Мы шагнули за возвышенность и замерли. Три крупных серо-бурых косули вскочили с лежек и легко запрыгали прочь. Я крикнул: «Кук!» Они сделали несколько замедленных прыжков и остановились, расставив уши. Жорж сорвал с плеча винчестер.

— Если хочешь увидеть кабана, не стреляй! На коз поохотиться успеешь. Пусть бегут, мяса на таборе сколько хочешь...

Козы сорвались и запорхали, как балерины. Жорж проворчал: «Ладно», — и со вздохом повесил винтовку на плечо.

Наконец выбрались к западным отрогам горы, где ветер свирепствовал особо яростно. Срывал и кидал в глаза сухой смерзшийся снег, закручивал смерчи, гнул кустарники, свистел среди деревьев. Прикрывая носы рукавицами, посоветовались и разошлись: Жорж пошел пересекать овражки выше, я — ниже. Вскоре мы потеряли друг друга из виду. Я перевалил через третий ключик, когда услышал в вершине слабый звук выстрела, потом второго, приглушенный ветром крик.

«Неужели Жорка угодил под кабана?!» Я начал торопливо карабкаться в гору. Пыхтя, взобрался на возвышенность и попятился: шагах в пятнадцати вполоборота стоял массивный, черный с проседью секач.

Он стоял на маленькой полянке среди сухой полыни и кустов, пошатываясь. И, как топором по мерзлому дереву, звонко щелкал клыками, поводил из стороны в сторону страшной клинообразной головой, но меня, вероятно, еще не видел.

«Ранен и готов к атаке, не зевай!» Винтовка была в руках, и я с ходу выстрелил под настороженное щетинистое ухо. Секач повалился набок, забил по снегу ногами. Тут я снова услышал крик и увидел Жоржа. Он стоял с винчестером наготове; кабан ему не был виден, однако, зная повадки раненого вепря, на сближение не спешил, призывая на помощь меня. Осторожность в общем не лишняя. Я крикнул:

— Готов, иди сюда!

Мы надергали из холки зверя длинную толстую щетину, выпилили большие красивые клыки. Жорж был в восторге, у него сияло все: очки, горбатый пунцовский нос, сталь и золото коронок.

Вернулись на табор поздно. Вычистили ружья, отогрелись, обсудили планы на завтра. Арсений признался, что обнаружил неподалеку свежие следы, но имеет свои соображения: лишние участники помешают. Он подмигнул серо-зеленым глазом:

— Не будем толкаться. Всем доброй охоты!

Ладно. У нас никто никого не принуждал. Мы с Жоржем решили взять свору и идти на Татудинзу, к границе кедровника.

Вышли до солнца. Утро стояло на редкость тихое, погожее. Арсений приложил ладонь к козырьку мохнатой шапки из меха горала, перекинул винтовку стволом, вперед (так удобнее пробираться сквозь заросли) и нырнул в кусты. Мы собрали собак и полезли в гору. Добрались в одиннадцатом часу и скоро наткнулись на свежую копанину: кабаны паслись ночью.

Собаки сунули носы в развороченный, вперемешку с листом снег, зафыркали, замахали хвостами, потянулись в кедровник. Вскоре послышался лай. К одному голосу присоединился второй, потом третий. Гавкают хрипло, отрывисто — значит, держат, тут раздумывать некогда.

— Беги на лай, я буду обходить, могут погнать в сторону, вниз.

Жорж протер очки и торопливо зашагал прямо, я левее по склону. Но не прошел и нескольких сот шагов, как услышал треск и заметил мелькавший среди бурелома черный силуэт отбившегося от стада зверя.

Расстояние — шагов двести, катит под уклон резво, вот-вот скроется из глаз. Была не была, нужно ловить шанс. Силуэт появлялся в «окнах» несколько раз, я успел сделать три быстрых выстрела. Зверь скрылся, за ним промчалась одна собака. Остальные, очевидно, увязались за табуном.

Послышался свист. Я ответил дважды: «Иди сюда». Вышел на след, заметил кровь — значит, все-таки зацепил, но скачет лихо. Снова посвистел и увидел между деревьями сухопарую фигуру в перетянутой кожаным патронашем сероватой замшевой куртке, в заячьей шапке. На красном лице сверкнули очки. Георгий шагал торопливо, разбрасывая по сторонам снег.

— Ну как, попал?

— Да вот, видишь, кровь. Задел, но тяжело ли, кто его знает. Какая-то собака за ним увязалась. Пошли быстрее, может, нагоним.

— Это Дон. Я видел, как он промчался следом за секачом, но выстрелить не успел. Молодец новичок!

В первую половину зимы мы потеряли несколько лучших собак. Двух зарезали секачи, два самых храбрых пса погибли в когтях барсов. Во время новогодних праздников приобрели трех новых, и среди них ласкового, умного сеттера-лаверака Дона. Он прежде ходил только по птице, но хозяин, старый друг нашей

семьи Антон Павлович Козак, заверил, что пес азартно облавляет домашних чушек. Мы частенько, за неимением лучших, мобилизовывали таких новобранцев. Правда, большинство шло на зверя не сразу, но в обществе опытных иные быстро обретали навык. Дон, впервые встретившись со зверем, бесстрашно кинулся преследовать его один на один.

Сначала кабан уходил прыжками, потом перешел на рысь, зашагал мельче. След собаки заходил то с одной, то с другой стороны, но тянулся неотступно; они покинули зону кедровников, уходя к южному подножию горы. Здесь раскинулось старое редколесье, и, хотя встречались куртины бурого орешника, видимость стала лучше.

Прошли километра два, когда заметили ковылявшего навстречу Дона. Сеттер шагал как-то враскачу, длинный хвост мотался из стороны в сторону: вроде от радости, но слишком размашисто... Мы бросились к нему и поняли: левая передняя лапа перебита в голени, держится лишь на сухожилиях и коже.

— Дон, Дон, что с тобой? А ну сядь, покажи лапку!

Он послушно сел, глядя на нас большими выразительными глазами, неловко поднял раненую лапу и теперь сознательно завилял хвостом. Жорж присел рядом на корточки:

— Ах ты, бедняга, как он тебя... Вот горе. Что будем делать?

— Черт его знает, — я было тоже растерялся. — Давай попробуем наложить лубок, перевязать, может, кость срастется. Он умница, кусаться не должен. Перевяжем, сделаем теплое гнездо, оставим дожидаться, а сами попробуем догнать, рассчитаться за него. Идет?

— Давай. Эх, не хватило у бедного опыта, наскоцил, видно, вплотную, не поберегся как следует.

У подножия толстого клена Георгий Николаевич принял мастерить гнездо. Наломал охапку орешника с листом, сверху выложил сухой травой. Я срезал тонкую липку, расколол на плашки, и мы приступили к операции. Прощупал перелом. Пес дернулся.

— Тихо, Дон, тихо... — Мне показалось, я соединил сломанную кость правильно. Быстро наложили лубки, обмотали чистым носовым платком, надежно перевязали мягким шпагатом. И удивительно — Дон ни разу не зарычал, не оскалился, только изредка тихо скулил. Покорно подставлял раненую ногу, смотрел доверчивыми глазами, а под конец, выслушав похвалу, снова повилял хвостом. Мы гладили его по голове, приговаривали: «Умница, Дончик, хороший, потерпи...» — и он терпел так, как терпел бы, вероятно, не каждый охотник.

Его положили в гнездо таким образом, чтобы больная лапа находилась сверху, не мешала. Я нагнулся и сказал ласковым, но приказательным тоном:

— Будь хорошей собакой, Дон, лежи спокойно, не вертись. Спокойно лежать! Мы пойдем за кабаном дальше, а потом вернемся, унесем тебя домой. Понял?

У него дрогнула, приподнялась в кривой собачьей улыбке губа. Мне казалось, он понимал каждое слово, глядя нам вслед — не шелохнулся.

Скоро наткнулись на лежку кабана — место их встречи. Неопытный Дон в самом деле налетел на засаду слишком прямолинейно. — Зверь сбил его и так катал, что удивительно, как пес остался жив. На площадке в несколько квадратных метров снег был выпоттан, кусты помяты. Очевидно, услышав наше приближение, разъяренный секач, просто не успев добить Дона, пустился наутек. Как ни странно, после свалки зверь стал терять меньше крови: вероятно, выходное отверстие от пули затянуло жиром.

Попадалось много следов, шедших в разных направлениях, отличать «свой» без крови становилось все труднее, но мы были так сердиты за Дона, что решили преследовать до темноты: будь что будет!

Примерно через час нагнали остальные собаки, стало легче. Теперь впереди рыскали собаки, и мы, уже не опасаясь внезапного нападения, почти бежали. Но солнце все опускалось, тени удлинялись, приближались сумерки, а зверь ни разу не ложился.

В конце концов свора куда-то исчезла. Я поднялся на последний холм над усеянным кочками распадком и остановился в раздумье. Жорж спустился на занесенное снегом болотце и стоял понурясь, без сил. Я понимал, он находится в состоянии крайней апатии: выдохся окончательно и ждет, когда я наконец подам команду кончать погоню, идти обратно. Ведь нужно еще подобрать Дона и доставить его на табор. Отсюда до собаки несколько верст, а там еще дальше, и на пути высокий перевал. Было обидно, я чувствовал, что надежда уплывает с каждой минутой, и все-таки чего-то ждал.

В этот критический момент в боковом ключе раздался лай. Я вскочил на вершину, понимая, что, если побегу на лай, потеряю обзор, а с ним и последнюю возможность увидеть зверя. Собаки слабые, устали, задержать не смогут, он уйдет: нужно заметить секача, когда он появится на противоположном склоне.

Прошла минута. Гон сдвинулся, и я их увидел. По крутым косогору бежал крупный, издали совсем черный, длиннорылый зверь. За ним, отстав на несколько шагов, трусили казавшиеся козявками пес Север и какая-то из новых собачонка.

Нужно стрелять, но передо мной вершины деревьев, кусты; кабан и собаки мелькают как сквозь сетку, сделать прицельный выстрел немыслимо. Прыгать вниз по склону? Быть может, появится какая-то прогалина? И я запрыгал, не глядя под ноги...

Удар, мне показалось, в лоб, был так силен, что я сел и какое-то время не мог опомниться. Потом понял, что удар пришелся не в лоб, а в нос. Провел рукой и наткнулся на сучок, который с маху вошел в ноздрю, сломался и застрял. Нащупав, не раздумывая, рванул. Кровь ударила так, что я увидел красный фонтанчик; окропила бороду, куртку, патронташ, даже брюки. Схватил пригоршню снега, прижал к носу и вдруг осознал, что сижу на прогалине и четко вижу всю группу на противоположном склоне. Они рысью движутся в том же порядке.

Какой нос? Боли и крови как не бывало!

Сидя по движущейся цели стрелять неудобно. Вскакиваю и ловлю на мушку черного зверя. Далеко — шагов триста. Делаю вынос и стреляю: раз — нет, два — нет, три — нет! Сейчас уйдет, все пропало! Уже темновато, куда бьют пули, не видно, и я не в лучшей форме. Еще немного, и он достигнет границы леса, а там — поминай как звали.

Перевел дух, собрался, целясь скорее не глазами, а каким-то шестым чувством. Треснул четвертый выстрел и... силуэт вздрогнул, сгорбился, ткнулся носом в снег, опрокинулся на бок и покатился по крутым склону. Собаки мигом его настигли, и все поехали одним клубком.

— Ого-го! Убил? Ушел? Где ты? — гремел в овраге знакомый бас. Усталость Жоржа улетучилась в одно мгновение. Его как сдуло с болота. А я скатился в ключ и, хватаясь за кусты, начал карабкаться к застрявшей в зарослях рычащей компании. От волнения ли, от мороза, но кровь из раненого носа хлестать перестала.

С трудом отогнали собак, начали осматривать кабана и в недоумении переглянулись: то был вовсе не секач, а старая, на редкость могучая чушка. И что еще удивительнее — из нижней челюсти на несколько сантиметров торчали хотя и нетолстые, но достаточно острые желтые клыки. Жорж протер очки:

— Секачиха! Впервые вижу такую...

Я и сам, перевидав сотни убитых кабанов, таких клыков у самки не встречал. Мы завели за эти клыки

петлю охотничьей веревки и вдвоем стянули чушку на дно оврага. Собаки шли за нами гурьбой, в снегу позади оставалась длинная глубокая волокуша с красной полосой.

Нужно было торопиться, но проделали все по правилам. Обработали и укрыли надежно. Поверх нарубленного кустарника навалили несколько тяжелых обгорелых валежин, не забыли приладить гильзы и бумажки. И без передышки заспешили своим обратным следом.

Было совсем темно, когда добрались к памятному дереву и диву дались. Дон спокойно лежал на том же боку! Он лишь заерзал при нашем приближении.

Быстро переложили все содержимое моего рюкзака в рюкзак Жоржа, а в мой бережно усадили раненого пса, оставив снаружи только забинтованную лапу и умную голову. Я сел, продел руки в лямки и поднялся на ноги.

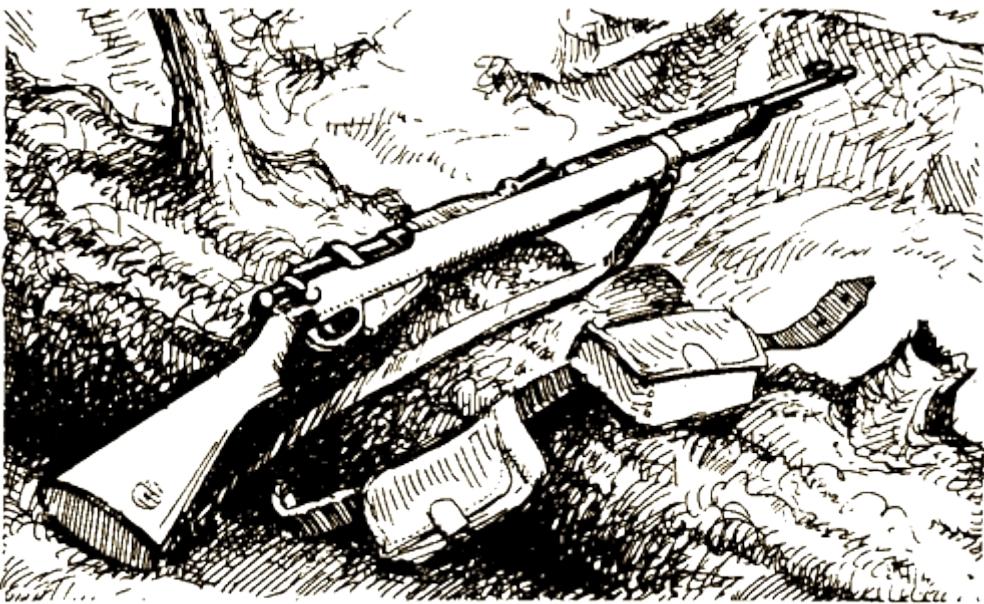
Дон оказался тяжелее, чем я представлял; шли при звездах долго, не раз садились отдохнуть. За перевалом взошла луна, и мы совсем близко увидели роющихся в снегу кабанов. Они заухали, побежали; никто и не подумал их преследовать.

В палатку добрались только к полуночи. На этот раз не ложились Арсений и Чигони, несколько раз разогревая ужин. Арсений добыл недалеко от лагеря молодую упитанную чушку, которую решили отослать в город семье Жоржа вместо убитого им менее аппетитного секача.

На другой день на санях отправили Дона в деревню. К весне кость срослась отлично, он начал бегать не хромая. Но все это произошло значительно позже, а история с секачихой имела продолжение: через неделю по оставленной в снегу кровавой волокуше к клыкастой чушке явился хозяин маньчжурских лесов и гор.

И нам суждено было встретиться. Однако это уже другая история.

С глазу на глаз

С тех пор как проводили Жоржа, стало ясно, что на Дубовом делать больше нечего: потревоженный собаками и выстрелами зверь откочевал надолго. И поскольку уже изучили тайгу на многие километры вокруг, беспокойный дух бродяжничества не давал покоя.

На этот раз наметили глухую падь на юго-западе, где с осени не оставил следа ни один человек. Без особого сожаления сняли обжитый лагерь, погрузили палатку и скарб на впряженного в легкие сани рыжего бычка. Арсений, повар Чигони, возчик Понджуни и я помогали быку на подъеме, где нужно прорубали заросли, обходили упавшие деревья и камни. Зигзагами преодолели водораздел и под вечер стали на ключике в стороне от широкой пади. Прямо за палаткой начинался девственный кедровник, новый табор расположился на самой границе лиственного и хвойного леса.

Дружно принялись за знакомую работу, и через два часа все было готово. Палатка укрыта от ветра, замаскирована лапником и ветвями дуба, сооружены гнезда для собак, пробита прорубь, напилены и наколоты дрова. Все влезли в новый теплый дом и стали располагаться каждый в своем углу. И вдруг где-то неподалеку, как бы приветствуя наше прибытие, несколько раз низко и многозначительно проухал филин: «Угу, угу, угу!...»

Арсений поднял руку, все прислушались, а он, улыбаясь, сказал:

— Вот и хозяин объявился. Это он предсказывает нам удачу. Давай назовем этот лагерь Филиновым!

В самом деле, место оказалось счастливым, добычливым. В первые же дни взяли несколько солидных кабанов, потом брат обнаружил на крутом южном склоне Татудинзы крупного шатуна-медведя, который почему-то не собирался ложиться в берлогу даже в январские морозы. Арсений завалил топтыгина в таких крутяхах, что сани подойти не смогли; зверя пришлось свежевать на месте и выносить по частям на плечах. К нашим разнообразным запасам мяса прибавилась медвежатина, и Чигони, широко улыбаясь, шутливо спрашивал: «Что сегодня изволите? Филе косули, кабана, медведя или пойманного мной в петлю зайца?»

Огромную медвежью шкуру очистили от сала и растянули на жердях возле палатки. Рядом, под

старой елью, соорудили крепкий стеллаж с наклонной лестницей, где аккуратно, штабелем, складывали вывезенные из леса туши добытых зверей. Их охраняли собаки.

Через неделю из деревни прибыли на запряженных черным быком санях два корейца, привезли солому нашему быку, рис и чумизу для нас и собак. Переночевали, а наутро собрались домой. Посоветовавшись, решили, что я пойду с ними, погружу и отправлю закопанную в лесу секачиху. Мы избегали оставлять надолго укрытую в тайге добычу — ее, случалось, обнаруживали, прогрызали и портили чуткие хищные колонки.

Вышли, едва рассвело. Путь сквозь тайгу лежал на восток, навстречу заре. Утро стояло морозное, корейцы не садились на сани, шагали рядом нахолившись, пряча руки в рукава ватных курток. Незаметно отмерили несколько километров проложенным ими вчера следом, когда слева показалось устье распадка, в вершине которого, по моим расчетам, была закопана злополучная кабаниха. Солнце уже светило вовсю.

Когда приближалась к оставленному в лесу зверю, всегда невольно чего-то ждешь, и я велел корейцам отстать, подниматься за мной осторожно, без разговоров, не кричать на быка.

Узкий, засыпанный по колено снегом ключик вился зигзагами среди крутых склонов, поросших старым лиственным лесом. Порывами налетал ветер, кружил, шуршал кустами орешника, переметал прошлогодние листья. И все-таки я понимал, что мои шаги, рушившие тонкий наст, должны быть слышны издалека, и хищника, если он тут, спугну заранее. Я ждал чего угодно, но только не того, что увидел...

Тяжелые и длинные, в ногу толщиной коряжини, которыми мы крест-накрест укрыли поверх кустов чушку, были разбросаны, хворост — тоже. Кабан, издали целый, лежал на правом боку, весь на виду, но заднее стегно оказалось развороченным. Вокруг валялись клочки шерсти и щетины с кожей, куски мерзлого мяса. Я шагнул ближе и разглядел свежие отпечатки крупных лап, всегда ошеломляющие своей величиной. Тигр! Вот почему не помогли ни привязанные к прутикам бумажки, ни насаженные на них латунные винтовочные гильзы. Этот грабитель не признает ничего.

Подъехали корейцы. Глянули, и их лица стали цвета надетых на них когда-то белых, а теперь посеревших от времени курток. Старший покачал головой и молитвенно сложил руки:

— Сонзями (учитель), не надо трогать кабана, надо всем скорее уходить. Иначе ОН очень рассердится...

— Как это так, почему уходить?

— Ха, в нашей деревне его хорошо помнят. Прошлым летом одну за другой задрал двух коров. Вызвали полицию, а они что? Походили с карабинами вдоль кромки леса и назад. Времени, мол, караулить нет, а руки трясутся... Когда третью задавил, мальчишка-пастух поднял крик. Мы сбежались, увезли корову в деревню и съели всем миром. А тигр обиделся: трех дней не прошло, как унес и пастушонка... Нет, лучше не сердить, оставить ему эту чушку!

Историю с пастушонком мы слышали еще осенью, в те времена она не была особенно оригинальной, и я держался иного мнения.

— Э нет. Чей это кабан, мой или его? Давайте погрузим тушу на сани, и везите быстренько в деревню. А с ним я постараюсь еще свидеться. Ну, взяли!

Корейцы удрученно качали головами, осуждающие цокали, но спорить не стали. Мы перевернули, как мерзлую глыбу, чушку и навалили на сани. Возчики торопливо укрепили ее веревкой, мордой к передку. Старший обнял быка за шею, ухватился за оглоблю, но, не трогая саней, обернулся ко мне и, понизив голос, как будто тигр мог его слышать, умоляюще произнес:

— Лучше не сердите, оставьте его в покое. Может быть очень худо.

Я нетерпеливо махнул рукой, младший хлестнул быка хворостиной:

— Иря! — Тот рванулся, и они покатили вниз по ключу. Чувствовалось, что напуганные крестьяне рады бежать как можно быстрее.

Я постоял некоторое время в задумчивости, осмотрелся. Установил, что тигр обнаружил чушку по оставленной нами волокуше с признаками крови.

Взобравшись на косогор, присел на поваленное дерево, замаскировался выворотнем. Может быть, он скоро вернется? Высунется из зарослей? Посмотрел на вершину сопки, куда ушел след, и мое внимание привлек одинокий ворон. Он сидел на самой высокой точке горы, на сухой голой лиственнице, и с любопытством вертел головой, заглядывая куда-то под себя. В бинокль его было хорошо видно, и невольно мелькнула мысль: не тигра ли он так внимательно рассматривает?

Сначала казалось жарко, но через несколько минут я почувствовал, что быстро коченею и скоро — мороз как-никак под тридцать — так застыну, что не смогу нажать на спуск, если даже зверь и появится. Что же делать? Черт возьми, надо выбирать: идти по следу или послушаться корейцев и отступать? Нет, такой шанс упускать нельзя. И хотя преследовать обозленного тигра одному, конечно, рискованно, но без риска в нашем деле ничего не добьешься.

И, держа винтовку наготове, полез по следу в гору.

На этом первом подъеме не сбросивший листву молодой дубняк стоял, как щетка. Видимость — не больше десяти шагов. Поднимаюсь тихо, шаг за шагом. А когда добрался до пика и остановился под голой лиственницей, на которой сидел ворон, картина стала ясной. Здесь он меня и поджидал! Вот она, знакомая с юных лет отпечатанная на снегу поза тигра, готовящегося к нападению. Замаскировавшись, он лежит по-кошачьи на животе, опустив голову в снег, и, не шевелясь, наблюдает из укрытия за своей жертвой. Четко отпечатываются вытянутые передние лапы, огромная морда с усами, овальная, как длинное корыто, лежка. И только хвост от волнения оставляет несколько следов: тигр нервно подергивает им влево-вправо... Разумеется, он видел нас сверху как на ладони, но мы при всем желании разглядеть его не могли.

Куда же он все-таки ушел? Как близко подпустил меня, ползущего в гору по его следу? Может быть, на сто, а может быть, и на двадцать шагов? Ведь он встает и уходит как тень...

Этот день — 26 января — выдался морозным, но солнечным. Снег в горах лежал умеренный по глубине и рыхлый, не создавал шума. Ветер тоже дул благоприятный, встречный. Местность — пересеченное неглубокими овражками старое редколесье с отдельными островками зарослей орешника — просматривалась неплохо. По этим увалам, пересекая небольшие распадки, тигр зигзагами начал увлекать меня на запад, против солнца.

Но я не спешил. Часто вынимал бинокль, присматривался ко всем подозрительным предметам: пням, корягам, камням. Довольно часто встречались идущие в разные стороны кабаны следы, и вдруг явственно послышался поросячий визг. До сих пор не знаю, кто так кричал, но тогда решил, что тигр где-то схватил кабана, и у меня появилась надежда настичь его на добычу.

Осторожно шагая параллельно следу, перевалил через один овраг, второй, третий. Шел, вероятно, второй час дня, но об обеде я не думал, взгляд беспрерывно искал все сколько-нибудь подозрительное впереди и по сторонам. На ярко освещенном снегу деревья, кусты, валежины и пни стояли как нарисованные. Я был в сильнейшем напряжении, казалось, сливался с окружающей обстановкой, видел все вокруг, но прекрасно понимал, что тигр обязательно заметит меня первым. Природа одарила его всем: остройшим зрением и слухом, недоступным человеку инстинктом, хитростью и коварством, а кроме того, отдала все три главные краски зимнего пейзажа: белую — цвет его горла, груди, живота и пятен на морде — это белый снег; желтую — цвет головы, лап и боков — не опадающие до весны листья и черную — цвет

его полос, прекрасно сочетающихся с почти черными ветками кустарника и стволиками молодых деревьев. Словом — все преимущества на его стороне.

Но вот слева по ходу, метрах в ста впереди, я заметил то ли птичку, то ли мышку: черным комочком что-то странно подпрыгивало в куртинке орешника. «Не здесь ли он задавил поросенка? Наверное, заслышал меня, бросил добычу, а мышь обнаружила и копошится...»

Инстинктивно, в который уже раз, вытянул из кобуры висевший на левом боку восьмикратный цейсовский бинокль, поднес к глазам, навел и... чуть не вскрикнул. Почти не видимый простым глазом на фоне желтых листьев кустарника левым ко мне боком сидел на снегу ОН! И смотрел не отрываясь... А то, что я принял за мышку, был черный кончик его нервно извивавшегося хвоста!

Мы встретились с глазу на глаз и некоторое время внимательно изучали друг друга. Через сильные призмы бинокля я отчетливо видел, как он высунул большой розовый язык и самодовольно, будто злорадно, облизнулся. Но тут же собрался, съежился, опустил голову и начал медленно пятиться, втягиваясь в орешниковую куртинку.

Бинокль, как я обнаружил позднее, оказался засунутым в чехол вверх ногами. Висевшая под правой рукой стволом вперед винтовка снялась с предохранителя и (я левша) оказалась у левого плеча сама собой. Черный шарик мушки сел в прорезь и всплыл на уровень лопатки хищника. Прицелился я в общем на удивление хладнокровно и точно.

И выстрел был точен. Тигр упал сразу, перевернулся на спину, показал белое горло и живот, воздел к небу колонны-лапы и конвульсивно задергал всеми четырьмя.

Я был так поражен тем, что свалил страшного зверя одной-единственной пулей, что на секунду-другую потерял всякую бдительность. Помню лишь мысль: «Как здорово!» Мог свободно пустить еще одну и две «контрольные» пули, которые пригвоздили бы его окончательно, но стоял как зачарованный: «Как здорово!»

А тигр вдруг перевернулся, вскочил на ноги и ринулся мимо меня по лесу. Гигантская оранжевая кошка уходила огромными прыжками по диагонали слева направо. Несколько раз появлялась между стволами старых деревьев, скрывалась и появлялась вновь. Поймать в такое «окно» нелегко, но можно. Однако я, очевидно, был так возбужден и расстроен, что промазал три раза подряд.

Подбежал к тому месту, где хищник готовил мне засаду. Так и есть: первая пуля поразила точно, сразу за лопатками на нужной высоте. Войдя в левый, высекла из правого бока клок золотистой шерсти, длинно взрыла снег и выбросила на поверхность прошлогодние листья. Из выходного отверстия, как из пульверизатора, брызнула кровь. Пуля прошла на два пальца выше сердца. Глянул в сторону уходившего следа, и показалось, будто кто-то провел по кустам большой кистью с суриком.

Постоял, остывая, и осторожно тронулся вдоль красных отметин. Но вскоре след завел в непроглядную чащу; если зверь бросится откуда-то со стороны, я просто не сумею повернуть винтовку и неминуемо окажусь под ним. Рисковать дальше становилось безрассудным.

Я оставил след, сделал порядочную петлю и вновь пересек его на более открытом месте. Тигр шел коротким шагом, заметно волоча ноги, вышел на прогалину, вернулся и как пьяный полез на косогор.

— На сегодня хватит, пора домой. Наверное, где-то уже залег. Лучше завтра прийти с собаками, — прошептал я и повернулся на табор.

...Вечером в палатке сошлись на том, что надо преследовать до победы — день, два, хоть три. Решили взять обоих помощников-корейцев, захватить пилу, топор, козы шкурки — на случай ночевки у костра, продуктов на три дня, всех четырех оставшихся собак.

Вышли на заре и около десяти были у следа. Поднялись по нему на косогор и остановились... На первом гребне, в ста шагах от того места, где я оставил след, тигр лег в сугроб за толстым стволов дуба головой против своего хода и прождал несколько часов! Протаявшая почти до земли лежка напоминала глубокую розовую ванну. Чигони посмотрел на меня, покачал головой, зацокал языком. Арсений потемнел и проворчал:

— Кто-то за тебя молился. Вовремя повернул вчера домой...

Лежки следовали одна за другой, все свежее и свежее, но раненый хищник, как всегда, выбирал такую чащобу, где заметить его можно было лишь в нескольких шагах. Собаки исчезли впереди, и вдруг послышался истерический лай. Мы рванулись за ними, но раздался грозный рык, и вся свора с визгом выкатилась прямо на нас. Зрачки расширены, хвосты поджаты, шерсть дыбом! Они чуть не сбили нас с ног: это были не тигрятники.

Потом в чаще они далеко не уходили; вся роль своры сводилась только к тому, чтобы предупредить внезапное нападение. Молодые откровенно топтали нам пятки. Увы, все лучшие псы, которые шли хоть на черта с рогами, или уже сложили свои храбрые головы, или состояли во второй своре — у младшего брата Юрия и его друга Валентина Валькова, промышлявших самостоятельно далеко от нас.

Тигр, несомненно, не раз видел нашу группу, но нападать на четверых не решался, а мы настойчиво шли за ним все дальше и дальше.

После полудня ненадолго выбрались на относительно открытый склон горы, и здесь убежавшие вперед собаки подняли небольшого медведя-муравьятника. Он сопел и ворчал, пробираясь между деревьями и обгорелым валежником, но видно его было плохо, он вскоре скрылся.

Раненый тигр продолжал вести сквозь непролазную чащу, но постепенно забирал все левее, описывая большую дугу. Когда стало темнеть, мы сообразили, что, проделав по горам более двадцати километров, оказались не так далеко от своего лагеря. Посоветовались и решили, что лучше прошагать час-другой в темноте, но ночевать в тепле и завтра со свежими силами продолжить погоню. Потным, голодным и уставшим совсем не улыбалось провести эту ночь у костра при тридцатиградусном морозе и леденящем ветре.

Тихий табор и мирно жующий жвачку бык, лежавший перед палаткой, встретили нас как родной дом. Невозмутимый вид нашего вола успокоил корейцев. Их не покидала мысль, что тигр назло обязательно задавит нашу мирную скотину; мы слышали, как они с остекленевшими глазами шептались об этом; и сейчас Понджуни сразу потащил волу охапку соломы.

Быстро растопили печку, разделись, поужинали, вычистили винтовки и с наслаждением растянулись на мягкой подстилке. Не лег один Чигони. Он надел на воткнутый в земляной пол прутик свечу и расположился у печки чинить изорвавшиеся за день брюки. Мирно потрескивали дрова, по своду палатки бегала тень от его руки, тянувшей иголку с ниткой. Я незаметно уснул.

Приснулся от дикого, нечеловеческого крика, яркого света, дыма и ледяных брызг, летевших непонятно откуда. И первое, что увидел, — звездное небо над головой. Окантованная багровыми тлеющими краями дыра в кровле палатки быстро увеличивалась, впуская жуткий холод, звездное небо просло на глазах...

Бедный Чигони! Он вопил не своим голосом и суматошно разливал вокруг запасы воды с кусками льда, наколотого с вечера для таяния: опустошил все — чайник, кастрюлю, ведро!

Общими усилиями пожар был потушен. Распоротыми по швам мешками заделали зияющую дыру, расшуревали печку, снова сбегали на ключ за льдом, подсушивались. Чигони совсем охрип, объяснялся

больше жестами, но мы поняли, что произошло. Занимаясь починкой штанов, он, смертельно уставший, уснул. И то ли сбил в солому свечу, то ли она, дрогорев, свалилась сама, но сухая подстилка вспыхнула, сразу лизнув кровлю палатки. Чигони завопил и пустил в ход весь имевшийся, к счастью, запас воды. В общем дело могло кончиться куда хуже.

Остаток ночи прошел спокойно, но утром оказалось, что повар для похода не годен. Хотя он честно и вовремя накормил людей и собак, но был совсем без голоса и выглядел настолько больным, что решили оставить его сторожить палатку и быка.

Вышли с той же сворой втроем, поднялись на юго-западный склон Татудинзы, где вчера оставили след, начали его распутывать. Сильно помешал табун кабанов, перепахавший накануне огромную площадь. Копанина подмерзла, след тигра почти не отпечатывался, кровь на трети сутки, как обычно, незаметна. Но мы распутали эту головоломку и около полудня подняли тигра с двадцать восьмой по счету лежки. Он залег на скалистой, заросшей кедрачом возвышенности; при нашем приближении вскочил и прыгнул в заросли.

— Вот он! — успел выдохнуть брат, вскинулся, но выстрелить не успел, и мы как ужаленные помчались сквозь чащу по свежему следу. День стоял ясный, и хотя утром градусник показывал минус 27, всем скоро стало жарко. Но что это? Лес стал редеть, впереди показалось голубое небо. Впервые за два дня тигр вдруг покинул зону сумрачных кедровников и бросился в дубняки южного склона горы.

Выскочили на кромку излома. Внизу открылась длинная, уходящая на юг падь, раскинулось милое сердцу, прозрачное зимой редколесье. Лишь на боковых стрелках кое-где виднелись желтые пятна молодого дуба и орешника. Но эта падь упиралась в главную, а за ней снова синела уходившая в бесконечность хвойная тайга; если зверь утянет туда, погоня станет крайне сложной.

Впервые за два дня можно было видеть на сотни шагов вперед, ничто, казалось, не мешало бежать под уклон, и решение родилось как-то стихийно: я с собаками бегу по следу, Понджуни — за мной, Арсений — параллельно, по гривке, тянувшейся справа. Может быть, перехватит? И, позабыв о всякой опасности, помчались, как за зайцем...

Напуганные за эти дни собаки семенили впереди в двух десятках шагов. Понджуни с тяжелой котомкой отставал. Брата я скоро потерял из виду, хотя знал, что он бежит где-то по хребтику справа. Все внимание было устремлено вперед, вдоль тянувшейся по дну распадка цепочки круглых следов.

Так, почти бегом, мы отмерили более километра, как вдруг собаки сбились в кучу, что-то обнюхивая. Потом разом повернули головы вправо, к хребту, по которому должен бежать Арсений, и я услышал приглушенный гребнем выстрел! За ним второй, третий!

Собаки, взвыв на разные голоса, метнулись вверх по склону; я за ними, почти не отставая. И только сейчас меня потрясла мысль, что, как старший, я не имел права соглашаться на то, чтобы разделиться в такой критический момент. Что там сейчас происходит? Что я увижу? Дурак! Идиот! Убить тебя мало!

Казалось, я вижу, как тигр рвет окровавленное тело брата...

Не помню, как взлетел на гребень, дыхания уже не было, но почти сразу увидел всю группу. В светло-серой куртке и мохнатой шапке Арсений стоял среди деревьев с винтовкой у плеча. А на небольшой полянке, окруженный собаками, растянулся оранжево-полосатый зверь, рядом с которым собаки казались мышами. Вздыбив на загривках шерсть, они лаяли отрывисто и звонко, но приблизиться к поверженному гиганту не решались. Я подбежал, скинул рукавицу, мы обменялись рукопожатием...

Да, у меня были все основания переживать эту финальную встречу. Тигр, конечно, сделал засаду. Вскочив с двадцать девятой лежки, рявкнул и бросился на Арсения. Случилось это в такой чаще, что брат

угадывал приближение только по вершинам качавшихся дубков и ждал, чтобы выстрелить в упор. Почему-то в последний момент зверь не решился смять охотника: не добежав несколько шагов, взял крутую сторону, внезапно открывшись на прогалине, где сейчас лежал.

Но вот наконец собрались все вместе; красный счастливый Понджуни, едва отдошавшись, скинул котомку и помчался на табор за санями. Арсений принял разводить костер, я подтаскивал хворост. Однако по привычке начал присматриваться к собакам — нет ли раненых? И вдруг не обнаружил Ласки.

— Слушай, а Ласки-то не видно. Не задавил ли он ее в последний момент?

Мы растерянно шарили глазами между кустами и деревьями, но видели только троих: черного Ларго, пегого Севера и сероватого, с черными подпалинами молодого сеттера Легаса. Все лежали кружком на снегу, старательно выгрызая намерзший между пальцами лед. Ласки среди них не было.

Я машинально оглянулся на тушу тигра и расхохотался. Какая сообразительная сучка! Она взобралась на могучую спину десятипудового кота, растянувшись вдоль хребта, положив морду на вытянутые вперед лапы и блаженно щурясь от тепла и сознания победы, так слилась своей рыжей шубкой с тигром, что представляла с ним как бы одно целое. А он лежал свободно, вытянув хвост, и янтарные глаза были все еще полураскрыты.

— Бросай костер, давай сфотографируемся, уж больно он хорош!

Я срезал вешку, пристроил аппарат, установил на автоспуск. Брат присел позади тигра. Ласка спрыгнула на снег, все остальные собаки тоже примостились для позирования. Я нажал на кнопку, и пока рычажок пел свою восьмисекундную песенку, успел приткнуться к группе и взять Ласку за нос. Этот снимок жив и поныне.

Оказалось, в этот день тигр привел нас к палатке ближе, чем накануне. Прошло меньше часа, и мы увидели вынырнувшего из-за мыска рыжего бычка и обоих помощников. Они торопливо шагали по обе стороны саней, порозовели от подъема, запыхались. Но если Понджуни держался относительно спокойно, то Чигони ликовал как ребенок. Маленький, кривоногий, он счастливо улыбался во весь свой широкий рот, то пытался что-то выкрикивать, то хрюпал и в восторге бил себя по ляжкам. А приблизившись, долго тряс нам руки, обнимал и закончил плавным национальным танцем, медленно кружась с воздетыми и покачивающимися в такт ладонями.

В окружении почетного эскорта, на мягкой подстилке из дубовых веток с листьями вез наш рыжий бычок этот трофей номер один. А к вечеру красавец грабитель висел на мощной ветви векового дуба в нескольких шагах от палатки, где тоже остался запечатленным на фотографии.

Весной на Чукотке

Старый приисковый трактор «С-80» рванул так, что сидевшие в санях люди повалились со скамеек, хватаясь за борта и друг за друга; кубарем покатились мешки и рюкзаки. Звякнуло металлическое водило, увлекая высокие сани в мутную воду. Обычно спокойная чукотская речка Млелювеем, которую на летней рыбалке переходили в простых резиновых сапогах, сейчас, в весенне полноводье, бесилась и кипела, унося к Северному Ледовитому океану выдранные с корнем кусты рододендрона, карликовой ивы и березки, толстые серые льдины. Перебраться на другую сторону можно было только по воздуху или вот так; риск, конечно.

Трактор неотвратимо волок свой воз в пучину, и все понимали, что стальное водило, зашплинтованное мощным болтом, не сорвется ни при каких обстоятельствах, значит, оставалось одно: скав зубы ждать и верить, что тягач преодолеет глубину. Через щели хлынула ледяная вода, заливая ноги, и пассажиры почувствовали, как бешеное течение оторвало тяжелые сани от дна, их стало разворачивать, они всплыли. Все вскочили. Трактор по-прежнему полз к противоположному берегу, но с каждой секундой погружался все глубже. Скрылись в кипящей воде гусеницы, потом подножка, начала уходить кабина. На глазах, как закатное солнце, таяло заднее смотровое окошко, а за ним смутное очертание головы тракториста Петьки в замасленной кепке.

И вдруг...

Нет кабины, только бурлящая поперек течения водяная воронка. А на желто-пенистой, ускользающей поверхности, как перископ подводной лодки, едва заметен кончик выхлопной трубы, через которую еще дышит с усилием железное чудовище. Урчит под водой двигатель, отлетают вверх серо-голубые колечки отработанных газов. До верхнего среза тонкой трубы остается пустяк; сейчас двигатель захлебнется, и тогда уже «труба» всем...

Никто не вскрикнул, не вымолвил слова, только посерели лица и губы, а феноменальный стальной краб продолжает ползти под водой! Но вот труба начала расти. Почудилось? Обманывает волна? Нет, растет, растет!!!

Показалась черная слезящаяся крыша кабины, сверкнуло стекло; оно так запотело, что сквозь него ничего не видно. Наконец забурлили гусеницы, заскрежетали о береговую гальку. Мокрый, дрожащий трактор выполз на берег, вытянул за собой сани и остановился. Вся сцена заняла минуты, но показалось — прожито полжизни.

Тракторист распахнул дверку, спрыгнул на гальку, но покачнулся и, чтобы не упасть, прислонился к борту машины. Кепки на голове не было, вода ручейками текла из карманов ватных брюк, из-за голенищ кирзовых сапог. Мы медленно приходили в себя, прыгали на сухое, принимали от товарищей подмоченные котомки. Петро заглушил двигатель и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Баста. Пока вода не спадет, назад не поеду. Жизнь — одна. Прошлым летом сколь раз здесь переправлялся, а тут... Кто его знал, чертов Млелювеем. Вырыл за весну этакую траншею! Собирайте плавник, ребята, щас разведем костер, заделаем чифирку, просушимся, а то несдобровать. Эх, спиртику бы...

Часа через два, подсохшие и подогретые — кто чаем, а кто разведенным мутной водичкой спиртом, пожав руку герою-трактористу и приладив неудобные еще сыроватые мешки, группа в десяток человекступила на тропу, ползущую вверх к водоразделу, за которым в весенней дымке притаился загадочный обетованный Ичувеем — цель нашего похода.

Вышли на ночь глядя — экономили время. Впрочем, выше семидесятой параллели северной широты весенняя ночь — понятие относительное. Она больше походит на пасмурный день с каким-то сиреневатым оттенком маленького затмения. Здесь ее еще усиливают горы, а на берегу моря ночи уже нет вовсе: солнце только приспускается над горизонтом, плывет туманно-кровавое вдоль границы океана с небом и вновь начинает ползти вверх. Когда проснешься, даже глядя на часы, невозможно понять: утро это или вечер?

Долг путь на Ичувеем и тяжел. Шестьдесят с лишним километров подъемов и спусков, ключей и болот с высоченными кочками. А когда весь груз на плечах, тридцать километров за переход доводят до отупения; серо-белые к этому времени песцы, зайцы и стаи белых куропаток оставляют охотника равнодушным: только бы дойти, скинуть опостылевший рюкзак, сесть, а лучше лечь, вытянув ноги...

Утреннее солнце уже позолотило вершины каменистых чукотских сопок, когда наш отряд плотным табунком заполнил низкую землянку охраны геологической партии. И все, кроме двух сменяемых солдат, глотнув по кружке чая, улеглись вповалку на полу.

Проспали как убитые несколько часов, поели и снова в путь. Прибывшая с нами охрана осталась в землянке, дальше отправились восемь человек: четверо охотников и четверо рабочих прииска, откомандированные за диким луком, который еще предстояло найти по рассказам геологов и чукчей.

Теперь мы спускались уже одним из притоков Ичувеема, однако вокруг ничего не изменилось: те же каменистые холмы с карликовыми кустиками и брусличниками, серые сланцевые осыпи да бесконечные болота, усеянные высокими, похожими на тумбы кочками с торчащей на них блеклой прошлогодней травой. Ничего нового, никаких сказочных перемен, о которых столько говорилось и мечталось. Солнце спряталось за высокими вершинами, снова опускалась сиреневая полуночь, а мы, вяло переговариваясь, все шагали и шагали.

Но вот обогнули последний мысок, сделали шаг, другой и замерли. Почудилось, что нежданно-негаданно распахнулась потайная дверь в иной мир, мир фантастического острова «Земли Санникова». Пахнуло весной, потянуло теплыми, талыми болотами, распускающейся зеленью, донесяся гогот гусей... Впереди, в широкой пойме, струилась с плывущими льдинами свинцовая река в нежно зеленеющих берегах! Ичувеем!

Если на всем северном побережье ни один кустик не поднимается выше колена, то здесь стояли

давно позабытые в Заполярье заросли прибрежной ивы; они скрывали с головой, казались настоящими рощами. А рядом просторные отмели мелкого темно-серого песка, словно возделанные руками трудолюбивого огородника, щетинились куртинами полуметрового зеленого лука!

Чем объяснить такой контраст, о котором мы слышали, но в существование которого никогда до конца не верили? Составом почвы? Цепью гор, преградивших студеное дыхание Ледовитого океана?.. Не веря глазам, все ринулись к луковому полю, опустились на колени, сорвали по пучку, сунули в рот. Настоящий, живой! А ведь на Чукотке люди годами ели все консервированное и сушеное.

Теперь, весной, после долгой, темной, морозной зимы население нашего прииска «Южный», особенно женщины — два десятка молодых и чуть старше дам: старых там не водилось, — жаждало увидеть на столе живой, полный витаминов лук и свежую гусинину. На танцах в клубе они не скучились на улыбки, сулили охотникам спирт и особое расположение...

И вот он, лук, в наших руках, и гуси, правда, еще в небе, но тоже живые, гогочущие.

Пока мы ставили палатку, четверо молодых ребят, едва передохнув, нарывали огромные охапки лука, связали в пучки, доверху набили мешки и, помахав на прощание, тронулись в обратный путь. Стало ещетише и таинственнее, простор и безмолвие как-то оглушали.

На заре втроем отправились вверх, туда, где Ичувеем стеснен прижимом: здесь вода бежала заметно быстрее. Я замаскировался в кустах на излучине, где, заметил еще издали, время от времени тянули одиночки. Николай с Володей ушли выше.

Стараясь не делать лишних движений, осторожно посматривал по сторонам и вдруг на фоне голубовато-розового неба заметил приближавшегося гуменника. Гусак летел невысоко, не торопясь, забавно выворачивая голову боком, как бы что-то высматривая. Подпустив, я выделил почти по носику, ударил нулевкой. Гусак остановился, сломался в воздухе и рухнул на открытую вытянувшую полянку, на чистый серо-зеленый мох в нескольких шагах от складка. Лежал так красиво освещенный первыми лучами, что я не стал переносить его в тень на снег. А вскоре снял второго и бросил рядом. Третий гусь утянул довольно далеко. Притащив, я уложил его в тени под кустом на осевший снежный сугроб.

Солнце поднялось, стало припекать, занимался тихий, очень теплый и ясный для Чукотки день. На нашем берегу пролет прекратился, зато на противоположном, пологом, в полукилометре от реки, гуси устроили настоящий базар. Несколько стай нашли что-то привлекательное: они галдели, садились, взмывали, кружились и опускались вновь.

Я услышал отдаленный разговор, выглянул. Над кустами мелькали две серые шапки, сверкнули стволы ружей. Ребята подошли, и честолюбивый Николай Беляков пробурчал ревниво:

— Ого, целых три, сегодня только на тебя и летит. — И, оглянувшись на противоположный берег: — Видал, что там делается? Вот бы перебраться... Знаешь, мы с Володей нашли на берегу брошенные геологами тракторные сани, почти целые. Что, если отодрать борт и устроить плот? Возьмем шесты и — раз! — на тот берег! А?

Крупный, мешковатый Володя поддержал:

— Там и ломик гнутый валяется, за час можно управиться. Ты как?

Меня ли было уговаривать? Я сам бывал зчинщиком подобных авантюри. Тронулись не мешкая.

Высокие добродушные сани только слегка перекосились — лопнул полоз, крепко засели в гальке. Огромные борта были совершенно целы, желтели толстые сухие доски — чем не плот? Не учли одного: то была крепчайшая и очень тяжелая даурская лиственница, заготовленная, вероятно, на Колыме. Но об этом не думали; засучив рукава принялись оттирать от стоек боковую стенку. Не помню, чем пользовались

кроме старого ржавого ломика, однако намаялись досыта; исцарапали руки, перемазались в смоле, но в конце концов тяжеленный борт рухнул на берег. Провозились не час, а целых три, но зато обрели солидный плот.

Радуясь, как мальчишки, перетащили его к воде, опустили в заливчике на мелководье. Плот легонько покачивался и выглядел очень надежно. Снесли, сложили на середине рюкзаки и гусей, захватили выбранные из плавника палки, взошли на свой паром и оттолкнулись. Под весом трех взрослых мужчин и вещей плот заметно осел, сквозь щели забила фонтанчиками вода, но мы были счастливы, как герои кинофильма «Верные друзья»! Смеялись, шутили и, упираясь шестами в дно, старались направить свой ковчег к противоположному берегу.

Однако корабль слушался плохо, начал рыскать и кружить. А когда мы выбрались на фарватер, где мимо проносились ноздреватые льдины и шесты едва цепляли дно, плот совсем потерял управление. Все стояли уже по щиколотку в воде, а он шел туда, куда его несло бурное течение. Поняли, что влипли в историю, лишь тогда, когда предпринять что-либо было поздно. Теперь старались только устоять на ногах, не свалиться за борт. А плот все набирал скорость, и наш плес стремительно уходил назад: сто, двести, триста метров и никакой перспективы, кроме той, что в конце концов налетим на камни и опрокинемся...

— Что будем делать, а? — кричит как-то сразу осунувшийся Николай. — Что предлагаешь?

— Подождем, когда поднесет к островку и — прыгать, — кричу ему в ответ.

Володя угрюмо молчит и безнадежно смотрит на ускользающий, так глупо покинутый солнечный берег. И вдруг — поворот.

Нас несет к противоположной стороне, проносит мимо мыска. Беляков, не говоря ни слова — своя шкура прежде всего, — напрягает рюкзак, хватает ружье и — как кошка — прыгает к прибрежным кустам. Но до берега не дотягивает: подняв тучу брызг, уйдя по уши, все же достает ногами дно и успевает схватиться за поникший к воде тальник, карабкается на мысок. Мы видим все это мельком, нас проносит мимо, гонит на длинный голый остров, вдоль него. Я швыряю на косу шест, рюкзак, связку гусей, кричу:

— Володя, прыгаем, затормозим плот!

На всякий случай на одном конце закреплена длинная прочная веревка. Мы на отмели хватаемся за нее, упираемся, но это больше похоже на то, как два ребенка пытаются остановить катящийся вагон. Бежим, нас дергает, тащит, веревка со свистом обжигает руки, мы падаем; вскакиваем и видим, как плот мелькает на солнце минуту-другую — и навеки скрывается среди сверкающей воды и льдин... Все! Мы — как робинзоны на необитаемом острове.

Оглядываемся и видим — Николай на той стороне стаскивает сапоги и ползает, собирая хворост. Вскоре там взвивается дымок. А на нашем острове дров нет, да и сушиться нет смысла, нужно как-то выбираться, и побыстрее.

Стоим, смотрим. И определяем, что плот ушел по главному руслу, значит, по глубине, а между островом и нашим берегом рукав хотя и шире, но, чувствуется, помельче, можно пройти вброд. Ледяная вода? Но лишь бы ее одолеть, на берегу разведем большой костер.

Думать долго некогда. Беру на плечи груз и, опираясь на палку, вступаю в реку. Бреду, слегка подпрыгивая на волне, наискосок течения, так, чтобы оно помогало, подгоняло. Вскоре вода по пояс, сводит мускулы, отзывается в костях. Слышу, как Володька, ойкая по-бабы, бултыкается следом. На глубоком месте вода подошла под грудь, перехватило дыхание. Подумалось: а вдруг яма и сейчас с головой? Встал на носки, шаг, еще шаг, уже по пояс, по колено. Выбрались, как связанные, добрели до кустов, сбросили груз, кое-как с потоками воды стянули сапоги, принялись за костер. Благо под шапками

завернутые в просаленную бумагу спички остались сухими.

Мы, голые, прыгаем возле своего костра, а Колька в длинных белых подштанниках там, на другом берегу. Его положение серьезнее: и дальше, и, разумеется, глубже.

Сложив ладони рупором, кричу:

— Коля, не тяни, плыви, другого выхода нет. Если будет трудно, кричи, встретим!

Николай Беляков — решительный малый, этого не отнимешь. Затолкал в рюкзак отжатое белье, привязал на голову, повесил за плечи ружье, вошел в воду, вскрикнул как от ожога и поплыл...

За сто метров было видно, как его лицо меняет цвет. Из розово-загорелого стало белым, начало синеть. Он вскрикивал, будто его били под ребра. И хотя вскоре встал на ноги, все равно, увертываясь от льдин, жалобно подывывал. Мы следили за каждым его движением, и, когда я рассмотрел какое-то мертвенно выражение лица, не выдержал, бросился в воду навстречу, снял с него ружье; он оперся о мое плечо, так и выбрались рядом. Володя шуровал костер, подбрасывал сушняк, пламя гудело.

Все довольно быстро обсохли, а согреввшись, вспоминая подробности, начали ходить; бегали, прыгали, прокалывались у огня, выпили чайник крепкого чая, и никто не простудился, не нажил даже насморка!..

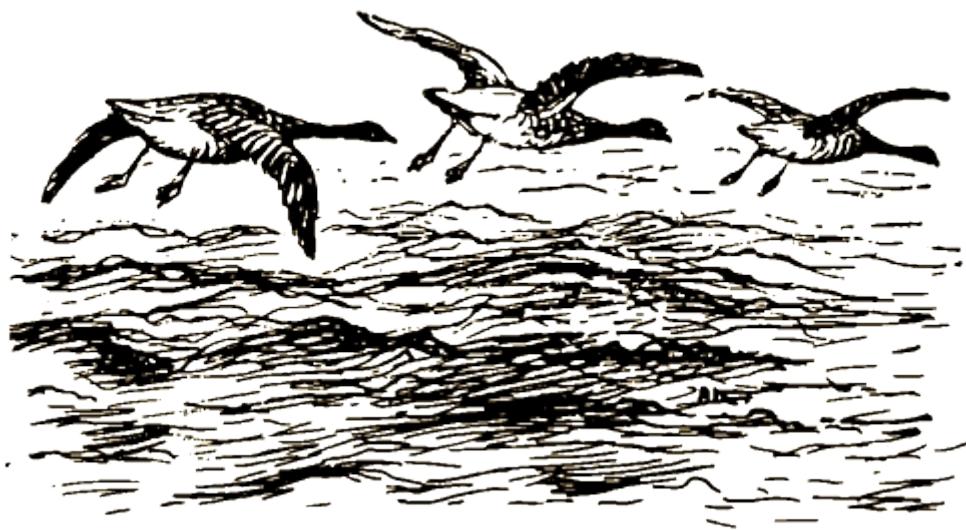
Весна на Чукотке развивается бурно, торопится жить. Ибо лето скоротечное и непостоянное: сегодня тепло, завтра бело. Шагаешь по тундре, а следы разноцветные: первый — белый, второй — фиолетовый, третий — красный, то ступил в снегу на спелую голубицу, то раздавил бруслику...

На обратном пути снега не осталось и в помине, весна закипала на глазах, поражало обилие цветов, которые распустились как по волшебству — за три дня и три ночи. Казалось, в мареве невидимых испарений бескрайние дали колеблются и плывут, как сквозь волнистое стекло, а среди, них колышутся поля белых, желтых, голубых и сиреневых, нежных и недолговечных, трогательных цветов Заполярья. И кто говорит, что они без запаха? Это неверно. Только их аромат так же хрупок, как сам цветок. И видно, доступен не каждому.

Впрочем, как и сам Север.

На перевале

(Весенний перелет)

Четыреста — пятьсот метров над уровнем моря не бог весть какая высота, однако девятого мая снег здесь еще лежал полутораметровым слоем. Один опрометчивый шаг без лыж в сторону от более плотно наметенного ребра — и баx! — хорошо еще, если по плечи, а то скроешься до самой макушки. Едва образовавшийся под утро наст предательски отрезал оставившего лыжи легкомысленного охотника от внешнего мира: до поздней ночи он становился совершенно беспомощным.

Такая обстановка застала нас в горах, куда мы забрались в полной уверенности, что только мы такие предпримчивые и будем безраздельными хозяевами знаменитого перевала.

Моим единственным спутником в этом рискованном походе был Володя Матвейчук, прославленный лесоруб Магаданского гортопа, старый друг и компаньон по охоте. Все, кто до этого горячо поддерживал идею засады на перевале, только глянув снизу на белоснежные сахарные головы, проглядывающие сквозь тюль весеннего тумана, предпочли уехать в милую сердцу, годами исхоженную изученную тундрой.

Коля-тракторист довез нас до оставленного хозяевами на недоработанной деляне домика на санях, с трудом развернулся в глубоком снегу и уехал. Мы тщательно прибрали свое будущее великолепное жилье с окном, нарами и печкой, заготовили дров, натопили из снега пару ведер воды и вышли на лыжах на разведку. До самого перевала оставалось менее километра, мы медленно взбирались между совсем по-зимнемуuvwешанными снежными хлопьями лиственницами. Справа и слева от нашей пологой седловины высились едва различимые в тумане каменистые пики — голицы, постоянная обитель северного снежного барана. Мощный в этих местах, непременный житель всех гор Колымы — кедровый стланик все еще спал под гигантским белым покрывалом. Никто, прия сюда впервые, не мог бы предположить, что с первыми теплыми днями похороненные с осени мохнатые зеленые пружины с пугающим шумом начнут выпрыгивать на поверхность, швыряя к солнцу ослепительные брызги крупнитчатого снега, что окружающий пейзаж неизвестно изменится за один день. Тогда здесь ни проехать, ни пройти.

Было пять вечера. Стояла полная тишина, только с легким шорохом падал на голову и плечи редкий

колючий снежок. Поскрипывая лыжами, мы потихоньку обменивались мыслями:

— Посмотрим, что оттуда видно. Выберем место для скрадков на всякий случай — вдруг кто-нибудь явится позднее, чтобы разговоров не было, знаешь...

— Да ну, что ты! Вон снег по горло. Кто сюда нынче припрется? Хорошо, что с нашей стороны набита лесовозная дорога, а оттуда, с трассы, двадцать километров целины. Кто рискнет? Нет, таких любителей не найдется.

— Да-а, тишина. И на весну-то не похоже. То ли дело сейчас в тундре: проталинки на кочках, кое-где, может, уже вода. Вот-вот гуси появятся. Как бы мы здесь не того... Вот, скажут, два чудака! Засмеют. Посмотрим день-другой, как будет, а то еще успеем в тундру? А?

Мы уже на перевале. Только молодняк лиственницы загораживает самый гребень.

— Стой, стой! Кажется, где-то разговор! Тихо...

Разговор, точно, где-то там, впереди. Только пока нельзя разобрать слов. И вдруг «гав-гав» — собачий лай.

Смотрим — и глазам не верим. Не два, не три, а целая толпа людей, и, конечно, все с ружьями! Человек восемь или девять столпились на белоснежном пологом гребне перевала: курят, толкуют о чем-то. Возле них носится резвая собачонка.

Вот тебе раз!

Подходим. Приветствия хмурые, без рукопожатий. Видно, они еще меньше нас «осчастлилены» этой встречей. Уже одиннадцать энтузиастов!

В самой ложбине седловины из-под снега едва торчит крытая толем верхушка барака, из трубы вьется голубоватый дымок. Ого, эти заняли самый главный лаз. Второй дымок метрах в двухстах левее. Кажется, труба торчит прямо из снега.

Вяло знакомимся. Старший центрального барака — Бибик, левого зимовья — Нестор. Центральные — «главные хозяева» — работники аэропорта.

Хозяйским тоном Бибик говорит:

— Здесь все занято. Нас шестеро, мы занимаем весь перевал до Нестора и в противоположную сторону. Там уже сделаны скрадки, завтра туда еще придут наши товарищи. Я здесь уже три года. Так что вам придется идти во-он туда! — он указывает на гору вправо, где, как мы чувствуем, вообще никто и никогда не пролетает.

— Так, Володя, значит, мы, лесники, прямые хозяева этого леса, этой горы, по которой носимся на лыжах вот уже несколько зим, промерили, застолбили, учли запасы леса, нанесли на план, — мы здесь гости. В шестистах метрах наша деляна, наш домик, и мы — гости... Нам из милости снисходительно разрешают посидеть во-он на той горке! Так, хорошо.

Володя угрюмо молчит. У «бибиков» действительно прокопана узкая, но глубокая — до земли — траншея от их утонувшего в снегу барака в сторону «несторов» более чем на сотню метров. Несмотря на то, что охота открывается лишь сегодня с вечерней зари, они здесь уже неделю и неделю рыли окоп в два метра глубиной, только бы закрепить де-факто за собой эту территорию.

Подходим ближе:

— Вот что, товарищи. Когда ваши прибудут — увидим, а пока мы занимаем правую от вас сторону.

— Ну-ну! Мы еще сами будем там стоять. Идите дальше, к горе.

Молодые кипятятся больше всех. Как же, их шестеро, у них жилье прямо в центре! Однако более рассудительный Бибик меняет тон:

— Смотрите. Только вообще-то вы напрасно здесь время потеряете, шли бы в тундру. Тут ведь как: когда пройдут два-три табушка, а когда и ничего...

Слушая его старое как мир охотниче брюзжание, я смотрю на покрытую туманом долину, откуда должны лететь птицы. Что-то маячит низко над лесом, какая-то колеблющаяся полоска становится все ясней и ясней, мешает слушать и сосредоточиться.

Да это же они!

Серо-пепельные тяжелые гуменники, как эскадрилья бомбардировщиков, с трудом набирают высоту и фронтальной цепочкой четко вырисовываются над вершинами заиндевелых лиственниц:

— Гуси! — я инстинктивно сажусь на снег за маленькой лиственницей.

Спор как отрезало, все прячутся кто куда может.

Двести, сто пятьдесят, сто метров отделяют от нас стаю. Несколько секунд — и... Но для этих самых ответственных секунд у молодых не хватает главного — выдержки: трах, тах, тараках! Как, заразителен для многих первый, хотя и совсем безрассудный выстрел! Только мы с Володей не стреляли: в лоб за сто метров можно лишь отпугнуть. Гуменники взмывают, разворачиваются и уходят назад в туманную даль.

Так по-мальчишески стрелявшие горе-охотники сконфуженно молчат.

— Пойдем, Володя, тут дела не будет.

А гуси вдруг посыпались, как из рога изобилия. «Табушки», да какие — по тридцать, сорок, пятьдесят и до сотни, с интервалами в десять — пятнадцать минут шли, как по шнуру, на едва заметную, замаскированную избушку и окоп «бибиков». Заметив приближающийся табун, «бибики» мчались по своей траншее, встречая низко плывущих громадных птиц беспорядочными выстрелами. Они сильно мешали друг другу, волновались, и результаты были значительно хуже, чем могли быть у двух спокойных опытных стрелков. Новички, а их было несколько, мешали бывалым.

Ведь это только кажется, что гусь тянет тихо. В пределах досягаемости он находится считанные секунды. Быстро прикинуть расстояние до цели, скорость полета: по ветру или против него, чтобы сделать правильный вынос, — все это имеет решающее значение.

Как всегда бывает в первые дни весеннего перелета, шел на подбор гуменник. Заметив издали табун, стоя на коленях в своей снежной яме, прильнув лбами к сетке воткнутых в снег веток лиственницы, мы тихо шептали заклинания, уговаривая стаю повернуть чуть в сторону, на нас. Бесполезно. Они летели прямо на «бибиков». Шепча проклятия, громко дыша, пригнувшись в страшном напряжении, наблюдали, как серые птицы, уже в профиль, мерно взмахивая крыльями и обнажая при каждом взмахе светлые подкрылья, вытянув прямые длинные шеи с мощными головами, неотвратимо надвигались на застывшую, окаменевшую в траншее группу.

«Трах, тах, тараках! Тах, тах!» — успевали насчитать четырнадцать-пятнадцать выстрелов, остальныесливались... Казалось, сейчас с неба обрушится целая масса! Но падал один, редко два, часто ни одного...

Володя не выдерживает. Небольшого роста, жилистый, шустрой и остроумный, скалит прокуренные зубы на темно-бронзовом от зимних ветров лице:

— Эй, вы! Пустите к себе с половины! И патроны сохраните, и с гусями домой поедете, мазилы...

Мы злорадно смеемся в свое удовольствие. В ответ — хмурое молчание.

И вдруг из разбившегося веером табуна несколько гусей поворачивают к нам. Делаем первые выстрелы. Один крупный гуменник тяжело падает совсем рядом: мы тоже открыли счет!

Начало темнеть, гуси стали отклоняться от центра то вправо, то влево. Вот упал у Нестора, потом снова у нас. И, надо сказать, Володина старая курковая тулка мало отставала от моего браунинга: он сделал отличный дуплет.

В глубоких сумерках — в мае на Колыме нет настоящей ночи — мы притащили в свой домик солидную связку увесистых, пахнущих далекими неведомыми болотами красавцев гуменников.

С утра лёта не было, но басням про «два-три табушка за день» мы уже знали цену. Конечно, мифические «товарищи», для которых якобы приготовлены занятые нами складки, не пришли, но охотничье пополнение прибыло. Примерно к обеду явились два «старика». Один действительно был пожилой, другой, цыганского вида, средних лет. Но поскольку впереди шел высокий, обросший седой щетиной, за ними укоренилась кличка «старики». Теперь были «библии», «несторы», мы — «лесники» и «старики». «Старики» стали левее Нестора, по-хозяйски поставили в леске палатку, скоро у них из трубы повалил дым: бывалый охотник ранней весной без печурки не ходит.

К вечеру замаячили еще три сгорбленные темные фигуры. Они установили палатку правее, под той горкой, на которую нас направлял Бибик. Познакомились. Компания из Магадана, все из одного учреждения. Они целый день поднимались от трассы. Днем снег тает, садится, лыжи зарываются, а палатка, продукты, патроны — все на себе. Добрались едва живые и без печки. Более опытные «старики» большую часть пути проделали ночью, по заморозку, — им было легче.

С утра погода опять стояла скверная, солнца не видно: тучи, туман, снежная морось. Пошли проводать новых соседей и застали их в плачевном состоянии: печки нет, все вещи мокрые. За ночь они окончательно промерзли, почти не спали, посинели. Мы пригласили их в свой теплый домик, они приняли приглашение с радостью, перебрались и сразу заснули как убитые.

После перерыва снова пошел гусь, и снова преимущественно на «библиков». Мы подбирали то, что отбивалось в стороны, без трофеев не остались.

Я сделал несколько удачных выстрелов, как вдруг увидел приближавшуюся на лыжах фигуру высокого старика:

— А ну, покажи, из какого это ружья ты их валишь? Больно здорово получается: ну как плеткой! Да, вешь...

Он любовно погладил мой автомат. Поговорили, и я предложил занять свободный складок между мной и старшим из ночевавших у нас магаданцев. Он отошел, снял лыжи и влез в выкопанную в снегу ямку, замаскированную ветками. Метрах в семидесяти от него, в другом складке, из-под шапки выглядывали темные очки на багровом от снежного загара носу соседа. Изредка мы вполголоса обменивались репликами. Внезапно я увидел четырех гусей, тянувших в промежуток между моими соседями. Свистнул, они заметили и, повозившись, затихли.

«Га-а-а-агак...» — Четверка наплыvalа на их траверс, и я видел, как по ходу за ней плыли, медленно перемещаясь над кучками снега и веток, два вороненых ствола целившимся с обеих сторон охотников.

«Бах-бах! Бах-бах!» — оба сделали по дуплету. Кто стрелял последним — не знаю, но со стороны было отчетливо видно, что с четвертого выстрела самый задний гусь вдруг встал на крыло и совершенно отвесно упал между складками, чуть миновав линию стрелков. Упал и от своей тяжести, пробив тонкую дневную корку наста, совсем ушел под снег. На поверхности едва заметно торчало только одно маховое перо.

— Я! Мой!

Как часто случается у незадачливых охотников, они начали спор. Оба вскочили на ноги и, забыв о лыжах, кинулись к одиночно торчавшему из снега метрах в сорока от каждого серому перу. Сразу оказавшись выше пояса в мокром снегу, они отчаянно забарахтались, но стариk, вспомнив о лыжах, быстро повернулся назад. Его соперник, увидев, что может опоздать, сделал то же. Однако первый, второпях не попадая в крепления и боясь промешкать, вдруг ринулся в снег с одной лыжной палкой в руке, рассчитывая, вероятно, на свои длинные ноги. Встревоженный неожиданным маневром коварного противника, второй сделал то же самое. Бурно, с размаху прыгнув подальше, оба засели еще основательнее.

Сквозь душивший смех я кричал:

— Бросьте купаться, наденьте лыжи, не будьте детьми! Разберемся, чей гусь!

Бесполезно. Они ничего не слышали и не видели, кроме друг друга и уже не пера, а целого крыла: птица медленно, но верно выбиралась из глубокого колодца. Вот гусь показался весь и уселся на кромке снега. Покрутил шеей и отчетливо произнес: «Гак!»

Я понял, что дело принимает рискованный оборот, и, решив выручить товарищай, сам стал напяливать лыжи. Однако соперники наконец опомнились и, в очередной раз вырвавшись из снежного плена, поспешно налаживали свои скороходы. Я крикнул:

— Торопитесь, он может улететь!

Стало ясно, что гуменник просто контужен и теперь пришел в себя, однако противники уже на лыжах уверенно с двух сторон бежали к неподеленному трофею.

Увы, еще раз резко крутнув шеей и издав победоносное «га-гак!», матерый гусак поднялся на крыло!

Охотники были от него в пятнадцати шагах, я считал, что шансов уйти у гуся нет. Во всяком случае лыжники одновременно затормозили, вскинулись, но... ни одного выстрела не последовало: оба в пылу забыли перезарядить свои ружья! Гуменник, набирая высоту, еще раз крикнул на прощанье и скрылся среди заснеженных лиственниц! Я откровенно хохотал, совершенно не в силах сдержаться. А взрослые мальчишки, которым вместе давно перевалило за сто лет, сконфуженно расходились по своим скрадкам...

Охота подошла к концу. Возвращение в город стало триумфальным. И все было, как всегда: жены брали за долгое отсутствие и неприлично облупившиеся, неузнаваемые физиономии; репортеры — не охотники — в очередной раз пытались высмеивать недоступную их пониманию благородную первобытную страсть; добрые знакомые, опрокидывая под жареного гуся рюмку, хвалили самоотверженных энтузиастов.

Лето и осень пролетают на Колыме незаметно. А бесконечная для многих зима охотникам не кажется длинной — уже с Нового года идет глубоко законспирированный разговор: «Куда нынче? На тракторе или вертолете? В Тауйск? На Лайковую? На Армань Старую или. Новую?.. Надувные матрасы? А спальные мешки?..»

Еще трещат морозы, змей шипит поземка, крутит пурга, но от этих разговоров в ушах рождается клекот пестрой казарки и низкая, солидная перекличка серого гуся. Становится жарко, как от стакана коньяка.

Пожалуй, каждый третий мужчина на Колыме — охотник. И если учесть, скольких она, охота, поддерживает морально и физически, скольких заставляет полюбить Север, то, ей-богу, нужно воспевать эту мужественную страсть, а не иронизировать над одержимыми.

Охоту все больше ограничивают во времени, но люди ждут этих десяти дней в течение трехсот пятидесяти безропотно и смиренно. И как же бывает горько, когда начальство хладнокровно заявляет: «Ты,

братец, не обижайся, но придется тебе задержаться. Поедешь на следующей недельке». Через неделю! А бывает, что день-другой решает все! Да тут дорог каждый час! «Через недельку!» Значит, год пропал... Это понимать надо!

А сборы идут, сроки придвигаются. Паника: разрешат — не разрешат нынче охоту вообще? Заболела жена... Не пускает директор... Свет не мил! Не готовы патроны, а дроби «два нуля» нигде нет... С транспортом не налажено. И вдруг: «Ребята, договорились на вертолет! Собирай на билеты!»

Тем временем полыньи в бухте Гертнера ширятся, ветер с Мелководной выносит льды к острову Завьялова. Между светло-голубым весенним небом и такого же цвета морем ярко вырисовывается цепочка гор полуострова Кони. За вершину Марчеканской сопки зацепилось серое облако.

Разношерстная компания с утра на летном поле. Что тут делается! Машины, собаки, вещи! Никто ничего не знает.

— Смотри, вон закрутили!

Серо-зеленый вертолет принимает в свое чрево счастливчиков. Дрожит, отрывается и взмывает, беря курс на Лайковую. Один, второй, третий... Летят.

Летят и гуси, летят — не ждут. У них свой график. А группа, которая всю зиму готовилась, отказалась от трактора и надежных товарищ, сиротливо сидит на вещах и к вечеру возвращается в город.

Хорошая вещь вертолет: через час-два садится среди таинственной, недоступной пешеходу далкой тундры. Но... бывает, что лучше от него отказаться, вернее. Тогда оправдывает себя крылатая пословица аборигенов: «Самолет хорошо, а собачки — лучше!»

Решили, что надежнее добираться на знакомый и доступный перевал. Нет там ни озер, ни болот, но уж коли вовремя, да на хорошем месте... И постановили — на этот раз нужно позаботиться о месте заранее, чтобы не оказаться снова пасынками. Решено — сделано, благо в эту зиму снег не такой глубокий.

В начале апреля цепляем старую, отслужившую свой век будочку на полозьях и завозим со знакомым трактористом на самое горное седло. Ставим прямо между хижинами «бибиков» и «несторов» в общую линию — чем мы хуже? Отцепляем и уезжаем. Впереди еще не одна пурга, но пусть будка стоит до мая и обрастает снегом. Пусть теперь попрыгают соседи — «хозяева». Мы тоже охотники, с одинаковыми для всех законными правами. Вон на сорок седьмом километре, на горе, охотники годами сидят целыми группами, в двадцати — тридцати шагах друг от друга. Что поделаешь?

Светлой майской ночью, пользуясь заморозком, на вездеходе «ЗИЛ-157» лихой Юрка-шофер довозит нас почти до места. В этом году обстановка другая. Зима была малоснежной, весна раньше, стланик наполовину уже стоит, совершенно изменив панораму. Пробираться сквозь него — дело сложное. Сопя, тащим сквозь заросли вещи к своей будочке. На точке «бибиков» светится огонек. Ага, значит, опять прибыли заранее.

На этот раз нас четверо. Володи с нами нет, все из Магадана. С утра беремся за топоры. Пока гусь не двинулся, надо прорубить подступы к будке, к соседям. Завтра-послезавтра начнется перелет — некогда будет заниматься хозяйственными делами.

Небо этой весной синее, солнце греет, как на юге. И хотя снег еще выше колена, мы, раздевшись по пояс, воюем с толстым, пружинистым, твердым, как железо, кедровым стлаником. Лишь после обеда, взмокшие, перепачканные смолой, прорываемся к стоянке «бибиков»: сто шагов преодолевали четыре часа!

Приближаемся. Гробовое молчание. На нас смотрят как на врагов, вернее, вовсе не смотрят. И вдруг прорываются хором. Чего мы только не слышим: занятое нами — их «законное» место, мы захватчики,

паразиты, фашисты...

Повторить все услышанное бумага не позволяет. Но тут, к счастью, выясняется, что наш Петр Алексеевич давно знаком с Бибиком, они старые друзья, и в конце концов спор стихает. Мы уже сидим перед их палаткой и мирно разрешаем деловые вопросы. Чтобы избежать недоразумений в будущем, устанавливаем правила стрельбы, границу между нашими зонами: здесь обязательно должна быть ясность. Обмениваемся мнениями. Ветераны убеждены: перелет начнется не сегодня-завтра.

К вечеру прибывает компания Нестора, на следующий день — «старики». Начинаем ходить друг к другу в гости. Все в сборе, все конфликты разрешены, а гуся нет как нет!

Оба наших Ивана, Петр и я честно сидим целыми днями с биноклем на крыше будки. Давно изучены все дальние и ближние горы. Сколько раз отдаленные, вытянувшись на западе в строчку облака заставляют учащенно биться сердце, неуверенно произносить заветное: «Ребята, кажется, летят...»

Нет, как будто где-то что-то «заткнули», или гуси передумали нынче, ушли другой дорогой. Прогнозы, прогнозы. Авторитетные суждения и всевозможные фантастические предположения о «громадных снегах под Охотском», которые затормозили перелет. Бегаем слушать сводки погоды по единственному транзистору. Нет, летная!

С каждым новым днем число пессимистов растет, оптимистов — тает. Десятое, одиннадцатое, двенадцатое, тринадцатое... Всем становится ясно, что гуменник где-то прошел, очевидно, берегом и морем. Одна надежда на казарку: ее срок еще не вышел.

Весна шестьдесят шестого для меня последняя на Колыме: неужели так и уеду без выстрела, не повидав, не послушав весенней песни? Такую же тоску вижу в глазах своих товарищей.

Утро четырнадцатого не принесло ничего нового. У правых соседей слышны жаркие споры, некоторые уже за то, чтобы уходить — истекает отпуск. Саша Бибик приходит к нам на совет.

— Дома неотложные дела, схожу до завтра. Как полагаете, не рискую пропустить лёт?

Ничто не предвещает перемен, погода такая же ясная. Высказываем свое откровенное мнение, без всяких хитростей. Да, мы с Петром Алексеевичем, как самые опытные, думаем, что сегодня будет таким же, как и все предыдущие дни. Нам ведь тоже скоро пора в город. Правда, мы проводим дни не совсем напрасно: становимся на лыжи, осматриваем отработанные и намечаем будущие делянки.

Саша прощается и уходит. Стоит та же безмолвная тишина. Кто готовит дрова, кто варит обед, кто просто дремлет на солнышке. Даже разговоры иссякли.

Под вечер мы с Петром Алексеевичем вернулись из очередного обхода леса. Иван Иванович и Иван Георгиевич — бесменный энтузиаст-повар — ждали нас к ужину. Поели «всухую»: все, кроме чая, было давно выпито. Наш шеф-повар по кличке Татуза — Большой живот (по-китайски) долго распространялся о «вкусовых данных» разных восточных блюд, потом натянул полушибок, перекинул через плечо бинокль и, кряхтя, полез по лесенке на плоскую крышу будки. Это выполнялось по привычке, скорее из принципа, ибо большинство уже окончательно утратило веру в успех.

Оставшиеся в домике валялись на грубых дощатых нарах, «травя» старые анекдоты; двери стояли распахнутыми, на перевал опускался тихий теплый вечер. Неугомонный, громогласный Петр не успел закончить очередную историю, когда на, крыше что-то завозилось и кулак Татузы трижды бухнул в гулкую крышу:

— Тише! Вроде где-то кричат...

Все гурьбой выссыпали на улицу и, приоткрыв рты, вытянули шеи.

«Кикики-ки-ки... кикики-ки-ки...» — все явственнее доносилось со стороны глубокой, уже потемневшей впадины, на западе позолоченной поверх мглы лучами близкого к горизонту солнца. Багровый закат и эти лучи не давали ничего видеть, а звуки нарастили.

— Казара ползет, карауль!!!

Тревога у нас и на стане «бабиков» поднялась почти одновременно. Темные полусогнутые фигуры заметались в поисках удобной позиции. Длинноногий Петр ринулся по сугробам за куртину стланика между нами и соседями, Иван Иванович — за будку, я — за куст перед ней, наш наблюдающий, сопя, распластался на сброшенном для удобства полушибке, не слезая с крыши.

...Они надвигались черным на фоне заката, колеблющимся полумесяцем; часто, по-казарочьи, махая острыми, загнутыми книзу крыльями, перестраиваясь на ходу и оживленно переговариваясь, шли прямо над ложбиной между двумя станами. Мы с Петром только успели приглушенно крикнуть: «Не торопись, напускай, напускай!» — как тут же рявкнуло несколько ружей. Стая встала на дыбы, смешалась. «Трах-тактах» — один, второй, третий комок закувыркался в вечернем небе. «Бух-бух» — они шлепнулись в стланик и на выпотапанные площадки.

— Мой! Держи! Смотри! Стоп, не там!.. Иван, тебе сверху виднее, где упал?

Иван Георгиевич теряет обычное спокойствие:

— Какого черта пристали? Иван, Иван!.. Я тоже стреляю, и у меня упал, во-он там!

Красные, возбужденные охотники уже тащили первых гусей, еще о чем-то спорили, когда наш дозорный одним окриком пресек общий гвалт:

— Тихо, летят!

Все смолкли мгновенно, кинулись по своим облюбованным точкам.

Вторая цепочка-треугольник забирала правее, прямо на нас. Из-за розоватых, освещенных последними лучами вершин стройных лиственниц вынырнули серые, с более короткими, чем у гуменников, шеями и аккуратными головками стремительно летящие птицы. Хорошо видны округлые, пестрящие черными полосками брюшки. В тридцати — сорока метрах отчетливо различимы желтые лапки, прижатые к нижней части живота.

И вот они уже надо мной. Ловлю на мушку надутого от важности передовика, чуть выношу — раз! Он ломается в воздухе: сложив вдоль тела острые крылья, откинув назад голову, камнем валится почти на крышу нашей будки.

Успеваю сделать еще два выстрела, а кругом настоящая канонада: сквозь общий грохот улавливаю речитатив второго браунинга в руках Петра Алексеевича. Падает вторая, третья птица, мне на голову сыплются дымящиеся пыжи из стволов тулки палящего с крыши Ивана. Не успеваем собрать к стенке нашего домика первые трофеи, как снова крик и снова приближающееся «кики-ки-ки-ки, а-а-а-ак!»...

Шурша настом, из темно-зеленого куста стланика выбирается пунцовый, с широко открытыми сияющими глазами Петр, он держит за шею опустившего лапы гуся. Кидает его в общую кучу и возбужденно рассказывает:

— Ты понимаешь, смотрю — тушки, жирные такие, круглые, прямо в глаза прут! — Он длинными пальцами делает кольцо, изображая эти «тушки». Из другой куртины вылезает с гусем Иван Иванович, смотрит гордо, но не успевает сказать слова, как кто-то испуганно: «Карауль, идут!» — и все снова врассыпную.

Темнеет, огонь из стволов полыхает зарницами, силуэты птиц видны только на фоне закатного неба, а

казарка все рвется на северо-восток. Пальцы судорожно ощупывают патронташ — он пуст! Один за другим вбегаем в будку, дрожащими руками шарим в рюкзаках запасные патроны. А снаружи опять крики, опять стрельба!..

В первом часу все стихло, и мы начали раскладывать на снегу второпях сваленную дичь. Уложили аккуратно, рядами, с небольшими промежутками, чтобы птица за ночь лучше промерзла. Иван Иванович сосчитал: двадцать три.

Забрались в будку, растопили печку, напились чаю. Рассказывали наперебой, и все сошлись в том, что ради такого вечера стоит пережить любые тяготы и трудности. Ждали, что на заре лёт возобновится, но прокатившаяся за три часа волна иссякла.

Вот и угадай этот вал! Незадачливый Бибик остался вне игры, хотя долю от своей компании, конечно, получил.

Утром услышали гул трактора. Завхоз и тракторист лесоучастка приехали за дровами и решили заглянуть к нам. Они уже слышали о неудаче всех собравшихся этой весной на перевале и были ошеломлены, увидев шеренги разложенных рядками казарок. Кто-то надоумил:

— Покружите по стланику позади, на восток от нас, думаем, мы в темноте собрали не всех.

Они натянули высокие резиновые сапоги и, пока мы завтракали «добыли» на радость женам еще трех замороженных гусей.

Со следующим трактором снялись все, оставив монопольными хозяевами перевала неугомонных энтузиастов — «стариков». Дождались ли они «девятого вала» — не знаю. Для меня описанный был последним на далекой, но крепко приросшей к сердцу Колыме. Прошли годы, но до сих пор она и гуси прилетают ко мне во сне.

Человек-корень

«Человек-корень» — таково значение слова «женьшень» в переводе с языков Востока.

Тропа выводит меня на берег горной речки Эльдагоу. Именно о ней, почти об этом месте, рассказывал когда-то у костра капитану Арсеньеву его неразлучный спутник Дерсу Узала. Здесь, в верховьях речки, тигр отнял у гольда убитого им пантака-изюбра.

Сквозь стволы чозениии — береговой ивы, сквозь опущенные к воде ветви черемухи вижу маленькую рубленую избушку. Из трубы вьется голубоватый дымок. Значит, мои товарищи-корневщики Петр Афанасьевич и его сын Саша уже прибыли и растопили печурку: прошли дожди, избушку надо просушить.

Во дворе зимовья с облегчением сбрасываю свой увесистый рюкзак. Дворик — утоптанная ровная площадка перед избушкой. Вокруг — травы выше человеческого роста. Мерно покачиваются на ветру стройные, как пальмы, чозениии — всего 15–20 сантиметров в диаметре, а высота 25–30 метров! Меж ними ясень, орех, сирень, черемуха. В десяти метрах шумит Эльдагоу.

Готовимся к завтрашнему походу. Налаживаем обувь, убираем картошку и помидоры в яму, выкопанную под стеной зимовья с теневой стороны. Накрываем ее от бурундуков, мышей и птиц. Консервы — под нары. Хлеб — в мешок, чтоб не сох, не черствел. Крупы, чай, соль, сахар — на полки, где посушше. Заготавливаем сухие дрова на случай непогоды, складываем тоже под нары. Сухая кора чозениии — отличная растопка.

На площадке перед зимовьем варим на костре ужин. Тут же и едим, рассевшись возле огня на чурбаках, чаевничаем и рано ложимся спать. Нары узкие, втроем тесно. Ложимся валетом: Сашка с отцом в одну сторону головой, я — в другую...

Чуть свет Петр Афанасьевич вытягивает из-под нар кусок сухой коры, чиркает спичкой — и сразу вспыхивает костер. Быстро одеваемся, умываемся на речке, завтракаем, Сашка перекидывает через плечо сумку с хлебом, помидорами — пошли.

Путь наш лежит на тот берег Эльдагоу, в горы.

...Впервые я увидел женьшень в детстве, на плантации, созданной моим дедом еще в девяностых

годах прошлого столетия. Помню, мы с младшим братом тихо стоим на узкой дорожке, держась за руки отца. Дорожка — проход между грядами многолетних дедовских посадок женщины. Стоим и смотрим, как завороженные, на красные головки, на стрельчатые темно-зеленые листья. Стоим молча, слушаем, как отец тихо беседует с заведующим питомником Григорием Васильевичем о какой-то тле, о червяках, подтачивающих растения...

Потом я видел — это тоже было давно — обтрепанных, пахнущих костром корейцев-корневщиков, бережно и торжественно развязывающих перед жадным взором седого аптекаря свои продолговатые лубки из кедровой коры. Там, на мху, слегка пересыпанные землей, лежали маленькие корявые «человечки» цвета слоновой кости. И все молчали, сдерживая дыхание...

Сам я женщиной раньше никогда не занимался: не искал, не находил, не копал. В тайге главным для меня была охота. А тут вдруг почувствовал, что должен найти его сам, должен первым увидеть то, что еще не видел ни один глаз, получить право крикнуть стариный азиатский таежный клич: «Панцуй!»

Около километра Петр Афанасьевич ведет нас сквозь заросли вниз по течению. Здесь, подмытая водой, упала поперек реки не очень толстая, но длинная лесина. Упала и зацепилась вершиной за островок. За островком неглубокий рукав, основное течение проходит здесь, под нашим крутым берегом. Вода мутная и стремительная, пенится и мчится, унося на себе листья, ветки, корни, щепу. Лесина вся мокрая от брызг и пены, дрожит под напором воды...

Петр Афанасьевич переходит первым. Сашка балансирует вслед за ним. Петр Афанасьевич смотрит на меня с того берега с усмешкой: как, мол? Кричит: «Может, ползком лучше?»

Нет, друзья, этого представления, о котором так интересно будет потом рассказывать дома, я вам не устрою.

Ствол дерева под напором выбириует как живой. «Слечу — выплыву, чего тянуть», — ступаю и медленно двигаюсь полубоком, не глядя под ноги, но цепко нащупывая подошвами, к счастью, еще шероховатую кору дерева.

Перешли пойму и растянулись в цепочку для поиска. Сразу начался подъем, сильно заросший и каменистый.

Корень жизни ищут не как попало. Нет, это стройная, веками отработанная система. Корневщики неторопливо, но почти безостановочно движутся цепью в направлении, заранее намеченном старшим, — обычно по ключу или распадку. Слоны прочесывают виражами снизу вверх или наоборот, как удобнее. И особенно тщательно, если там есть старые, многолетние следы, как подлуб, говорящие о том, что женщина когда-то здесь был...

Обычно на кедре, ближайшем от того места, где был обнаружен женщина, со стороны, обращенной к этому месту, сдирается кора — подлуб, отсюда и название. Классический подлуб делали шириной около 20 и длиной до 80 сантиметров. Он сохраняется десятилетиями и виден издалека, порою даже на давно упавшем дереве. Что он означает? А то, что если тут и был когда-то вырыт корень или даже целая семья, то осыпавшиеся семена и маленькие корни могли остаться. Мог остаться необнаруженным и большой, «спящий» в те годы корень.

Ведь никто до сих пор точно не знает, как долго живет женщина, если его не тронет человек или (иногда) зверь. Раненный копытом животного, огнем или упавшим деревом, корень «засыпает». Порою на годы. Придавившее его дерево, уже гнилое, трухлявое, совсем рассыпается, и вдруг сквозь эту труху изумленный взор лесного бродяги замечает возвращающийся к жизни корень. И человек благоговейно опускается перед ним на колени...

Если же хозяин подлуба возвращался к нему спустя несколько лет и выкапывал все, что появилось за эти годы, он опаливал свой подлуб, давая этим знать, что здесь больше делать нечего. Раскрывал секрет? Пожалуй, просто делился им с собратьями по профессии.

С другой стороны, нашедший корень имел право поставить свою метку — воткнуть рядом палочку с условным знаком: «Я ЕГО нашел, но пока оставил». То ли не подошло время копать, то ли решил дать ему еще подрасти. Такой корень никто не имел права тронуть, к нарушителям закон тайги был беспощаден. Разоблаченный в попрании заветов предков обычно из тайги уже не возвращался...

В наше время всякие проявления самосуда, разумеется, запрещены. Но, как ни печально признавать, уважение к некоторым добрым традициям в поиске женьшеня стало нарушаться. Встречаются поисковики, которые действуют по правилу: есть ли заметка, нет ли ее, нашел корень — копай, выдирай. Часто и выкапывать стали не вовремя, до завершения вегетационного периода. Иные стали собирать и всю мелочь. Если малышей нельзя хорошо замаскировать буреломом, их пересаживают в укромное и недоступное место.

Путь к корню указывают и заломки. Опытный корневщик все время надламывает на ходу ветки кустарника. Такие заломки сохраняются год, два и три. Если заломки свежие, значит, какая-то партия обыскала этот участок — делать тут в этом году больше нечего. Или можно идти, но уже параллельно. Человеческий глаз — аппарат несовершенный, мы как-то наткнулись на целую семью редкостных растений в двух шагах от заломок всего двух-трехдневной давности! А прошла партия бывалых таежников, мы нашли их добротный балаган, пепел от костра был еще горячим.

Обязательный спутник корневщика — палка. На нее он опирается при подъемах и спусках, при переходах через речки, ею беспрестанно раздвигает траву, высматривая. Сбивает по утрам перед собой росу, снимает с куста предательскую липкую паутину, которая может вдруг залепить лицо и даже глаза... Палка должна быть легкой и прочной, около полутора метров длиной. Я сделал себе из молодого стройного побега клена. Пожалуй, это самое гладкое и ровное у нас дерево из широколистенных пород (хвойное пачкает руки). В верхней части палки вырезал свои инициалы, и это так понравилось моим спутникам, что они сделали на своих то же самое.

У палки раньше было еще одно важное назначение. Корневщики ходили большими партиями-артелями: густой цепью, так, чтобы не пропустить ничего и больше не возвращаться к этим местам. Интервалом в такой цепи служила та же палка: время от времени люди сверяли его, соприкасаясь концами своих посохов. Сейчас корневщики порою так растягиваются, что вообще теряют друг друга в чаще леса. Тогда опять выручает палка.

Кричать в тайге не принято. Это закон охотников, а таежники почти все охотники. Чем тише веду я себя в лесу, тем больше могу заметить, не будучи замеченным.

Можно свистнуть, но свист не очень четкий ориентир в лесу. Бьют все той же палкой по ровному и гладкому хвойному дереву, снизу вверх вдоль ствола, так, чтобы на него легла большая часть палки. «Тук-тук-тук», — звучит где-то в распадке. «Тук-тук», — откликается на склоне. И сходятся тихо, неприметно. А издали можно подумать — дятел.

...Шагаем, шагаем, шагаем. С кручи вниз и опять на кручу. Перелезаем через упавшие стволы деревьев, проползаем под ними, скользим по камням, переходим ручьи. Глаза все время ищут, а в лесу темно: черные стволы и коряги, темно-зеленые листья и трава — вечный сумрак летом. Длительное напряжение вызывает внезапную реакцию: силы покидают вдруг, непреодолимо хочется сесть, прислониться спиной к дереву, закрыть глаза... Но вот из сумрака листвы выглянули гроздья оранжево-красных ягод лимонника. Беру в рот сразу целую горсть и жую. Горько, сводит челюсти, но через минуту-

другую ощущаю явный прилив сил. Съедаю еще несколько ягод, и — удивительно — утомление куда-то уплывает, ноги снова легко несут дальше, глазам возвращается зоркость.

Третий день ходим впустую. Только раз наш старший дробно застучал палкой, условным свистом подозвал к себе.

— Несколько старых подлубов: вон и вон, а там еще; давайте покружим...

И сам же через несколько минут негромко выкрикнул долгожданное слово. Я кинулся прямо сквозь заросли. Он стоял на коленях и смотрел в траву, я сразу даже не понял куда...

— Не видите? Вот он и вот. Старая копка! Уже года два или три как взяли родителя. Тогда эти малыши еще не взошли.

Их было пять штук, малышей. Всего по одному маленькому листику, а ростом не выше спичечной коробки. На свет растение появляется лишь на второй год и таким карликом живет года два. Попробуй заметить его в траве!

Потом оно немного вытягивается, появляются два листочка. Еще через год-два развиваются уже две, потом три веточки с пятипалыми листьями на каждой: три средние — длинные и острые, боковые, смотрящие чуть назад, меньше и более округлые. Становясь старше, он прибавляет в росте и наконец выбрасывает стрелку как продолжение стебля. На верхнем конце этой стрелки развивается цветонос, на котором в июле завязываются зеленые семена-ягодки. Примерно к середине августа они краснеют, потом становятся ярко-красными и так стоят, чуть побурев, пока не осыплются в сентябре, если их не склюют птицы.

С годами у дикого женьшена появляется уже четыре, потом пять и даже изредка шесть веточек-сучков, но всегда с теми же пятью остроконечными листиками на каждом сучке. По красной головке найти женьшень гораздо легче, поэтому в разгар корневки — во второй половине августа — многие сотни людей, среди них и горожане, устремляются в «дебри Уссурийского края».

Этим утром у старого моста через речку мы встретили троих. Плотный пожилой мужчина с усилием поднялся нам навстречу. Двое других не встали.

— Здравствуйте. Корнюем? Издалека?

— Корнюем. Мы с Тавричанки, шахтеры. Каждый год — отпуск в тайге. Вот возвращаемся. Сегодня двенадцатый день, как из дома... По балаганам да у костра. Что, на чертей похожи? — улыбается, посматривая на своих товарищей. — Закурить у вас есть?

Угостили.

— Тут у нас избушка недалеко, может, зайдете передохнуть, поесть, — дружелюбно предлагает наш Петр Афанасьевич по правилам таежного этикета.

— Спасибо, харчи еще есть. А далеко тут до деревни, до лесовозов? Мы же забрались в тайгу с той покати, с Сучанской.

— Не так далеко, часа за три дошагаете, ежели ходом. А как ноне дела?

— Неважно нынче. Хороший корешок всего один. Ну и мелочи маленько. Вот в прошлом году взяли подходящие... Ну, пока, спасибо, мы пойдем...

«Бывайте здоровы!» — «Бывайте!» И, навалив рюкзаки, они зашагали вниз по течению. Эти оборвались, устали, но не сдались. Они и будущей осенью окажутся в лесу.

Они... Но сколько начитавшихся, наслушавшихся интересных рассказов позорно дезертируют при

первом же соприкосновении с не всегда прекрасной и сказочной действительностью. И серьезная охота, и поиск — тернистый путь; Горы, скалы, камни, россыпи, упавшие мертвые деревья, на которые неожиданно натыкаешься в высокой траве; заросли колючего элеутерококка и еще более колючего «чертова дерева» — аралии. Болота, встречающиеся даже высоко в горах, горные ключи, которые часто нелегко перейти. Паутина, протянувшаяся густой сеткой с куста на куст. С каждой ветки за шиворот сыплется обильная роса, до пояса «купает» мокрая трава. А гнус: в тени комар и мошка, на солнце — мокрец и слепень. Можно наткнуться на гнездо диких пчел или шершней, одно «пике» которых в лоб может сшибить с ног.

Все это, разумеется, оборотная сторона. А вот другая — чистые леса, твердая и сухая почва, пологие скалы. Идти легко, нога ступает уверенно. Лес продувается ветром, гнуса нет. Это храм, пол которого — зелень и яркие цветы, колонны, поддерживающие голубую крышу, — мощные стволы вековых деревьев. Щебечут птицы, выглядывают грибы и ягоды, разлиты изумительные лесные запахи...

И разница между настоящим и ненастоящим таежником в общем и заключается в том, что первый всегда несет в душе эту обстановку священного храма. И когда он, стиснув зубы, прорывается сквозь непроходимые заросли, он знает, что скоро им конец и он вступит в лесной храм.

А второй видит только зеленый ад, дебри, не понимает их и боится. Боится всего: как идти, куда идти, где сесть, где заночевать. Боится звуков, еще больше боится тишины... Он чувствует себя одиноким и всеми покинутым!

Их надо понимать: новичку все ново. Но и они разные. Одни присматриваются, принююхаются, превозмогают страх, расспрашивают бывалых — одним словом, учатся читать эту непонятную им мудрую книгу, приспособливаются постепенно к незнакомым условиям. Они инстинктивно любят все это и хотят постичь. И бывает, довольно быстро осваиваются. А вот другие — бегут. Бегут в панике при первом удобном случае, чтобы уже никогда больше не вернуться. Ибо это не для них... Таким надо ездить в пригородные однодневные экскурсии, где по расписанию ходит автобус; там гладкие дорожки, скамейки, киоски...

Первых, к сожалению, меньше. Но отрадно, что они не переводятся, нет, мне кажется, что их становится больше; не все идут за женщиными или на охоту, но мне всегда приятно видеть группы молодежи с рюкзаками, в видавших виды штурмовках, в поношенных кедах... Тех, которые предпочитают проторенным тропинкам и туристским базам нехоженные места. Таких не страшно пригласить с собой в тайгу. Это они будут любить и охранять ее после нас...

После длинного утомительного дня мы возвращаемся к избушке. Смеркается. Перед зимовьем весело и уютно расцветает оранжевое пламя костра. В расставленную на речке сетку за день попало несколько ленков, и сейчас они варятся с картошкой и лавровым листом. Рядом, в котелке, чай с лозой лимонника. Целая гамма запахов плывет в вечернем воздухе в клубах пара, подсвеченного мягкими бликами костра.

Едим молча, все голодны.

Потом команда отца: «Сашка, прибрать посуду, налить чай!» Петр Афанасьевич вынимает пачку махорки, кусочек газеты, скручивает цигарку и прикуривает от головешки. Пустив дым, вспоминает:

— Да я ведь еще десяток лет назад понятия не имел, что это за корень. Так, слышал, конечно, корень женщины, — отхлебнул из кружки чаю. — Братуха мой, лесник, уговорил сходить с ним, так и пошло. Проходили мы тогда с ним первые три дня — и тоже ничего. Под вечер наткнулись на старый подлуб: так лет ему, видно, сорок, не меньше... Все обшарили кругом — ничего... Устал я, голодный, злой; сел на колоду и думаю: ну его к чертям этот корень. Сейчас скажу братухе: пошли домой. А он подходит, садится рядом и говорит тихо так, спокойно только одно слово: «панцуй»... Ну, я вспылил: чего ты, говорю, Лука,

попусту людям голову морочишь? А он: почему, говорит, попусту? И, не подымаясь с колодины, отводит своей палкой соседний куст, а там... один к одному четыре красавца пятисучковых! Веришь, я аж онемел! Вот и «заболел» с тех пор. Уже десять лет ни одного сезона не пропускаю.

Сашка, помыв посуду остатками чая и пучком травы, присаживается в тени на обрубок:

— А я в запрошлом году. На ключе. Папка все смеется: ничего ты найти не можешь. Иду, запнулся. А он — вот он! Чуть я его не растоптал... Ну, ка-ак закричу!

— Да, нашел. Вот я и прозвал тот ключ Сашкиным. Далековато, и путь к нему крутой, но богатый. Пойдемте-ка мы, хлопцы, завтра туда.

Догорает костер. В темном небе качаются над головой пальмы-чозении, закрывая верхушками то одну звезду, то другую. Легкий ветер, как прикосновение далекой юности, приноситочные запахи трав и невидимых цветов. Журчит по камням Эльдагоу.

Утром снова в путь. Опять карабкаемся и раздвигаем палками траву. Вдруг резко и хрюплю свистнула кабарга; всего в десятке метров от нас появился грациозный, редко попадающийся на глаза зверь. Самец. На таком расстоянии хорошо видны верхние белые клыки, которыми природа наделила эту «козочку» вместо рогов. Как будто понимая, что летом ей не грозит опасность, она ушла не торопясь, несколько раз с любопытством оглянувшись на нас. На глинистом оползне след изюбра пересек кабан.

Невозможно не удивляться неповторимому разнообразию флоры и фауны Уссурийского края. Рядом с северной елью и пихтой — стройный маньчжурский орех с плодами в зеленой коре, размером с небольшое куриное яйцо и нежное бархатное дерево; жители Дальнего Севера бурый медведь и росомаха — с тигром и пятнистым оленем. Этот удивительный уголок земного шара на школьном глобусе можно накрыть пятикопеечной монетой; юго-восточный уголок Маньчжурии, северо-восток Кореи и Приморье. А оно самое богатое, особенно женщинам. Недаром, по преданию, бог вытряс все остатки из своего мешка именно здесь, на берегу Японского моря, где он «присел отдохнуть на седьмой день сотворения мира»...

На песчано-илистом берегу ключа отпечатал свои лапы размером с десертную тарелку амба. Удэгейцев и гольдов здесь уже нет, но эти хозяева тайги остались. Если бы великаны кедры и дубы могли рассказать то, что они видели на своем веку, много интересного и страшного можно было бы услышать: о пантах и женщинах, о хунхузах и тиграх; о том, как этот женщина и панты по многу раз переходили из рук в руки и, политые кровью людей, порою попадали в челюсти царя зверей, но чаще в палаты хитрых мандаринов. Много полуистлевших, непогребенных костей и черепов лежит в этих горах. Многих сгубила погоня за чудодейственными, ценнейшими лекарствами этой земли.

...А там, далеко на юго-западе, за высокой неприступной стеной, охраняемой многочисленной стражей, в старинных экзотических теремах-пагодах важно сидели разодетые в тисненыешелковые халаты надменные сановники.

Через леса и горы, по рекам и морям, через много рук приходили к ним средства, возвращающие молодость. Обман, шантаж, насилие и убийства — все было на пути этих ценностей к их конечной цели. Все ради того, чтобы эти бледно-желтые повелители миллионов стали обладателями эликсиров жизни.

...На цветныхшелковых подушках поверх оранжево-черных полосатых тигровых шкур чинно и торжественно сидят гости. Тишина. Только всхлипывают замысловатые опийные трубки, и сизый дым медленно тает в высокой темной комнате. Гости облокотились на инкрустированные, полированные, как зеркало, низкие столики черного дерева. Тонкие желтые пальцы с длинными, загнутыми на мизинцах ногтями придерживают мундштуки из слоновой кости.

Хозяин медленно, без выражения на застывшем, как восковая маска, лице открывает фамильный,

окованный серебряными цветами ларец и выкладывает на малиновый бархат очищенные и сухие, как мозги, желтоватые кости тигра, сваренные и высушенные в самой поре панты пятнистого оленя, невиданной величины, классической формы «человек-корень»... В отдельной шкатулке — для врагов — усы тигра. Измельченные и подсыпанные в пищу, они, по преданию, умерщвляют медленно, но неотвратимо.

Затихли сипевшие опийные трубки; высокие гости церемонно наклоняют головы: они созерцают величие хозяина. Слуги-евнухи в почтительном отдалении пали ниц...

Так, веками превыше всего ценились на Востоке три сокровища — дары дальневосточной тайги: панты, женьшень, кости тигра. Дорога соболь, дорога хвост изюбра, дорога для бесплодных жен и наложниц лутай — выпороток — не родившийся еще олененок; пушистая шкура рыси и опиум... Но все это мелочь по сравнению с тем, что показал хозяин. Чтобы иметь все это, не жалели ни золота, ни серебра, ни жизни людей!

...Мы уже перевалили через Сашкин ключ, когда услышали треск, потом приглушенный разговор. Какие-то люди пробирались сквозь бурелом в нашем направлении. Еще во времена Арсеньева такая встреча могла оказаться небезопасной. Теперь это почти исключается. Мы сели на поваленный ствол кедра и стали ждать. Из зарослей вынырнула шапка, потом тонкий ствол ружья. Двое. Одному лет тридцать, второй постарше. Лица и одежда прокопченные, локти и колени подраны: видно, что люди много ночей провели у костра. Подошли, поздоровались. Сели, закурили.

— Откуда, ребятки, куда? — Петр Афанасьевич ощупывает их глазами.

— Да мы здешние... — назвали свое село. — Сейчас с Круглой. Почитай, ден четырнадцать уже как из дома. Возвращаемся теперь напрямую — горами...

— А-а, знаю вашу деревню. Тут порядочно, сегодня вам не дойти, — авторитетно заявляет Петр Афанасьевич.

— Переночуем где-нибудь под кедром — нам не привыкать, завтра доберемся.

Да... Без опыта тут можно и неделю бродить, и вообще угодить в этом зеленом океане на другую сторону водораздела. Особенно в непогоду, когда не сориентируешься по солнцу. Таких случаев, в том числе и с трагическим исходом, немало. Но это, видно, бывалые ребята.

— Ну как — удача? — самый животрепещущий вопрос для солидности задается не сразу...

— Да так... В прошлом году лучше было... Но десятка три с малышами взяли...

Черт возьми! Три десятка! Правда, они пробыли около двух недель, да еще под знаменитой Круглой сопкой, но все же... А мы? Неужели так и не добьемся успеха?

Передохнули и распрощались. Они нырнули в зелень в одну сторону, мы — в другую. Снова рассыпались в цепь.

Справа сквозь кусты вижу серую куртку Петра Афанасьевича. Он двигается не торопясь, смотрит под ноги и вокруг. Сколько раз за эти дни сердце замирало при виде красной головки! Но каждый раз это оказывались осеменившиеся головки пиона, и мы сбивали их палками за обман.

Четвертые сутки неотступно бьется мысль: «Найти, увидеть бы этот сказочный, легендарный огонек». Это уже как тик, как приближающаяся нервная болезнь.

Мы забираем немного влево, и вдруг еще левее, шагах в пяти-шести, глянул на меня из-за куста какой-то яркий глазок и спрятался тут же, ибо я успел сделать по инерции еще шаг. В два прыжка около куста. Заглядываю — смотрит! Опускаюсь к нему ниже, ниже, смотрю и глазам не верю — ОН! Конечно, это

он глядит на меня из пышных зарослей невидимыми, таинственными, древними глазами. Листики — те, что я помню с детства, красные семена-ягодки. Кричать? Или нет, может быть, мне мерещится, я так долго и напряженно ждал этого... Нет, он — кричать...

Сдавленным, совсем чужим голосом я просипел: «Панцуй!» И сразу через кусты кинулся ко мне Петр Афанасьевич. Присел перед ним, осмотрел внимательно, потом поднялся и подал руку:

— Четырехсучковый. Поздравляю. Для начала неплохо!

А я не могу прийти в себя от восторга!

Подбежал Сашка. Петр Афанасьевич стал осторожно подкапывать корень, а мы с Сашей — искать вокруг. Может быть, есть семья? Но больше ничего не обнаружили.

В старину женщины выкапывали оленым рогом, в полнолуние. Теперь его копают всяко: и деревянным колышком, и охотничьим ножом, не прикасаясь к корню, конечно, и просто руками. Важно выкопать так, чтобы не повредить длинные и тонкие корешки-мочки. Петр Афанасьевич роет не жалея ногтей. Вот появился женщина весь. Хорошей формы корешок, но небольшой, хотя и немолодой, судя по количеству колец на длинной шейке и темно-бежевому цвету. Но для меня сейчас суть не в величине...

А Петр Афанасьевич взрыхлил ножом почву вокруг выкопанного корня, снял с головки красные семена и рассеял их, слегка притоптав. Это одно из старых правил, которое теперь тоже соблюдается далеко не всеми. Потом он содрал кору с ближайшего кедра, согнул из нее лубок, собрал с камней и валежин мох, выстелил дно лубка, уложил женщину аккуратно и прикрыл тем же мхом; затем свел концы коры, как бы закрыл его, и перевязал сверху лыком. Упакованный так, женщина не теряет ни веса, ни жизнеспособности. Один старики рассказывал, как нашел в лесу потерянный кем-то такой лубок с корнями женщины. Прошли годы. Лубок сгнил, а корни проросли, «встали на ноги» и зацвели. Вот какова их жизненная энергия!

Солнце уже перевалило за полдень, мы развернулись в направлении табора, стали спускаться по крутыму склону глубокого Сашкиного ключа. В этот день он был милостив к нам. Не прошло и часа, как я снова крикнул: «Панцуй!» На этот раз уже твердо и уверенно: наткнулся на маленькую семью из четырех растений с таким же примерно, как и первый, родителем во главе. Один был трехсучковый, еще без стрелки и головки, два только с двумя сучками. Потом прокричал Петр, потом Саша. Настроение поднялось, копали азартно, со смехом и шутками. К вечеру в нашей «шкатулке» чинно лежало на мху тридцать корней...

Недалеко оставалось до старой лесовозной дороги, которая вела к зимовью. Все сильно устали и, нарушив цепь, шли гуськом, поднимаясь по пологому косогору. Саша с отцом шагали след в след. Я немного задержался, разглядывая старую медвежью берлогу в дупле сломанного бурей тополя. Видно было, что мишка зимовал здесь в прошлом году.

Полюбовавшись, знакомой картиной, принялся догонять товарищей, по старой охотничьей привычке на ходу осматриваясь по сторонам. Они уже миновали огромный ствол липы, упавшей много лет назад во время лесного пожара. Я повел глазами вдоль ствола, и из-за него на меня глянула огненно-красная головка. Пион? Нет, не то. Но уж больно велика. Я прыгнул к липе и обомлел: на маленькой полянке во всем своем великолепии стоял пятисучковый красавец женщина! Более полуметра ростом, он широко раскинул зонтообразные ветви и с гордо поднятой головой как бы обозревал окружающую природу. Сколько в нем было величия и таинственности! Сколько десятков лет он прожил тут? Сколько раз огромный ствол липы надежно оберегал его от зорких глаз лесных паломников? А может быть, он спал годами, поврежденный при падении липы, и лишь в этом году вновь пробился к солнцу? Тем более что вокруг не видно ни правнука, ни внука, ни сына. У старики не было потомства, хотя в этом году его мощная

головка была усыпана семенами. Он был прекрасен!

Услышав мой рывок, товарищи остановились. А когда я вскрикнул в восхищении, они заспешили ко мне.

Вот как случается. Петр Афанасьевич и Сашка ниже меня и, проходя мимо, просто не могли заметить красный тюрбан, выглядывавший из-за такого надежного крепостного вала. Старый газа, гольд или кореец сказал бы: «Горный дух Сан-Син смилился в этот день над новичком за то, что тот не сделал напрасного вреда кабарге, — это он выдал ему корень...» Мы, современные люди, говорим: «Его величество Случай!» Встречи в тайге во многом зависят от зоркости и внимания плюс стечения обстоятельств.

Сашка ревниво произнес: «Вот это да!» Ему было обидно, что не он нашел великана, несмотря на то, что все делится между участниками поровну. Отец вымолвил: «Генерал». И я сразу почувствовал, что сегодня обрел авторитет равноправного корневщика.

Почтенный женьшень был с «указателем». Чуть ниже семенной головки торчал в сторону маленький зеленый отросток, и на нем одна ягодка. По преданиям, он указывает направление, где скрывается другой корень. Наш глядел на восток, но, сколько мы ни искали, больше ничего не нашли.

Корень мог быть очень большим, но попал отростками в камни и сплетение корней соседних деревьев, что затормозило его развитие. Судя по количеству колец на шейке, женьшеню было много лет: как все лесные старики, он был оливково-желтый. Небольшой относительно рост ничуть не умалял его красоты, и я был поистине счастлив в этот памятный день. Мне казалось, что сегодня я был посвящен в одну из самых главных, самых сокровенных тайн наших лесов. Как много лет назад, когда добыл первого тигра, первого пантача. Потому, что ТИГР, ОЛЕНЬ, ЖЕНЬШЕНЬ — «три кита» Уссурийской тайги.

А она прекрасна, и нет ей равных. Только жаль, что с последними, уходящими стариками безвозвратно уходят в прошлое вековые, мудрые лесные традиции. А их надо, очень надо беречь. И хочется повторить слова Редьярда Киплинга: «Всем доброй охоты, кто джунглей законы хранит!»

ЗВЕРИ И ЛЮДИ

СЕРИЯ
"ЗВЕРИ И ЛЮДИ"

ГРОГА